

Джеон Фладни

Арюис
Кэрролл
и его мир

John Pudney
Lewis Carroll
and his world

Thames and Hudson
London 1976

Джеон Фладни

Льюис
Кэрролл
и его мир

Перевод с английского
под редакцией В. Харитонова

Москва • 1982

Предисловие *Д. Урнова*

Перевод и примечания *В. Харитонова и Е. Сквайрс*

Редактор *З. Федотова*

Английский писатель и литературовед в популярной и увлекательной форме рассказывает о жизни и творчестве известного английского писателя. Главная тема его исследования — контраст между миром, в котором жил декан оксфордского колледжа Крайст-Черч Ч. Л. Доджсон, и тем, который создал он же под псевдонимом Льюиса Кэрролла в своей великолепной книге «Алиса в Стране Чудес».

Книга богато иллюстрирована рисунками и фотографиями Л. Кэрролла, предоставленными издательством «Темз энд Хадсон».

На первой странице: Льюис Кэрролл с
фотообъективом.
Фотография О. Дж. Рейлендера
(1863).

© 1976 John Pudney

© Предисловие, перевод на русский язык, примечания, издательство «Радуга»

П $\frac{70202-092}{030(01)-82}$ 166-82

4603000000

ПОСЕЩЕНИЕ СТРАННОГО МИРА

До сих пор весь Оксфорд продолжает игру, некогда начатую этим человеком. Приезжали сюда сто лет назад читатели «Приключений Алисы в Стране Чудес» и спрашивали:

— Можно ли видеть Льюиса Кэрролла?

Застенчивый, заикающийся, высокого роста джентльмен отвечал:

— З-здесь такого нет. Мое имя До-доджсон.

А теперь в ответ на вопрос «Где здесь жил Льюис Кэрролл?» переспрашивают:

— Доджсон?

— Да, где находилась его квартира?

— Трудно сказать.

Трудно?! Льюис Кэрролл (он же Чарлз Лютвидж Доджсон) прожил в Оксфорде сорок семь лет, почти сорок лет он преподавал здесь математику, он, по его собственным подсчетам, обедал в столовой своего колледжа восемь тысяч раз, и после всего этого никто не знает его точного адреса?

Игра, как шла, так идет и в шутку, и всерьез. Шутя, на досуге, Льюис Кэрролл рассказывал забавные истории и сочинял смешные стихи. Так это и называлось «поэтическая чепуха» или «поэзия бессмыслицы». А Чарлз Лютвидж Доджсон занимался наукой, математической логикой. Однако странная то была логика, потому что, если ей следовать, опять-таки получается чепуха.

Например, отправляясь к парикмахеру, Доджсон с невозмутимым видом допускал, что парикмахера в мастерской сейчас нет. Зачем же туда идти? И тут же Доджсон допускал, что парикмахер — в мастерской. Какое же предположение верно? Оба верны, был ответ. Как это может быть? Доджсон брал бумагу и карандаш и выводил, что из допущения «Парикмахера нет» следует: «Парикмахер на месте».

Специалисты подтвердят, что Доджсона невозможно поймать на логической ошибке. А если кому-нибудь пришло бы в голову пойти с ним и проверить? Рассказ про парикмахера на этом просто обрывается, но мы уже знаем, что бывало, когда приезжали в Оксфорд повидать Льюиса Кэрролла: «З-здесь такого нет». Причем задача не упрощалась, а только усложнялась, даже в тех случаях, когда Доджсон все-таки признавался, что он — Кэрролл, и это он автор «Приключений Алисы» и «В Зазеркалье». Современники не верили ни своим ушам, ни своим глазам. «Как?! Эта бледная личность, сухарь и педант написал такие увлекательные книги?» Одним словом, задал он всем загадку, этот человек, как бы его там ни называть.

Книга «Льюис Кэрролл и его мир», которую сейчас открывает читатель, отчасти помогает эту загадку разгадать. Но все равно читателю необходимо быть настороже. Вышла она в серии книг, среди которых «Роберт Бернс и его мир», «Марк Твен и его мир», «Оскар Уайльд и его мир». В этих книгах мы можем легко ориентироваться. Вот Шотландия, знакомая по стихам «славного Робина». Вот широкая Миссисипи, и мы, кажется, различаем плот, на котором находятся Гек и Джим. А вот оксфордский колледж, где учился «блистательный Оскар». А где же причудливый мир Льюиса Кэрролла?

Да, Льюис Кэрролл и Оскар Уайльд некоторое время находились в Оксфорде вместе. Только принадлежали они к разным колледжам, кроме того, Оскар Уайльд был студентом, а Льюис Кэрролл, вернее, Доджсон — деканом. Доджсон следил за порядками, которые нарушал Оскар Уайльд. Но с «блистательным Оскаром» все ясно: нарушал порядки в колледже, нарушал потом порядки в обществе. А что вы скажете, если узнаете, что Льюис Кэрролл тоже нарушал порядки, те самые, за которыми следил Доджсон?

Вот посмотрите на фотографию: университетский двор, так называемый «квадрат», где происходила торжественная церемония по случаю визита королевского семейства в Оксфорд. Как ожидал этого события Доджсон, как вместе со всеми готовился и трепетал! У него были заботы особые. Ведь он был еще и фотографом. И он заранее самым тщательным образом продумал, где ему лучше всего поместиться со своей громоздкой аппаратурой, чтобы запечатлеть высоких гостей. А кроме того, он мечтал (о, как мечтал!) пригласить тех же гостей к себе в кабинет, в студию, и сделать их фотопортреты. И тот же самый подобострастный хлопотун изобразил в своих книгах королеву сначала в виде злобной фурии, а потом в виде... старой овцы. Выбирал место, старался оказаться поближе к центру торжественного события, а в книгах представил дело так, будто королевская камарилья это какие-то игральные карты, просто пешки.

Проще всего допустить, что Кэрролл-Доджсон жил двойной жизнью. Однако в случае с этим странным человеком простые решения не годятся. Обычная логика тут не действует. Двойная жизнь? Говорил одно, а думал другое? Подобные предположения опровергаются его дневниками. Эти дневники отражают внутренний мир человека, который от королевского визита был в искреннем восторге, всегда вовремя являлся к обеду и был грозой недисциплинированных студентов. Таким образом получается, что верны два взаимоисключающих утверждения: «Льюис Кэрролл совершенно не похож

на Чарлза Лютвиджа Доджсона» и «Кэрролл с Доджсоном одно лицо». Далее выходит так: Кэрролл с Доджсоном жили в разных мирах, и жили они в одном и том же мире.

Чтобы как-то решить эти сложные литературно-психологические уравнения, некоторые критики сочли возможным задачу упростить, вычеркнув чудо. Они предложили никакой разницы между Кэрроллом и Доджсоном не замечать, и у них получилось: чем хуже, тем лучше, чем скучнее, тем веселее. Например, первый вариант «Приключений Алисы», по логике этих критиков, ни в чем не уступает окончательному и даже еще превосходит его. Согласиться с таким мнением можно, лишь не зная или не желая знать факты. Ведь в окончательном варианте появились самые занимательные, самые знаменитые эпизоды, которые Кэрролл написал, в частности, вдохновленный рисунками художника Джона Теннила. Но критиков, которые не хотят видеть разницы между весельем и скукой или, в самом деле, не видят ее, этим не смутишь. Рисунки Теннила они объявляют не очень удачными. И ссылаются вроде бы на самого Кэрролла, который был чем-то в иллюстрациях недоволен. Действительно, он не всем был доволен. Но когда он написал свою вторую книгу «В Зазеркалье» и его спросили, кто ее будет иллюстрировать, Кэрролл ответил: «Только Теннил!» Он же не мог забыть, что фактически в содружестве с художником создал «Безумное чаепитие», пожалуй, самую классическую главу в «Приключениях Алисы», целиком разошедшуюся на пословицы. Нет, уж что такое чудо, он знал по себе. Ему была хорошо известна разница между писателем-парадоксалистом Льюисом Кэрроллом и обычным обывателем Ч. Л. Доджсоном. И он убедительно просил не путать эти два лица.

Прекрасно, что автор этой книги выполняет названную просьбу. Однако он понимает, что была же между этими лицами и связь. Они существовали в одной смертной оболочке и, кажется, один за счет другого. Чтобы рассказать о том, до чего странные чудачки эти англичане, Льюису Кэрроллу за материалом и ходить далеко не требовалось: перед ним был он сам в обличье Ч. Л. Доджсона. С доскональным знанием всей подноготной, черпая из первоисточника, Кэрролл описывал причудливые ужимки в поведении, непрерывную оговорочность речи, когда говорящий запутывается в собственной вежливости, и неожиданную жестокость рядом с уступчивостью, и подавленную истерию, вдруг прорывающуюся сквозь хорошо отработанные улыбки, приверженность повседневному, ежеминутным ритуалам, которые всем приелись и без которых те же люди жить не могут. С тончайшим самооблачением выходил Льюис Кэрролл к читателям. А если

читатели-почитатели приходили к нему, он являлся перед ними заикой и занудой, как персонаж собственной книжки, всего лишь персонаж, не насмешник, а объект для насмешки.

Джон Падни отмечает особенность в сопоставлении Кэрролла и Доджсона: над чем Кэрролл посмеивался, то Доджсон воспринимал без тени улыбки. Например, перчатки. «Ах, я опаздываю! Герцогиня рассердится! Куда это я их подевал?» Это Белый Кролик — смешное существо со страниц «Приключений Алисы». Но всякий, кто видел, как Ч. Л. Доджсон подбирал, покупал и носил перчатки, понимал, что тут не до смеха. Бытовые детали постепенно накапливаются, а затем переплавляются в художественные фигуры и образы — это происходит в творческой лаборатории каждого писателя. Но у большинства писателей факты, переходя из жизни в книги, все-таки остаются узнаваемыми по отношению к ним писателя. Стивенсон увидел сосны и дюны Калифорнии и перенес их на вымышленный остров Сокровищ. Но это все те же пески и сосны, на которые Стивенсон смотрел взглядом романтика, живи он в каморке под Сан-Франциско или в коттедже под Брэмаром. А Льюис Кэрролл изображал, кажется, совсем не то, что видел Ч. Л. Доджсон. Хотя исследователи, как положено, доискались до различных деталей, пейзажей, домов и улиц, которые преобразенными вошли в книги Кэрролла (Джон Падни дает соответствующие фотографии), однако несходство разительно именно по окраске, по отношению к этим деталям со стороны создателя Страны Чудес и обитателя Оксфорда.

Жилые комнаты Кэрролла в Оксфорде скрывают, и музея там нет. Но многие места, с ним связанные, показывают. Их и показывать специально нечего — там просто продолжается все та же университетская жизнь, что шла и во времена Кэрролла. Вот библиотека, где он работал. Вот зал, где он восемь тысяч раз обедал. А на стене этого зала его портрет в ряду портретов других деканов колледжа Христовой церкви. Вот с тем же самым постным выражением лица, должно быть, он тут сидел. Вставал для молитвы перед трапезой (и сейчас встают), опять садился. И так восемь тысяч раз, без тени улыбки. И этот человек написал «Алису»!

Даже современники думали, что ничего, кроме «Приключений Алисы», Льюис Кэрролл не написал. Это говорит о том, насколько его сказочные книги были для всех неожиданностью. На самом деле он все время писал и постоянно печатался, и Джон Падни называет подсчитанное библиографами число его сочинений — 255. Из этого количества публикаций художественными достоинствами обладают, на мой взгляд, два названия. Но даже чудеса не возникают вдруг, на пустом

месте, и когда просматриваешь его однотомное собрание сочинений в тысячу триста страниц, то видишь все-таки, как постепенно подготавливался этот взрыв. Прежде всего, сквозная игра ума. Все одна и та же игра — на счет. Все подсчитывается! Все, как мы теперь говорим, формализуется, превращаясь в значки, формулы, цифры. Никаких формул в сказках Льюиса Кэрролла не заметно, но привычка мыслить логически ощущается у Кэрролла часто:

«— Будьте добры, скажите, пожалуйста, как мне отсюда выбраться?»

— А куда ты хочешь добраться?

— Мне в общем-то все равно куда...

— Зачем же ты спрашиваешь дорогу?

— Ну, все-таки...

— Что «все-таки»? Иди себе, иди, куда-нибудь в конце концов и придеешь».

В Оксфорде вам покажут небольшой, огороженный высокой каменной стеной, дворик возле библиотеки, где мог происходить этот воображаемый разговор. Между маленькой Алисой и крупным Чеширским котом. Кот должен был сидеть вот на этом самом дереве. Кот улыбался. А потом вдруг исчез. И опять появился. И опять исчез. Алиса попросила: «Пропадают, пожалуйста, помедленнее». Кот просьбу выполнил. Он стал исчезать медленно. И постепенно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбкой. Он пропадал так медленно, что самого его уже не было, а улыбка еще оставалась там, на дереве. Медленно, так медленно. Логично?

Что касается жителей Страны Чудес и Зазеркалья, то многие из них не были выдуманы Льюисом Кэрроллом. Они уже существовали в народных сказках, в поговорках («Сошел с ума, как заяц в марте»), загадках и забавных песенках. Эти сказки и стихи английские дети обычно выучивали наизусть. Они знали их так хорошо, что даже не замечали, что те же сказки и стихи означают. А Льюис Кэрролл и здесь пустил в ход свою логику. «Сошел с ума, как заяц»? И перед нами заяц, как видно, совершенный безумец, потому что часы он смазывает сливочным маслом и не может понять, почему эти часы все время останавливаются: «Ведь масло высшего сорта!»

Но если бы то была только логика, никакой Страны Чудес не возникло. Джон Падни постоянно подчеркивает принципиальную разницу между подготовительным материалом и окончательным результатом в творчестве Льюиса Кэрролла. Материал заготавливал Ч. Л. Доджсон, но пусто и холодно было в его мире. Однажды его назвали «недочеловеком». А потом вдруг вспыхнул «золотой полдень», которого на самом деле, может быть, и не было (в тот день было прохладно и

хмуро), но день озарился душевно — Льюис Кэрролл начал рассказывать трем маленьким девочкам сказку о Стране Чудес. Замечательно, что это так и запечатлелось в книге, которую лучше всего читать детям.

Правда, существует мнение, что это совсем не детская сказка. В ней под легким покровом спрятано множество отнюдь не детских проблем. Попробуйте по примеру самого Льюиса Кэрролла заняться подсчетами, прикиньте, сколько раз на протяжении всего повествования Алиса вскрикивает, взвизгивает, и вы убедитесь, что это очень нервная сказка. Что мир, в котором живет маленькая Алиса, на самом деле тревожен. Сколько слез, драк, одна погоня за другой! «Сначала приговор, а следствие потом» — и это суд в Стране Чудес. Время стоит тысячу фунтов минута, земля — тысячу фунтов за один дюйм, за один клуб дыма — тоже тысяча, и тысяча фунтов за одно слово! Такова стоимость жизни в Зазеркалье.

Маленькие и большие современники Льюиса Кэрролла, может быть, и не все в этой сказке замечали именно потому, что им самим все было слишком хорошо знакомо. Как в наизусть выученных загадках и стихах. Джон Падни, опираясь на работу многих комментаторов, которые вот уже более ста лет расшифровывают книги Льюиса Кэрролла, очень хорошо показывает, что здесь все не просто. Сквозь чудеса и сказочность проступает облик страны, как бы сдвинутой с места промышленным переворотом, парламентскими реформами, а в то же время страны незыблемых традиций, однажды заведенного ритуала, где уж как сели однажды в пять часов пить чай, так, кажется, часы для них и остановились.

Кэрролл-Доджсон был действительно редкий человек. Жил как в скорлупе (говорит о нем Джон Падни), не выбиваясь из заведенного порядка жизни, а вместе с тем оказался современен будущему веку. Как ученый он предвосхитил решение некоторых проблем современной математики. Сочинял как писатель детские сказки, а они оказались предвосхищением самой взрослой литературы нашего времени, занятой проблемами подсознания. Он стал одним из первых пассажиров железнодорожного транспорта в то время, когда многие о паровозах думали так: «Ничего, побегает, подымят и перестанут!» Он же стал одним из первых фотографов. Он приветствовал первые фонографы. Он едва ли не первым из литераторов сел за пишущую машинку. Даже его внешняя обыкновенность оказалась перспективной, ведь в то время поэт — это поэтическая внешность, кудри длинные до плеч...

Однажды Льюис Кэрролл вдруг взял и вместе с другом поехал в Россию, и тут мы не можем согласиться с Джоном Падни, который склонен видеть в этой единственной зарубеж-

ной поездке Льюиса Кэрролла чистую причуду или случайность. Ведь и эта дорога оказалась перспективной! Именно после Крымской войны, в которой англичане потеряли свою кавалерию (Кэрролл знал наизусть стихи Теннисона об этом), они стали все пристальнее присматриваться к нашей стране, народу, культуре; после Крымской войны, как это ни парадоксально, в Англии началась своего рода «русская горячка». Так, например, начали читать русские романы. Романов Кэрролл не читал, но он съездил в Россию, побывал в Петербурге, в Москве, на Нижегородской ярмарке.

После поездки Кэрролла появился первый русский перевод «Приключений Алисы». В письмах Кэрролла мы находим имя переводчицы — Тимирязева, возможно, сестра К. А. Тимирязева, знаменитого русского ученого, в дальнейшем почетного профессора Кембриджского университета, друга Дарвина.

А вот это кто написал? «В тихий летний вечер, когда садящееся солнце освещает румяным светом все двадцать две коллегии старого Оксфорда с их готическими стрелками, с их стрельчатыми окнами и прозрачными аркадами, когда длинные тени старых дубов и каштанов ложатся на зеленые лужайки, парки, и стада оленей резвятся на освещенном лугу и по теням и сами мелькают как тени и доверчиво подбегают к университетским зданиям и келиям студентов... Дисциплина университетская похожа на монастырскую, игры учеников имеют еще характер детских забав; но зато это долгое детство приготавливает разумную и здоровую возмужалость...» Так кто же автор этого описания? Представьте себе, русский современник Льюиса Кэрролла известный общественный деятель А. С. Хомяков.

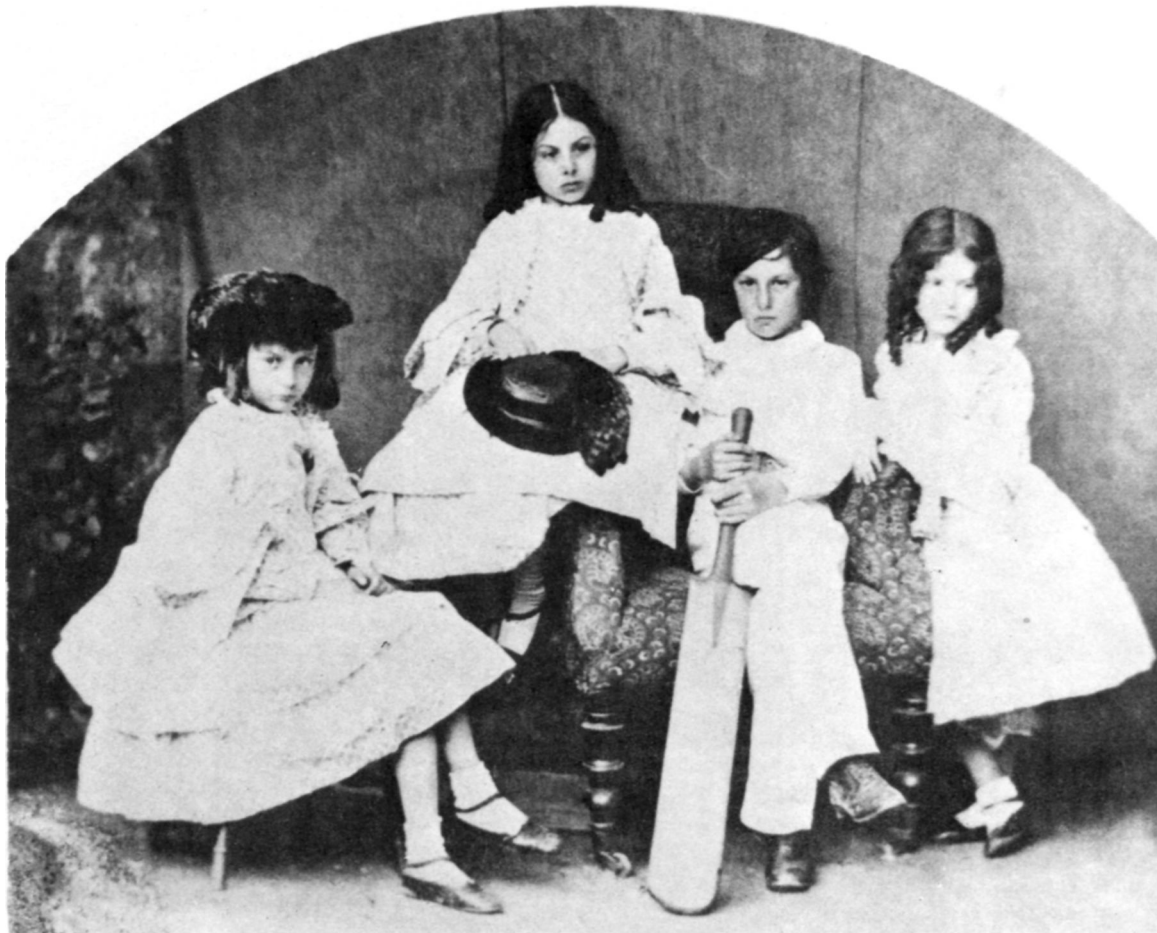
Оленей в Оксфорде теперь уже не увидишь, но те же готические шпили, дубы и каштаны на месте. Только вот почему они держат в тайне точный адрес Льюиса Кэрролла? А иначе отбоя от посетителей не будет. Людей, которые занимают комнаты Оскара Уайльда, можно только пожалеть. Там, где жил Лоуренс, пришлось переставлять стены, чтобы паломники оставили их в покое. Но всякий может видеть большой квадратный двор, который Льюис Кэрролл пересекал тысячи раз. В местном музее хранится вся его фотоаппаратура. Прямо против колледжа Христовой церкви, на другой стороне улицы, антикварная лавка, которую называют «Лавкой Алисы». Это там маленькая путешественница встретила со Старой овцой.

Мир Льюиса Кэрролла вроде бы на месте, и в то же время где он, этот мир? Конечно, в книгах Кэрролла, книгах, написанных кристально-чистой прозой. Такой чистой, что ма-

лейшее нарушение правильности мысли или слога сразу становится заметным. Но этого и добивался Льюис Кэрролл. Он хотел, чтобы самые обыкновенные слова освежились, обрели новый смысл, чтобы самые обычные вещи осветились новым светом. Он даже во сне решал задачи, этот Кэрролл, и он хотел, чтобы человеческий ум всегда бодрствовал.

Книга, которую сейчас открывает читатель, будет интересна для тех, кто уже читал «Приключения Алисы» и хотел бы познакомиться поближе с их автором. Интересна эта книга будет и для тех, кто о Льюисе Кэрролле только слышал. «Что за интерес, если в книжке нет картинок!» — думает маленькая Алиса. Так вот перед вами книга с толковым текстом и выразительными картинками, которая вводит в жизнь и творчество старшего друга Алисы, создателя Страны Чудес.

Д. Урнов

Тридцатилетний оксфордский преподаватель математики преподобный Чарлз Лютвидж Доджсон сменил белый прогулочный костюм и канотье на приличное его духовному званию платье и сделал педантичную запись в своем дневнике: «С Даквортом и тремя девочками Лидделл поднялись по реке до Годстоу, выпили чаю на берегу и домой добрались только в четверть девятого, пришли ко мне и показали девочкам коллекцию фотографий, а около девяти доставили их на квартиру декана».

Запись датирована 4 июля 1862 года.

Из последующей записи в дневнике выяснится, что одна из девочек, Алиса, попросила: «Расскажите нам, пожалуйста, сказку». А Дакворт припомнит, как перед расставанием в тот вечер малышка сказала: «Мистер Доджсон, как бы мне хотелось, чтобы вы записали для меня приключения Алисы».

Алиса, Лорина, Гарри и Эдит Лидделл, дети декана Крайст-Черч (ок. 1858 г.). Первые гости Страны Чудес¹.

¹ Большинство фотографий в книге принадлежит Льюису Кэрроллу. В подписях оговорено, если снимки принадлежат другому фотографу или их авторство неизвестно (например, «фотография конца XIX в.»).

Льюис Кэрролл — молодой преподаватель математики (здесь ему 25 лет) в колледже Крайст-Черч.

Этот эпизод давно бы канул в викторианское прошлое, не будь у высокого и застенчивого холостяка Доджсона, обожавшего детей, псевдонима «Льюис Кэрролл» и не выполни он просьбу маленькой Алисы Лидделл, написав «Алису в Стране Чудес».

На следующее утро, ожидая лондонского поезда 9.02, он встретил на станции Алису со всем ее семейством. Ехали они, видимо, порознь, поскольку еще до Паддингтона * у него были «записаны заголовки» для сказки, которая первоначально называлась «Приключения Алисы под землей».

Восемь месяцев спустя, в феврале 1863 года, он вернулся к старой записи в дневнике и на левом развороте приписал: «Сказка... которую я взялся записать для Алисы... завершена (по части текста), но над рисунками еще работать и работать»*.

Спустя двадцать пять лет этот давний эпизод предстанет в сказочном ореоле:

«Для начала я отправил свою героиню под землю по кроличьей норе, совершенно не думая о том, что с ней будет дальше... В процессе работы мне приходили новые идеи, которые, казалось, возникали сами собой, словно росли на обычном стволе; еще больше идей я добавил годы спустя, когда заново переписывал сказку, готовя ее к публикации.

Много лет протекло с того «золотого полудня», что дал тебе рождение, но я могу вспомнить его так же ясно, как вчерашний день: безоблачная голубизна неба, зеркало воды, лениво скользящая лодка, звон капель, падающих с сонных весел, и единственный проблеск жизни среди этой спячки — три напряженных личика, жадно внимающих сказочному повествованию, и та, кому не может быть отказа, с чьих уст сорвавшееся «Расскажите нам, пожалуйста, сказку» обернулось непреложностью Судьбы» *.

Тот «золотой полдень»! С самого начала он видел его в романтическом свете. Вот какими стихами открывалась книга:

Июльский полдень золотой
Сияет так светло,
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.

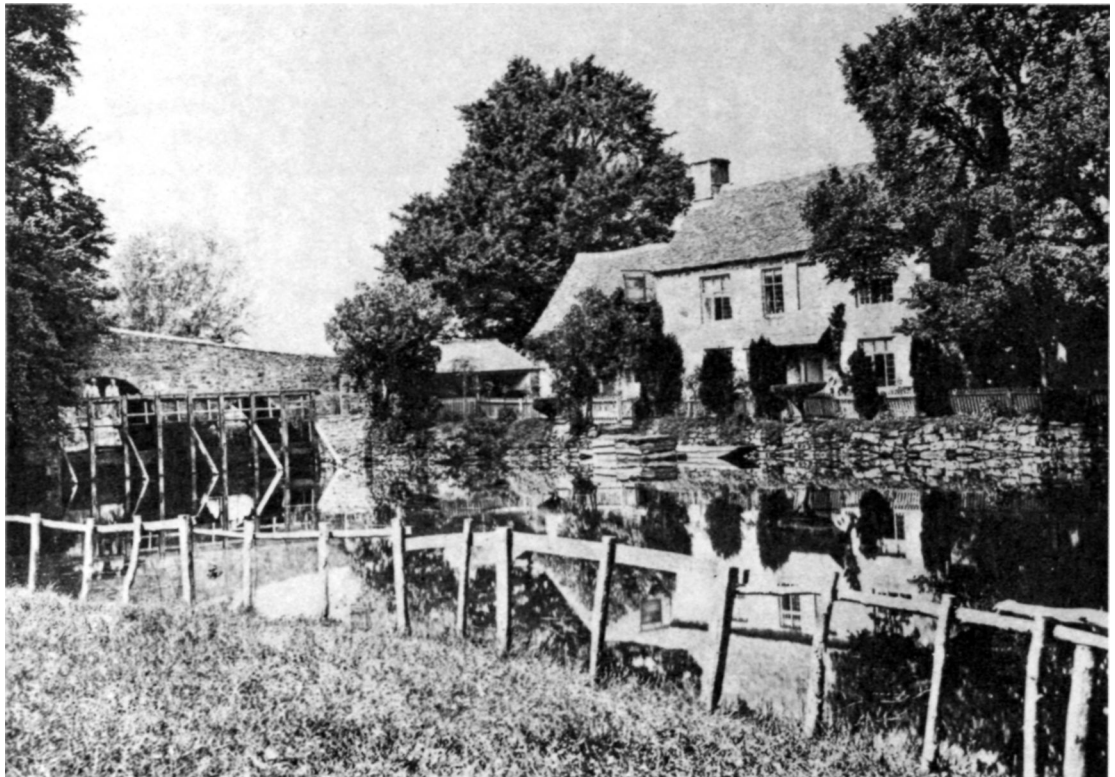
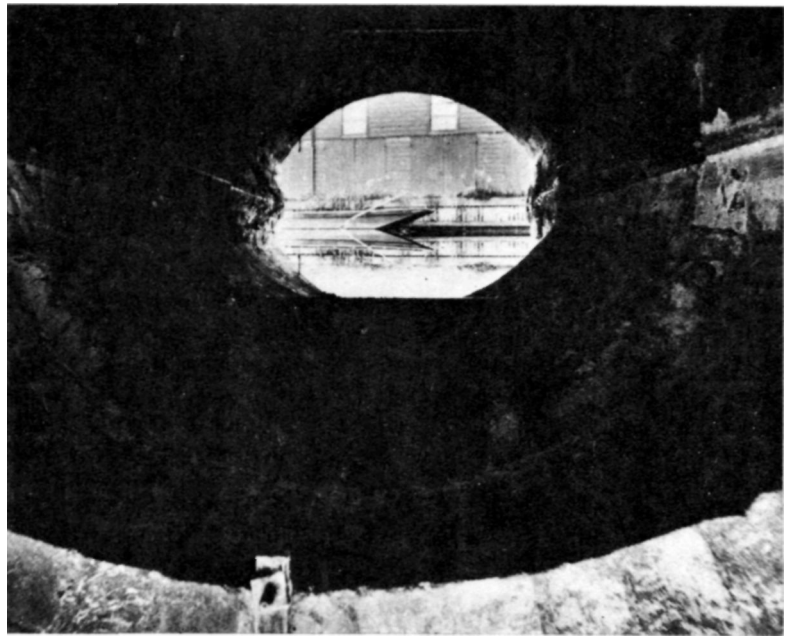
А кончается вступление так:

И тянется неспешно нить
Моей волшебной сказки,
К закату дело, наконец,
Доходит до развязки.
Идем домой. Вечерний луч
Смягчил дневные краски... *

А может, он им пригрезился, этот «золотой полдень», может, их всех подвела восторженная память? В нашем веке благоговение, любопытство, скептицизм, педантизм и известная доля безумия ревностно служат культу Льюиса Кэрролла. И нет ничего удивительного в том, что некий исследователь его творчества отправился на метеорологическую станцию, перевернул старые сводки и выяснил, что в Оксфорде в тот полдень было «прохладно и хмуро».

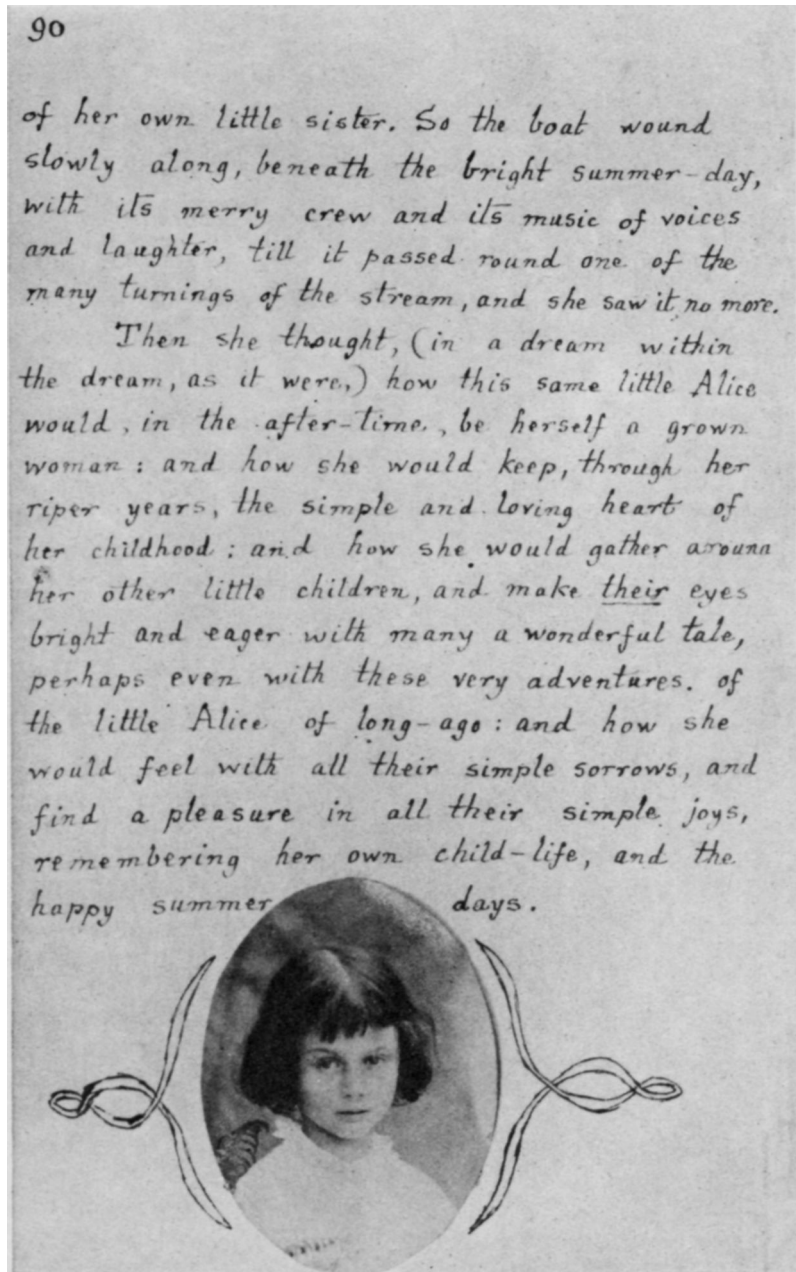
С 10 часов утра 4 июля 1862 года за сутки выпало 1,17 дюйма осадков, причем основное количество с двух часов пополудни до двух часов утра 5 июля 1862 года.

Однако будущий каноник Робинсон Дакворт вспоминал «прекрасный летний день». Тридцать с лишним лет спустя

У истоков книг об Алисе. «Мост-Форпост» (фотография Г. Тонта), откуда летом поднимались по реке до Годстоу. Гостиница «Форель» (фотография Г. Тонта, ок. 1862 г.). В одну из таких прогулок по реке, развлекая своих маленьких спутниц Алису, Лорину и Эдит Лидделл, Кэрролл сочинил почти целиком всю сказку о Стране Чудес. Другим взрослым в лодке был его коллега Дакворт (фотография Хиллза и Сондерса — верхняя слева).

Последняя страница первоначальной рукописи Кэрролла («Приключения Алисы под землей», 1864) с вклеенной фотографией девочки, чьей просьбе «записать для меня приключения Алисы» сказка обязана своим бессмертием.

и Алиса свидетельствовала: «„Приключения Алисы под землей" были почти целиком рассказаны в палящий летний день, когда под лучами дрожало знойное море и мы сошли на берег неподалеку от Годстоу, чтобы переждать жару под стогом сена».

Итак, главные участники поддержали миф о летнем дне — о «золотом полдне», волею поэта ставшем отправной точкой рассказа. Что бы там ни писала метеорологическая станция, погоде после обеда следовало быть по меньшей мере обнадеживающей, чтобы заставить Кэрролла, развлекавшего своих гостей, переодеться и вывезти всю компанию на лоно природы.

Дакворт подтверждает импровизаторское происхождение сказки: «Я сидел в центре, он — ближе к носу... сказка рождалась буквально у меня под ухом, и Алиса Лидделл, ради которой это делалось, была у нас как бы рулевым». Позднее Кэрролл рассказал ему, что «просидел целую ночь, записывая в большую тетрадь все глупости, какие запомнились».

Хороши глупости! Сказка гуляет по всему свету, переведена едва ли не на пятьдесят языков, по сей день завоевывает все новые виды искусства, и редкий политик не процитирует ее. Кэрролл сам сделал первые рисунки к ней, признал их негодными и стал подлинным мучителем профессиональных иллюстраторов. Он требовал визуального воплощения своих стихов и прозы. Он горячо ратовал за инсценировку «Алисы». У него не вызвало протеста появление пишущих машинок, автоматических ручек и фонографа. В наши дни он, скорее всего, приветствовал бы звуковую запись, трансляцию по радио и экранизацию своих произведений, хотя наверняка отбил бы руки сценаристам, которые по заказу Уолта Диснея занимались переложением текста для экрана *.

Но разумеется, Алиса продолжает жить отнюдь не благодаря новым средствам выражения и научным истолкованиям. За шесть лет до того, как сказка облеклась в слова, Кэрролл записал мысль, которая проясняет, но не раскрывает полностью вдохновенную тайну мира книг об Алисе:

«Вопрос: когда мы спим и, как часто бывает, смутно сознаем это и пытаемся проснуться, не говорим ли мы во сне таких вещей и не совершаем ли таких поступков, которые наяву заслуживают названия безумных? Нельзя ли в таком случае иногда определять безумие как неспособность отличать бодрствование от жизни во сне? Мы часто видим сон и ничуть не подозреваем, что он — нереальность. «Сон — это особый мир», и часто он так же правдоподобен, как сама жизнь».

Как все взрослые, оставшиеся в душе детьми, в юности он был, как говорится, занудой. Вот что пишет семнадцатилетний подросток:

Алиса перед дверцей в
дереве. Рисунок Кэрролла
в рукописи «Приключения
Алисы под землей».
Этот сюжетный ход
Теннил не использовал.

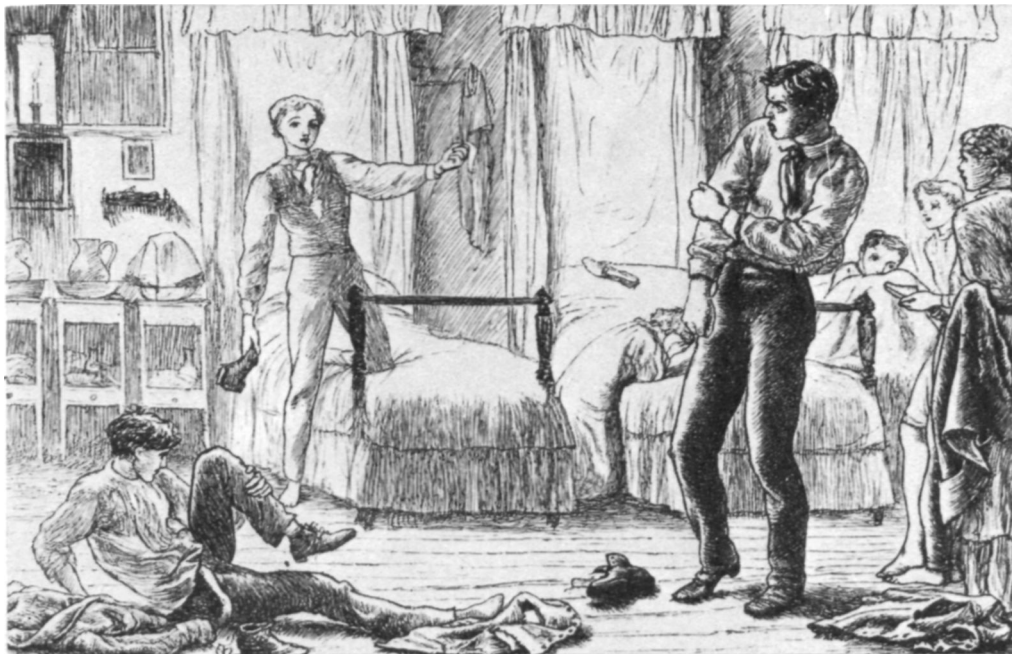
«Купил новую шляпу, надеюсь, папа не будет возражать, поскольку старая очень истрепалась... Еще купил пару перчаток, поскольку летней пары, как выяснилось, у меня нет».

Помеченное маем 1849 года, письмо писалось в безрадостных стенах школы Регби. Незадолго до этого указанное заведение окончил Томас Хьюз (он был старше Доджсона на 10 лет), его анонимно опубликованная книга «Школьные годы Тома Брауна» на восемь лет опередила «Алису в Стране Чудес» Доджсона — в те годы уже Льюиса Кэрролла*.

Унылую, грубую обстановку (снимок Старого двора, фотография Г. Тонта, и иллюстрация А. Хьюза к книге Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна», изд. 1869 г.) застал в школе Регби домашний мальчик, близко к сердцу принимавший потерю перчаток, о чем уже в Стране Чудес будет скорбеть Белый Кролик (рисунок Кэрролла).

Впервые «заочные» однокашники встретятся в 1876 году, их представят друг другу в конторе издателя Макмиллана, где Кэрролл подпишет восемьдесят подарочных экземпляров «Охоты на Снарка». Из дневника Кэрролла не явствует, чтобы в тот раз они беседовали о старушке-школе, но критическое отношение к ней Хьюза разделял и Кэрролл. Едва ли не единственное его замечание по адресу школы было таким: «Не могу сказать, чтобы школьные годы вызывали во мне приятные воспоминания, ни за какие блага не согласился

бы я пережить снова эти три года». Он высказался несколько определеннее, когда много позже увидел школьное общежитие с одноместными комнатами: «...если бы в свое время я был таким же образом огражден от беспокойства по ночам, дневные мучения показались бы мне сушим пустяком».

Но какими бы ни были эти муки в классе и потом в спальне, как бы то ни было, в мае полагалось носить летние перчатки, и в письме домой школьник особенно тревожится на этот счет. «Дражайший сынок» миссис Доджсон, этот школяр, впоследствии ставший Льюисом Кэрроллом, был помешан, как это ни смешно, на том, что зимой и летом на улицу необходимо выходить в перчатках. Перчатки — деталь тщательно продуманного одеяния человека, чья жизнь в основном проходит в стенах колледжа, родительского дома, картинных галерей, театров, пассажирских вагонов. Выбраться наружу означало: здоровый моцион, взбадривающая прогулка по реке или вдоль морского побережья, игра в крокет по правилам, учрежденным самим Кэрроллом, хорошо подготовленная, с большим багажом поездка в южные графства, несколько вылазок на север и — как это ни удивительно — путешествие в Россию, единственная поездка Кэрролла за границу. Канотье надевалось только на реку, в остальных случаях на голове должен быть цилиндр, на руках — перчатки. Потерять цилиндр было вещью немислимой, невозможность отыскать

Обилие домашней прислуги составляло неперенное условие добротно и продуманно устроенного мира, в который, ни минуты не сомневаясь в его целесообразности, вступил Льюис Кэрролл. Рисунок У. Крейна из книги «Раз-два, засучи мне рукава» (1873).

куда-то сунутые или где-то забытые перчатки повергала в панику, которая слышится в стенаниях Белого Кролика: «Где же я их обронил?»

Он вырос в среде, где, кроме сестер, было кому отыскивать затерянные вещи — имелись слуги. Переехав в деревню Крофт (это второй дом его детства), отец Кэрролла записал: «Теперь нет никакой надежды сократить хозяйственные расходы — совершенно необходимо взять еще одну служанку, наполовину горничную, наполовину кухарку». Для Белого Кролика совершенно естественно кричать: «Мэри-Энн! Мэри-Энн! Неси-ка сюда перчатки! Да поторапливайся!» И Алиса вправе думать: «Он, верно, принял меня за горничную. Вот удивится, когда узнает, кто я такая!»

«Сказочные кухарки»
(Эвелин Дьюбор и Кэтлин
О'Рейли) — домашняя тема,
по Льюису Кэрроллу. Эта
художественная фотография
сделана в 1870-е годы, когда
его занятия фотографией
уже подходили к концу.

Если поначалу нас озадачит, что семнадцатилетний школьник тревожится в письме о перчатках, то скоро выяснится, что он писал в своих письмах решительно обо всем и со временем стал самым неутомимым эпистолярным автором в истории английской письменности. Пожалуй, даже рекордсменом. Когда ему исполнилось двадцать девять лет, он завел журнал, где вел учет (и кратко излагал содержание) всей входящей и исходящей корреспонденции. «Я должен писать в год около 2000 писем», — подсчитывал он. За тридцать семь лет в журнале зафиксировано 98 921 письмо, причем последнее он отправил незадолго до смерти в 1898 году *. Он не только стремился приобрести разнообразное знание, но и спешил им поделиться и потому сочинил брошюру под названием «Во-

The

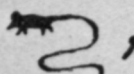
My Ina,

Though don't give
birthday presents, still

April
... write a birthday

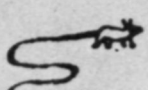

June
 came 2 your 2

wish U many happy returns
of the day, the met

me, took me for a ,

 hunted me and
till could hardly

However somehow got
into the , there

a met me, took me
for a , and pelted me

семь-девять мудрых слов о том, как писать письма», где рекомендовал прежде надписать адрес и наклеить на конверт марку, а уж потом приниматься за письмо.

Предусмотрительно — да, более предусмотрительный человек и не садился за письменный стол (иногда, впрочем, он писал, стоя за конторкой). Это был человек добросовестный, щепетильный, привередливый и педантичный. Свои таланты и перо он эксплуатировал нещадно. «Справочник по Льюису Кэрроллу» приводит исчерпывающий список «всех изданий, напечатанных и выпущенных в свет Доджсоном с 1845 года по 1898-й». Это 255 публикаций *. При его способностях и прилежании, не изведав тягот войны и революции, превратностей внешней политики и экономического спада, далекий от промышленности и даже от торговли, во многих своих сочинениях, надо признаться, наш оксфордский преподаватель-холостяк загорался не от божьей искры. Среди его публикаций «Соревнования по теннису: верные правила при-суждения призов, с обоснованием ошибочности ныне действующих правил» (1883), «Элементарное руководство по теории детерминантов» (1867), «Принципы парламентского представительства» (1884), «Круглый бильярд» (1889). Зато в обеих сказках, написанных для детей, и в некоторых превосходных стихах он открыл такие грани фантазии и поэзии,

Неутомимый корреспондент (возможно, не имеющий равного себе в истории), Кэрролл любил посылать детям рисованные письма. На рисунке — письмо-ребус, отправленное в октябре 1869 г. Джорджине Уотсон, дочери преподобного Дж. У. Уотсона.

Не прошло и нескольких месяцев после опубликования «Сквозь зеркало», а Бармаглот уже обрел достаточную известность, чтобы «Панч» (16 марта 1872 г.) мог привлечь его к сатирическому комментарию на «дело Тичборна» (рисунок называется «Чудовище повержено»).*

которые по-новому осветили природу нашего воображения и мышления, раздвинув их возможности.

Часто отмечалось, что в публичных выступлениях Льюиса Кэрролла цитировали (и перевирали) почти столько же, сколько Шекспира, хотя у Шекспира было преимущество почти в три века.

И безусловно, только Шекспиру уступает Кэрролл тьмой-тьмушкой сказанных по его поводу мудреных слов. Если с точки зрения автобиографической Шекспир удовлетворился в сонетах безыскусным и горьким рассказом о своей страсти к другу и любимой, то Кэрролл исписал о себе горы бумаги. В неиссякаемом потоке писем, в тринадцати томах дневников, которые он пунктуально вел с 1854 года почти до самой смерти, в сумбурных предисловиях, в статьях и других литературных работах — всюду он выставлял себя напоказ, а все-таки тайных глубин не раскрыл. Может, нечего было и раскрывать? Может, и не было ничего таинственного за священническим облачением и пристойно академическим образом жизни? И не было ничего загадочного в его симпатиях? Его дневники представляют собой перегруженный деталями памятник уловок.

Картина друга Кэрролла, художника-прерафаэлиты А. Хьюза «Дитя дровосека» (1860). Здесь то же настроение, каким овеяны первые страницы «Алисы в Стране Чудес».

И понятно, что читатели, критики, поклонники и специалисты снова и снова исследуют и перетолковывают его прихотливые сооружения и даже площадки, которые он не стал застраивать. Когда задумываешься о море истолкований и гипотез, в центре внимания которых книги об Алисе и жизнь ее создателя, то невольно напрашивается мысль, что люди пытаются взять реванш за всепобеждающую магию Страны Чудес, Зазеркалья, Снарка. Что она такое, эта магия? Кто был этот человек? Чем он жил? Нельзя ли все это как-нибудь объяснить?

Нет сомнения в том, что подготовленные Мартином Гарднером «Аннотированная Алиса» и «Аннотированный Снарк» разделят судьбу бестселлеров *. Их курьезная ученость —

Эдит Лидделл, младшая сестра Алисы, умершая в 1876 г.

штука забавная, ведь даже на минуту не допускается, что «Алиса» и «Снарк» — детские книги. Требования разъяснить свою мысль порядочно досадили Кэрроллу, и он отвечал на них, как полагается поэту. В 1880 году он писал: «Я получил Ваше письмо... Вы спрашиваете: «Отчего Вы не объясните "Снарка"?» Отвечаю: «Оттого что не могу. Как можно объяснить то, чего не понимаешь сам?»»

В 1896 году, спустя двадцать лет после напечатания поэмы, он снова пишет: «В чем смысл "Снарка"? Боюсь, мне нужен был не смысл, а бессмыслица! Однако, как вы знаете, слова означают больше, нежели мы полагаем, пользуясь ими, и поэтому книга должна означать нечто большее, чем рассчитывал сказать автор. Поэтому, какой бы смысл ни находили в книге, я его приветствую — в этом ее назначение».

Такое чрезмерное упрощение — только уловка, из подобных уловок соткан его характер. Человек совершенно особой душевной организации, он весьма заботился о своем общественном облике. То, что он неукоснительно исполнял роль оксфордского преподавателя, никак не уменьшало интереса окружающих к его персоне. Замечательна быстрота, с которой его племянник, Стюарт Доджсон Коллингвуд, менее чем через год после его смерти опубликовал первую из множества биографий Кэрролла, где писал: «Если эти Воспоминания помогут составить более полное представление о человеке, узнав которого нельзя было его не полюбить, то я трудился не зря» *. В начале века интерес к Кэрроллу поуявлялся, но затем как противовождение против кошмаров первой мировой войны он вновь ожил и более уже не угасал. О неослабевающей притягательности Кэрролла с изумительной пронизательностью писала Вирджиния Вулф: «Если у оксфордской профессуры XIX века была некая суть, этой сутью был он. Он отличался такой добротой, что сестры его боготворили; такой чистотой и безупречностью, что его племяннику решительно нечего о нем сказать... Но за этой прозрачной чистотой был необычайно твердый кристалл. В нем было скрыто детство... Оно осталось в нем целиком, во всей полноте... он сумел сделать то, что больше никому не удалось, — он сумел вернуться в мир детства; сумел воссоздать его так, что и мы становимся детьми... обе книги об Алисе — книги не детские; это единственные книги, в которых мы становимся детьми».

Этот «необычайно твердый кристалл», это утаенное детство и было его сокровенной жизнью, ее отразили обе книги об Алисе и некоторые поэмы, а питало ее постоянное общество маленьких друзей. Когда он говорил с ними, ему не мешало заикание. Он попросту становился одним из них, нравилось им это или нет — а очень многим нравилось. Это немеркнущее детство совокупно с фантазией и поэзией, время от времени обретавшими выражение, было реальностью. Сорок семь

лет жизни и службы в Крайст-Черч (из них тридцать он прожил на одной квартире) были жизнью ради жизни, фантазия находилась в узде и доставляла материальное благополучие, но в духовном отношении это была сама нереальность.

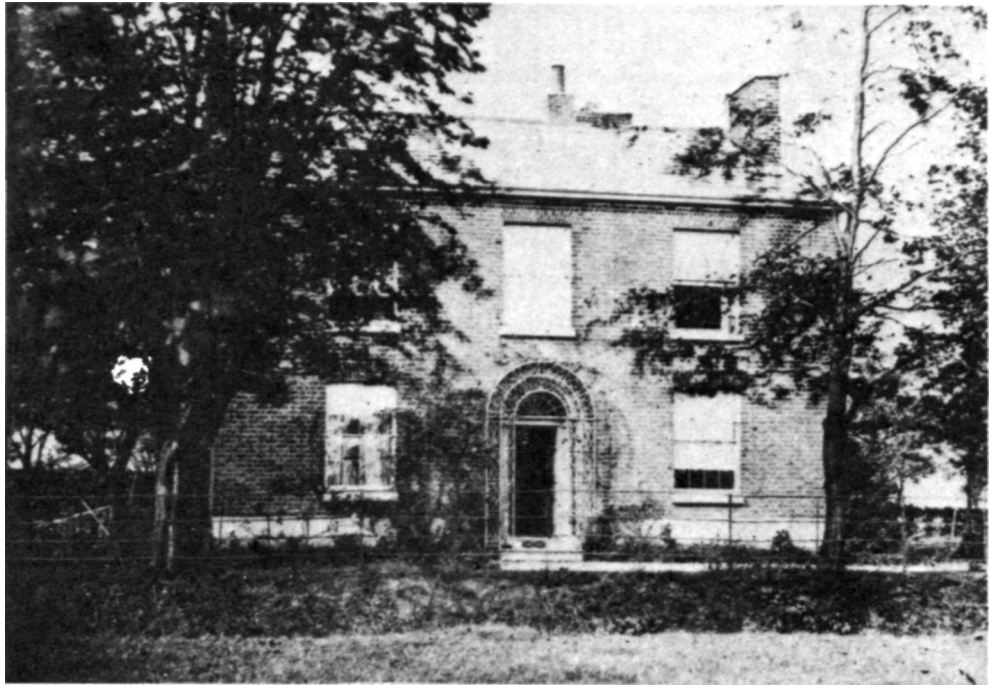
Минута творения, святая минута слияния, после которой собранность сменяется расслаблением, а возможность рождает чудо, — вот поэтическая реальность. Таковой она была для Льюиса Кэрролла. И при надлежащем старании ему удавалось достичь ее. К ней побуждали его маленькие приятельницы. Эта реальность рождала мощной силы фантазию, которая кружила головы взрослым, а на многих детей наводила скуку и оторопь, притворяясь порождением детского ума.

Эта могучая сила, эта реальность Льюиса Кэрролла-поэта берет свое начало в безмятежном пасторском доме, где 27 января 1832 года родился Чарлз Лютвидж Доджсон. Это было время политических и общественных потрясений —

Мельница на Иффли (Оксфорд) — еще одна излюбленная стоянка на реке. Истории, которые рассказывал на прогулках Кэрролл, «в свой солнечный полдень рождались и умирали, подобно летней мошкаре», и выжили и остались только приключения Алисы. Фотография Г. Торна (ок. 1875 г.).

Силуэт маленького
Чарлза. Внизу —
пасторский дом в Дэрсбери
(Чешир), где прошло его
раннее детство. Дом
сгорел, остался только
колодец.
Силуэты родителей
Чарлза.

в Европе революция, в Англии проходит билль о реформе, спасший страну от кровопролитных мятежей. За два года до этого в Англии был пущен первый пассажирский поезд, и в первые год-два жизни нашего новорожденного мир стремительно менялся. В Британской империи было упразднено рабство (пострадавшим плантаторам выплатили 20 миллионов фунтов стерлингов компенсации). Впервые было принято эффективное фабричное законодательство, по которому запрещалось брать на хлопкопрядильные фабрики детей моложе девяти лет. Закон о бедных от 1834 года возлагал на общество заботу о безработных, но Чарлзу едва исполнилось пять лет и только-только успела короноваться Виктория, когда Диккенс начал публикацию отдельными выпусками «Оливера Твиста», где заклеил бесчеловечный режим работных домов.

Письмо же из школы, в котором идет речь о перчатках, относится ко времени, когда он прочел первый выпуск «новой истории Диккенса» — «Давида Копперфилда» (1849): «Он предполагает рассказать историю своей жизни и начинает с рождения и детства — событий почти никаких, зато некоторые характеры и эпизоды очень хороши».

Мир сельского Чешира, где в полутора милях от деревушки

Дэрсбери прямо в поле стоял пасторский дом, был далек от тех общественных катаклизмов, которые на собственном опыте изведал и предал страстному обличению молодой Диккенс.

*Одинокая ферма, море пшеницы,
Где спозаранок ветер резвится.
Счастливец, кому довелось здесь родиться.*

В таком свете виделся Льюису Кэрроллу родной дом в его сентиментальной поэме «Лица в огне» (1860). Он был старшим ребенком в семье, у него было три брата и семь сестер. Преподобный Чарлз Доджсон и Фрэнсис Джейн Лютвидж происходили из обеспеченной среды, были связаны отдаленным родством и наследовали стойкую приверженность англиканской церкви и короне. Они знали свое место в общественном распорядке, как знала его и Алиса, не желавшая в Стране Чудес сходить за горничную. Через всю жизнь Чарлз пронес сознание своей классовой принадлежности. Не высокомерничая, он таки был уверен, что люди благородного сословия и внешне выглядят благородно. В своем ужасающем эпосе «Сильви и Бруно» он дал описание двух пассажиров на станции (знаменательно, что этот отрывок он читал детям маркиза Солсбери в 1872 году): «Там была молодая женщина с девочкой; судя по внешнему облику, первая была няней или, может быть, бонной, приставленной к ребенку, чьи утонченные черты лица, не говоря о костюме, выдавали благородное происхождение».

В пасторском доме о человеческом долге имели надлежащее представление. Преподобный Чарлз Доджсон, чем мог, помогал беднякам своего прихода, вел занятия в воскресной школе, устраивал лекции, заботился о приращении паствы и даже начал миссионерскую деятельность среди местных речников. Благодаря денежной помощи землевладельца, лорда Фрэнсиса Эджертона, он переоборудовал одну баржу в часовню. Все шестнадцать лет, что они прожили в Дэрсбери, пасторская семья, насчитывавшая одиннадцать человек (считая еще одного родившегося ребенка), только-только сводила концы с концами. Недостаток доходов отец возмещал уроками.

Преподобный Чарлз Доджсон не позволил себе опуститься, одичать в глуши. С портрета на нас смотрит представительный, красивый, уверенный в себе господин. Он знал классические языки, в Крайст-Черч получил степень бакалавра с отличием первого класса по двум дисциплинам, опубликовал немало религиозных брошюр, и, как свидетельствует Коллингвуд, «математика была его любимым занятием». Посвященный в капелланы при епископе Рипонском, он в положенный срок стал архидиаконом Ричмондским и канони-

ком Рипонского собора. Это был отменный глава семейства. Знавший его Коллингвуд рисует образ «глубоко набожного человека, чью отчасти суровую замкнутость растопляла самая сердечная доброжелательность... В досужие минуты его остроумие и юмор приводили в восторг его духовных коллег, ибо он обладал редким даром эффектно рассказать анекдот».

Чарлз унаследовал некоторые черты этого благородного характера, а также его набожность, чему свидетельством письмо, отправленное в 1897 году неустановленному корреспонденту:

«Вы меня обяжете, если не будете при мне рассказывать историй, подобных той, что вы рассказали в пятницу, — какими-де замечаниями обмениваются дети по поводу священных понятий... в устах у взрослых такие замечания должно признать дерзостью... Я прошу Вас об этом как о личном одолжении. Мне доставило такую боль слушать Ваш анекдот, я потерял почти все удовольствие от своего скромного званого обеда и хочу верить, что в будущем Вы меня пощадите».

Примерно в это же время, в последние недели своей жизни, он жаловался другому адресату: «Тяжелейшим ударом, который я перенес в своей жизни, была смерть моего любимого отца — тому уже скоро тридцать лет...» Его неизменная, порою доходящая до самозабвения уважительность, несомненно, выросла из отношения к отцу. Отец, однако, обладал и прелестным обостренным чувством смешного с типично кэрролловским вкусом к странному нагромождению кошмаров. Вот отрывок из отцовского письма восьмилетнему Чарли:

«Я не забыл о твоём поручении. Как только я приеду в Лиде, я выйду на середину главной улицы и закричу: «Жестянки! Жес-тян-щи-ки!» Шестьсот человек ринутся из своих лавок на улицу, побегут во все стороны, зазвонят в колокола, созовут полицию, поднимут весь город на ноги. Я потребую себе напильник, отвертку и кольцо для ключей, и, если мне их не доставят немедленно, через сорок секунд, я не оставлю во всем славном городе Лидсе ни одной живой души, кроме разве котенка, и то только потому, что у меня просто не будет времени его уничтожить».

Сколько будет воплей и вырванных волос! Забарахтаются в сточных канавах свиньи и дети, верблюды и бабочки, старухи полезут в дымоходы, за ними коровы, утки попрячутся в кофейные чашки, жирные гуси будут втискиваться в пеналы, и в довершение всего мэр Лидса будет обнаружен в суповой тарелке весь вымазанный кремом и утыканный миндалем, дабы, уподобившись бисквитному пирожному, избежать печальной участи города...»

У письма эффектная концовка: «Наконец они принесут мне то, что я просил, и я пощажу город и в пятидесяти повоз-

ках отправлю под охраной 10 000 солдат напильник, отвертку и кольцо для ключей Чарлзу Лютвиджу Доджсону — в подарок от его

Любящего Папы».

Маме, Фрэнсис Джейн Лютвидж, «добрейшей из женщин», по отзыву современника, сын, несомненно, был обязан кротостью, уравновешивающей более суровые качества, доставшиеся от Папы. Старший и любимый сын воздал ей должное в своем «Пасхальном привет», где вспоминал, как «мамина рука легко раздвинет шторы и нежный голос позовет вставать».

На маминых письмах лежит печать поспешности и любви. Чарлз свято хранил, вероятно, самое раннее из ее писем, отправленное из Гуллы всем детям: «Мой дорогой Чарли... Ваше письмо, мои ненаглядные, меня очень обрадовало... Счастлива написать, что наш драгоценный Папа чувствует себя совсем хорошо, он еще покашливает, но это не опасно. Я очень рада, мой дорогой Чарли, твоим успехам в латыни и тому, что ты наделал совсем мало ошибок в упражнениях. Посылаю... всем моим драгоценным, в том числе и тебе, один миллион поцелуев. Очень вас любящая...»

Пройдет целая жизнь, и в 1890 году его «любимица» Иза Боумен и ее сестра передадут ему в письме «миллионы поцелуев», и, обмакнув перо в фиолетовые («безобразные», по отзыву Изы) чернила, он ответит:

«Моя дорогая, это замечательно, что ты, Нелли и Эмси сулите мне миллионы объятий и поцелуев, но задумайся о том, сколько времени отнимет это у вашего старенького и очень занятого Дяди! Попробуй с часами в руках одну минуту обнимать и целовать Эмси — полагаю, что ты успеешь это сделать не более двадцати раз. «Миллионы» — это по меньшей мере два миллиона.

2 000 000 объятий и поцелуев : 20

100 000 минут : 60 минут

1666 часов : 12 часов

138 дней (если считать по 12 часов): 6 дней = 23 недели.

Обниматься и целоваться больше двенадцати часов в день я бы не выдержал, и мне бы хотелось оставить *воскресенья* для других занятий. Теперь ты видишь: это 23 недели тяжелой работы. Увы, дорогое дитя, у меня нет такого времени».

Мама и привила ему страсть к причудам, которая осталась на всю жизнь. Одной из такой причуд была фонетическая передача детского лепета, каким он его помнил, и образчик его мы находим в самом раннем из его сохранившихся писем. Письмо адресовано няне, причем рукой мальчика водил кто-то из взрослых:

Преподобному Чарлзу Доджсону (здесь он архидиакон Ричмондский) его сын обязан и сюрреалистическим чувством юмора, и более основательными качествами — набожностью и трудолюбием.

«Дорогая Буся, я тебя осень люблю и посылаю тебе поселуй с волосиками от головы. По-настоящему не могу, потому сто я у Марки¹. Какое длинное письмо. У меня устала руська».

Много-много лет спустя его шепелявый Бруно понесет такую ахинею: «Я поскользнулся на берегу и спотыкнулся об камень, а камень сделал ножке бо-бо... Зачем там много камнёв? Зачем, дяденька сэр?» Написанные же в промежутке книги об Алисе, благодарение богу, избежали этого раздражающего сюсюканья, испортившего обе книги «Сильви и Бруно». Но и то сказать: книги об Алисе вобрали чистейшую суть, волшебство детства, которое Кэрролл, не растеряв, передал миру.

«Даже проехавшая коляска была в глазах детей событием огромного значения» — так характеризовал Коллингвуд родные пенаты, где Чарлз провел знаменательные первые один-

¹ Смысл последнего слова остается невыясненным. — *Прим. перев.*

надцать лет жизни. «В его любимцах ходили самые невозможные твари, в числе ближайших друзей были несколько улиток и жаб». Иными словами, он уже начал осваивать Страну Чудес. Семейство Доджсонов жило обособленной жизнью, хотя любящими родственниками не было обделено. Церковь Всех Святых в Дэрсбери, куда домашние каждое воскресенье отправлялись слушать Папу, с тех пор перестраивалась (добавился витраж с персонажами Льюиса Кэрролла), но в основном она осталась такой же. Якобитского стиля дубовая кафедра, с которой вещал Папа, богато украшена резными фигурами ангелов и химер. Воображение Чарлза наверняка поразило грифон — мы встретим его в Стране Чудес полележивающим на солнцепеке. Сам пасторский дом, стоявший среди «моря пшеницы», в 1880 году сгорел, и сейчас местоположение его отмечают лишь маленькая дощечка и полуразрушенный колодец в поле. Здесь по-прежнему безлюдно и тихо, хотя всего в нескольких милях отсюда располагается отель «Лорд Дэрсбери» с банкетным залом «Льюис Кэрролл», рестораном «Зазеркалье» и восьмифутовой высоты фреской, изображающей персонажи «Страны Чудес».

В 1843 году Доджсоны покинули свою чеширскую глухомань, не затронутую промышленной революцией, в отличие от Уоррингтона, находящегося всего в семи милях от них. В Крофте, на границе между Йоркширом и Даремом, оказался вакантный приход. Право назначения принадлежало короне, иначе говоря, премьер-министру Роберту Пиллю, по представлению епископа Рипонского. В подобных церковных делах земельная олигархия имела влияние, и лорд Фрэнсис Эджертон написал Пиллю ходатайство:

«На протяжении 16 лет мистер Доджсон держал маленький приход в графстве Чешир, где я располагаю некоторыми владениями. Будучи знаком с положением в округе, я могу засвидетельствовать усердие и основательность в отправлении его обязанностей, а также его заботу о работниках канала, публике, которая обычно содержится в небрежении, хотя умеет быть благодарной».

Чтобы духовное лицо было еще ловцом душ — лучшей рекомендации премьер-министру не требовалось. Он лично написал Доджсону письмо в возвышенном духе, заключив словами: «Я принял решение предоставить Вам приход в Крофте... Вверяя Вашему попечению столь ответственный приход, я совершенно уверен, что Вы сможете там же и проживать, самолично отправляя пасторские обязанности» *.

Сам того не ведая, Пиль заложил основание всему, на чем в будущем будет стоять мир Чарлза: жизнь без опаски, доброжелательство, чувство долга, верность обычаям, привязанность к домашнему очагу, святость родственных уз, воспитанная в лоне англиканства порядочность, — и еще он

вторично подарил ему волшебную пору юности. Приход давал отцу около 900 фунтов в год — сумма достаточная для безбедной жизни и содержания приличной прислуги. Дом был вместительный. Сейчас он перестроен — без ущерба для него, — и здесь размещаются две семьи. В распоряжении семейства Доджсонов — двое взрослых и десятеро детей — были просторные спальни, четыре гостиные, детская, кухня и роскошные службы: буфетная, кладовка, мастерская, людская, коптильня. Вблизи от дома высился — и высится поныне — древний тис, по прозванию «деревозонт»; в свой черед его крона украсит «сугубо местный» журнал Чарльза «Ректорский зонт».

Дом был воплощением добропорядочности и благоденствия викторианской интеллигенции. Семья жила своей жизнью, и каждый был сам по себе. Только к матери и отцу питал Чарльз подлинно глубокую привязанность. Семейные узы, впрочем, были крепкими и стойкими. В качестве главы семейного клана Чарльз выкажет до щепетильности развитое чувство ответственности.

С 1843 года по 1851-й, когда он до конца жизни осел в Оксфорде, Чарльз верховодил единокровными сорванцами, выпитывая магию и поэзию детства. «Дети Севера», как называл он свою компанию, увековечены в «Ректорском зонте»:

*В приходе крофтском древний дом
Высится, как бастион,
Щедро солнце его золотит,
Ветерок навевает сон.*

*Из всех закоулков дома и сада
Дети Севера, шумное племя,
Спешат за ограду, и по дороге
Чинно ступают бедовые ноги —
Загляденье! Но это на время.*

В больших семьях жестокие детские распри так же неизбежны, как непререкаем на кухне авторитет кухарки*. В юношеском стихотворении «Брат и сестра», написанном в Крофте в возрасте тринадцати лет и теперь благополучно забытом, Чарльз затронул мотивы, в полный голос зазвучавшие в «Стране Чудес».

*— Сестрица, отправляйся спать!
Пора головке отдых дать. —
Порядок надо соблюдать.*

*Но у сестры характер скверный.
— Давно не получал, наверно?
Нашелся, тоже мне, примерный! —*

Изображение Грифона в рукописи «Приключения Алисы под землей» вполне могло быть навеяно воспоминаниями о резных фигурах на пасторской кафедре в Дэрсбери.

Семейство
Доджсонов перед домом
в Крофте. На переднем
плане площадка для игры
в крокет. Современный
вид дома почти не изменился.

*Бегу на кухню, как в бреду.
— Кухарка, дай сковороду,
А то до завтра не уйду! —*

*— Зачем? Ни дня без новостей!
— Мне надо накормить гостей
Рагу из маленьких костей.*

*— А где их взять? Их нужно — сто!
— Распотрошу сестрицу. — Что?!
— Давай скорее! — Ни за что!!*

За год до их обоснования в Крофте королева Виктория писала из Букингемского дворца королю Бельгии: «Мы прибыли из Виндзора на поезде вчера утром, вся дорога заняла полчаса времени, ни пыли, ни людских толп, ни жары — я в совершенном восторге». Хотя герцог Веллингтон и предостерегал от строительства железных дорог в государственном масштабе, поскольку-де «они поощряют низшие классы к переездам с места на место» *, общество не убоялось

«Дети Севера»: шесть сестер (из семи) Льюиса Кэрролла, в центре его младший брат Эдвин. Фотография сделана ок. 1857 г.

Выполненный Кэрроллом фронтиспис журнала «Ректорский зонт». В рукописных домашних журналах вполне виден будущий писатель:

*Растяпа забыл дома шляпу,
Но здоровье терять не резон:
Терпеливо он ждал
Окончанья дождя,
Забравшись под Ректорский
Зонт.*

технической революции и потянулось за аферистами, гревшими руки на железнодорожном буме, покуда афера не лопнула в 1846 году, разорив множество народу, между тем как чудо-пар уже набросил стальные тенета на провинцию*. Тремя десятилетиями позже Льюис Кэрролл шесть раз язвительно помянет эту аферу (и увековечит ее) в «Охоте на Снарка»:

*Ловили наперстком — не грех постараться,
Не труд поработать глазами и шилом,
Стращали железнодорожного акцией,
Прельщали улыбкой и мылом*.*

«Дети Севера» жили всего в каких-то четырех милях от истока славных дел — от Стоктон-Дарлингтонской железной дороги. До них доносились свистки паровоза. Они и впрямь были детьми железнодорожной эры, первым поколением, как должное воспринимавшим стальные магистрали, еще не утратившие притягательной силы новизны. Чарлз не расставался с указателем железных дорог Брэдшо*.

В саду пасторского дома он построил для братьев и сестер игрушечную железную дорогу. Поезд он соорудил из тачки, бочонка и маленькой тележки. На заднем дворе были устроены «станции», правила езды учредил сам Чарлз: «Начальник станции следит за порядком на станции и подает угощение; за плохое поведение он может наказать пассажира на одну поездку, посадив его в тюрьму, по звонку начальника пассажиры занимают места, после чего он медленно считает до двадцати и дает звонок к отправлению...»

Железнодорожная тема так прочно вошла в жизнь мальчика, что преподобный Ч. Л. Доджсон сможет систематически и досконально разрабатывать ее. Она присутствует в волшебном мире Льюиса Кэрролла: в Зазеркалье Алиса обнаруживает, что едет без билета. «Козел, сидевший рядом с господином в белом, закрыл глаза и громко сказал:

— Она должна знать, как пройти в кассу, даже если она не умеет читать!»

Железная дорога подсказала ему тему еще одного увлечения — кукольным театром, который он смастерил с помощью деревенского плотника. Сочиненная им опера-баллада «La Guida di Bragia»¹ была одной из самых популярных его пьес, написанных для собственного кукольного театра. Папа порицал театральные зрелища. Серьезно или фривольно их содержание — все едино: священнику, по его мнению, в театре не место. На домашние представления и на кукол запрет не распространялся, и Чарлз-импресарио услаждал благодарную публику, на всю жизнь заболев любовью к театру,

¹ «Указатель Брэдшо» (итал. язык). — Прим. ред.

в котором он больше ценил игру и постановку, нежели содержание пьесы.

Но слова он полюбил рано, о чем свидетельствует домашняя литература в пользу «Детей Севера». Чарлз был едва ли не единственным автором, редактором и иллюстратором семейных рукописных журналов. Из-под его пера выходили озорные, остроумные, грамотно сделанные рисунки, но, к счастью, он вовремя понял, что строгим профессиональным требованиям они не удовлетворяют. Рисунки, выполненные в Крофте, живее и интереснее его рисунков к первому варианту «Страны Чудес», не говоря уже о позднейших, удручающе посредственных. Но у него было достаточно таланта, чтобы увлекать, вдохновлять, наставлять, ободрять и бесить художников, которых ему удалось привлечь к сотрудничеству.

Первый из рукописных журналов, «Полезная и назидательная поэзия», появился в Крофте, когда Чарлзу было тринадцать лет. В стихотворении «Правила и наставления» встречаем две характерные домашние дразнилки:

*Кто грамоте учился,
Тот заикаться разучился.*

*Бутерброд вкуснее пышки.
Повтори без передышки.*

Чарлз страдал заиканием, от которого до конца своих дней не освободился и не вылечился и которое было совершенно незаметно, когда он беседовал со своими маленькими друзьями. Заикались и его братья и сестры, правда не все.

По этому мосту через реку Тис, в нескольких милях от пасторского дома в Крофте, шли поезда первой в Англии пассажирской железной дороги («Большая северная железная дорога»). Кэрролл рано нашел общий язык с «веком пара». Литография Дж. Хокинса (ок. 1840 г.).

Домашний уют
плацкартного купе
(иллюстрация У. Крейна из
книги «Маленькая Анни
и Джек в Лондоне», изд.
1869 г.); величественная
архитектура привокзальной
гостиницы (общая столовая
в падингтонском отеле
«Большая западная дорога»;
рисунок П. Хардвика,
ок. 1850 г.);
законодательная
непререкаемость детских
учебников (иллюстрация
из книги «Веселый курс
обучения», изд. ок.
1850 г.) — железная
дорога чем только могла
искушала викторианского
обывателя.

Другие журналы: «Комета», «Розовый бутон», «Звезда», «Светлячок». Но «Дети Севера» оставили не только письменные свидетельства своей обособленной жизни. В 1950 году пасторский дом в Крофте перестраивали, и под половицами бывшей детской на втором этаже был обнаружен замечательный тайник. Из более чем столетнего заточения на белый свет извлекли перочинный нож, роговой гребень, осколки фарфора, а главное — левый детский башмак, наперсток и маленькую белую перчатку с левой руки, немало пострадавшую от долгого неволевого пребывания. Был там и своего рода привет будущим поколениям от падких на такие вещи мастеровых людей девятнадцатого столетия: «Этот пол стлали мистер Мартин и мистер Саттон. 19 июня 1843 года». Потомкам предназначена и карандашная приписка рукой Чарлза:

*Мы весь мир
Обойдем,
Гонясь за бизоном.*

Собственно говоря, он это и сделал. В то время как его уклончивая, холостяцкая, преподавательская, любящая головоломки и малышей натура сорок семь призрачных лет мирилась с унылой будничностью допотопного Крайст-Черч, реальными для него оставались большой мир и волшебная погоня за бизоном.

Задолго до того, как тайник был открыт, некоторые из его сокровищ уже сверкнули в поэзии Кэрролла. У Белого Кролика, разумеется, было «несколько пар крошечных перчаток». Под общие рукоплескания Додо дарит Алисе ее собствен-

Английская марионетка начала XIX века, «паяц», — добрый знакомый Кэрролла.

ный наперсток со словами: «Мы просим тебя принять в награду этот изящный наперсток!» (Дерек Хадсон безапелляционно нарекает этот эпизод «locus classicus¹ наперсточной литературы»). В песне Белого рыцаря есть и ботинок с левой ноги, и бизон:

*Когда я пальцем попал
Нечаянно в чернила,
Когда не с той ноги башимак
Пытался натянуть.*

Чуть дальше в этой песне старик «храпит громко, как бизон».

Пасторский дом в Крофте предлагает еще одну волнующую разгадку кэрролловского мира, и опять ее виновники — мастеровые, и набрали на нее тоже недавно. В верхнем этаже дома (теперь там живут) есть слуховое окно, которое Чарлз, постаравшись, мог видеть из своей спальни. На стекле прощарапаны подписи:

Джон Стоббарт Бонгейт Дарлингтон

Покрашено 23 июля 1836

Лудильщик гончар кровельщик 24 августа 1830

Эдвард Джонсон лудильщик Дарлингтон 1834.

Эти добрые люди писали с внешней стороны окна. Изнутри написанное предстает в зеркальном отражении. Не были ли уже тогда посеяны семена Зазеркалья?

Милях в тридцати от Крофта находился населенный пункт, способный поразить воображение маленького Чарлза. Это Бимиш*. Там стоял роскошный дом шахтовладельца — сейчас это музей на открытом воздухе, но все-таки прославил это место «Бармаглот», первая строфа которого приводилась в зеркальном отражении:

«О светозарный² мальчик мой!» *

После года пребывания в Крофте Чарлза определили в школу. Его привлекали знания, но никак не школа. Он не бунтовал, даже не очень жаловался. Молча терпел прелести «публичной школы», как терпели их и терпят поныне тысячи мальчишек из состоятельных семей. Его снедала неутолимая жажда знаний. Коллингвуд дает тому ранние примеры: «...когда Чарлз был еще совсем малышом, он как-то подошел к отцу с таблицей логарифмов и попросил: «Объясни мне, пожалуйста». Мистер Доджсон растолковал ему, что он слишком мал для того, чтобы уразуметь столь трудный предмет. Ребенок выслушал отца, но, видимо, не внял, поскольку настаивал на своем: «Ну объясни, пожалуйста».

За три месяца до смерти Чарлз записал в дневнике:

¹ Здесь: образцом (*лат.*).

² По-английски это слово читается (и пишется) так же, как называется местечко, — Бимиш (*beamish*).

Птица Додо (заикаясь, Кэрролл произносил свою фамилию До-доджсон) дарит Алисе «изящный наперсток» (такой же был недавно извлечен из тайника под половицей детской комнаты в Крофте). Рисунок Дж. Теннила.

«Die notandus [sic]¹. Открыл правило деления числа на У путем только сложения и вычитания. Я был уверен, что должно существовать аналогичное правило и для 11, и нашел его, а первое правило перепроверил алгебраически, просидев за столом около девяти часов кряду».

Его первая школа-интернат была в Ричмонде, графство Йоркшир, в девяти милях от родного дома. Когда он переступил ее порог, ему было двенадцать лет. Спустя два года, в 1846 году, через город прошла железная дорога. Школа была старозаветная, что особенно подчеркивает Коллингвуд, но в мальчике она пробудила желание продолжать учебу в Регби. Коллингвуд пишет: «В школе еще долго вспоминали мальчика, который умел постоять за правое дело». Первые впечатления Чарльза сохранились в его письме старшим сестрам.

«Надеюсь, у вас все хорошо, и у милых близнецов тоже, лучшие мальчики здесь, по-моему, Гарри Остин и все Тейты, их семеро, не считая маленькой девочки, которая в первый день приходила на обед, но больше я ее не видел, и еще мне нравятся Эдмунд Тремлит и Уильям и Эдвард Свайры, Тремлит сообразительный паренек, ему семь лет, он самый младший в школе, и Кемп и Моли тоже хорошие... У меня три несчастья с гардеробом и проч. Во-первых, я не могу

¹ Знаменательный день (*лат.*). У Кэрролла описка, надо: dies. Автор обращает на это внимание (*sic*).

найти зубную щетку и поэтому не чистил зубы уже 3 или 4 дня; во-вторых, не могу найти промокательную бумагу; и в-третьих, у меня нет обувного рожка. Главные игры здесь — футбол, борьба и чехарда. Извините, что плохой почерк.

Ваш любящий брат Чарлз».

В Ричмонде Чарлз проучился полтора года и впоследствии отзывался о своем воспитателе Тейте: «мой добрый старый наставник». А Тейт в своем прощальном отзыве писал: «Будьте уверены, что я сохранию особый интерес к судьбе доброго, умного и воспитанного мальчика, покидающего наши стены».

Следующая школа, Регби, была более подходящим местом для сына заслуженного человека, с положением в обществе и приличным духовным образованием. Известный доктор Томас Арнольд так определял задачи школы: «Мы здесь для того, чтобы, во-первых, закладывать религиозные и моральные основы; во-вторых, воспитывать джентльмена; в-третьих, развивать интеллект». В этой школе Чарлз заслужил множество поощрений, в играх и в спорте не отличался и в целом отбыл свой срок благополучно. Несколько лет спустя он писал: «За время пребывания там я, видимо, продвинулся в некоторых дисциплинах, хотя отдавался учению без души, а главное, я потратил пропасть времени, выполняя дополнительные задания — последнее, на мой взгляд, есть главный недостаток школы Регби. Я завел там нескольких друзей».

По случаю окончания школы Папе был направлен очередной восторженный отчет — на этот раз от преемника Арнольда на посту директора школы доктора Тейта¹, впоследствии архиепископа Кентерберийского. «Я не могу выпустить Вашего сына из школы, не высказав Вам, сколь высокое мнение я составил о нем... Его познания в математике поразительны для его лет... его ответы на экзамене по богословию произвели на меня неизгладимое впечатление».

В Крофте Чарлз прожил год — готовился в Оксфорд, занимался «Ректорским зонтом». Как кончалось его детство, каким был этот последний год накануне переезда в Оксфорд, где он останется на всю жизнь и где в положенный срок заявит о себе как писатель Льюис Кэрролл, — об этом сохранилось мало сведений. Может статься, этот период, проведенный дома, в кругу семьи, сыграл решающую роль в его становлении. Он намучился в Регби и теперь «отходил», словно школа была тесным костюмом, от которого приятно избавиться, хотя она и сослужила полезную службу. Благодаря домашнему образованию и наставлениям Папы она чрезвычайно развила в нем тягу к знаниям, преклонение перед науками. И, помянув ее добрым словом, теперь о ней можно было забыть и пореже вспоминать в будущем. Общест-

¹ Tait — не путать с воспитателем в школе Ричмонда, Tate.

во сестер и младших братьев, близость ласковой мамы и высокообразованного, справедливого и глубоко уважаемого Папы, чистота и защищенность этого мира — вот с каким багажом отправится Чарлз во взрослую жизнь, сменив малую скорлупу на скорлупу побольше. Менее чем через три года в «Одиночестве» прозвучит сентиментальное прости:

*Я готов отдать свои победы,
Не беречь последний уголек,
Только чтобы мальчигом побегать
В солнечный единственный денек.*

Все было при нем: представительный вид, почти шесть футов росту, сухошавое сложение (в старости он был просто худущий), правильные черты красивого полного лица (лицом он был в Папу). Он был всегда опрятно одет, в цилиндре и, как мы уже отмечали, с полным комплектом зимних и летних перчаток. Он никогда не надевал пальто. Среди людей своего круга любил затеряться в общей компании. Заикание не мешало ему в общении, но затрудняло публичные выступления, например чтение проповедей. В детстве он перенес лихорадку и плохо слышал на одно ухо. В любом собрании он садился крайним справа, и одна его маленькая приятельница вспоминала, что на прогулках он всегда вел ее слева от себя.

О его физическом и духовном здоровье написаны ученые статьи и даже книги. В заслуживающей доверия работе «Недуги Льюиса Кэрролла» доктор Селвин Гудэйкр писал: «Задумавшись о недугах, перенесенных Льюисом Кэрроллом, можно решить, что у него было скверное здоровье. Это ошибочное заключение. В общем и целом его здоровье оставалось удовлетворительным до 1885 года, пока на него не повлияли многочисленные передряги... Как терапевт я полагаю, что Чарлз Доджсон был бы идеальным пациентом: к врачу он обращался бы только при крайней необходимости и выполнял бы все его предписания...» *

Итак, Оксфорд заполучил молодого человека с вполне удовлетворительным здоровьем, одаренного способностями к математике, прилежного, работающего и к тому же склонного к конформизму по своему характеру и воспитанию. Наличием и эксцентричностью — в рамках приличий, разумеется. Доктор Джелф, каноник Крайст-Черч, писал его отцу: «Я выражу чувства всех, кто помнит Вас по Крайст-Черч, сказав, что нам доставит огромную радость видеть, как Ваш сын достойно идет по стопам отца».

В «Дом Христа»¹ Чарлз вступил девятнадцатилетним юношей, а оставил его шестидесятишестилетним стар-

¹ Т. е. в Крайст-Черч.

TICKET
BILL

W. H. WOOD, 1851

цем, уехав в Гилфорд, где и умер. Единственная поездка за границу, каникулы, домашние хлопоты, дела и развлечения в Лондоне — вот, собственно, и все его отлучки (всегда непродолжительные) из Оксфорда, когда он на время забывал про колледж и любимую математику.

Джон Рескин, почти приятель и советчик в пору работы над иллюстрациями к «Снарку», окончил Оксфорд несколькими годами раньше его — и вот что он писал:

«Говоря в целом, в ту эпоху английской истории клирос Крайст-Черч был в буквальном смысле слова средоточием жизни, как никакое другое святилище... На этом клиросе, где гулко отдавалась поступь самой истории, по утрам сходилось собрание, представлявшее цвет Британии, — в строгом порядке, словно воины, заполняли они величественный ковчег храма. Каждый на своем месте, согласно возрасту, чину, познаниям; и всякий умом и сердцем сознавал, что он исполняет — или призван исполнить — тяжелейшие обязанности, возложенные на англичанина» *.

Рескин не пожелал заметить пережитков старины — хотя бы того церковного сторожа, что хранил в сундучке под кафедрой пиво и обычно посиживал у дверей храма с кнутом в руке, отгоняя собак, увязавшихся за своими молодыми хозяевами.

Пройдет месяц с небольшим, и новоиспеченный студент отправит домой колоритный рассказ об университетских собаках, причем в этом рассказе уже можно разглядеть почерк Кэрролла:

«Сегодня я услышал из своей комнаты собачий визг, как при драке; я подбежал к окну, но если это и была драка, то она продолжалась секунды три и уже кончилась, и все живое и полуживое разбежалось с места схватки; шесть собак сломя голову устремились по ступенькам во дворик, вслед им летели шесть палок, а за палками во всю прыть неслись, не разбирая дороги, шестеро хозяев. Собаки не могли понять, куда бежать дальше, и просто металась на одном месте, сталкиваясь, визжа и получая колотушки, и то же проделывали их хозяева, только визжали по-другому; наконец три собаки вырвались и напрямик побежали домой, визжа как резаные; двух собак ловили по всему двору их хозяева — очевидно, с целью задать им трепку, но собаки не давались, а шестая отправилась с хозяином домой, но и она визжала всю дорогу. Никогда еще столь безобразное наказание не карало столь малое прегрешение...» К слову сказать, Коллингвуд вспоминает, что Чарлз «не любил животных... Ему, разумеется, было больно видеть дурное обращение с ними, и, когда это было возможно, он не жалел сил, чтобы облегчить их страдания... Но он не держал дома никаких животных».

Вид на Том Тауэр (ворота и надвратная башня) колледжа Крайст-Черч. Кэрролл переступил его порог в 1851 г., эта литография выполнена в 1849 г.

Начало его студенчества было омрачено скоропостижной смертью матери. Многочисленные заботы по дому изнурили ее. Однако несчастной она себя не чувствовала. «...Она трогательно и возвышенно говорила об обязанностях, которые налагает счастье, — писал близкий родственник, — и что временами ей «тревожно», оттого что ей неведомы неутоленные желания».

Внешне Чарлз сдержанно переносил горе. Вернувшись в Оксфорд, он написал безутешной семье довольно легкомысленное письмо о собачьей сваре. Но в душе он долго переживал потерю, и время от времени боль прорывалась в его стихах. Он писал спустя два года:

*В тихих выплачусь слезах,
Пусть душа покой узнает.
Так у мамы на руках
Мальши, поплавав, затихает.*

Когда школьником или студентом теряешь родных, то стараешься не выказывать горя, потому что неуклюжее сочувствие товарищей только отягчает чувство потери. У Чарлза завелось много знакомых, двое-трое близких друзей. Не участвуя в играх, он охотно бывал зрителем и добросовестно готовил себя к академической карьере, памятуя о том, что хотя отец и на покое, но здоровья у него нет, а еще троим мальчикам надо дать образование. В 1851 году он получил Боултерскую стипендию, а в следующем году — первую степень по математике и вторую по классическим языкам. «Я начинаю уставать от поздравлений по разным поводам, — писал он сестре Элизабет, — им не видно конца. Если бы я пристрелил декана, обо мне и то говорили бы меньше».

Далекий от подобных намерений в отношении начальства, он получил регулярное пособие, что в Крайст-Черч равняло его в положении с преподавателями. Его кандидатуру утвердил неутомимый полемист и приверженец Высокой церкви * доктор Эдвард Бувери Пьюзи (1800—1882), профессор королевской кафедры древнееврейского языка и каноник Крайст-Черч. Старинный приятель архидиакона Доджсона, он писал ему: «С великим удовольствием сообщаю Вам, что я нашел возможным рекомендовать Вашего сына... Надзиратель представил мне сегодня пять фамилий, но было ясно, что общее мнение расположено в пользу Вашего сына, как наиболее желательного претендента».

Отнюдь не подозревая, сколько живого огня таилось в натуре его сына, мистер Доджсон учил Чарлза: «...только уравновешенный, усердный и добродетельный человек в конечном счете торжествует над теми, кто воспламеняется и, как говорит Шекспир, «вновь холоден...» Твое любящее сердце вкусит немалую долю удовольствия уже от той мысли, что ты доставил радость мне и всем близким».

Ни словом не упоминается о том, что студенты Крайст-Черч были обязаны принять духовный сан и дать обет безбрачия. Мистеру Доджсону льстили успехи сына, а о последствиях он не особенно тревожился. Что касается доктора Пьюзи, то тому это было только в радость. Современник отмечал, что Пьюзи «сотворил идола из безбрачия. Этот обскурант так боялся мирских соблазнов, что свято верил: девушку спасет только монастырь, а юношу — духовный сан». Характерна его мысль: «...если юноша богобоязнен, честен, послушен, то первейшая задача — удержать его, обезопасить, *завладеть* им».

Так взрослая жизнь завладела маленьким Чарли, и он без оговорок принял мир, где правила англиканская церковь, где духовные владыки то и дело ожесточенно сражались друг с другом. Ареной этих баталий был Оксфорд. Его поручитель Пьюзи, как один из застрельщиков Оксфордского движения *, в 1893 году был отстранен на три года от должности университетского проповедника. Джон Генри Ньюмен, друг и в прошлом единомышленник Пьюзи, отказался от места в Оксфорде и в 1845 году принял римско-католическое вероисповедание; впоследствии, уже в кардинальском звании, он напишет похвальное письмо об «Охоте на Снарка». Генри Эдвард Мэннинг, в прошлом проповедник в Оксфорде, отказался от архидиаконаства и также перешел в католичество (он еще станет кардиналом) как раз в год поступления Чарльза в университет. Ближе всех ему был оксфордский епископ Сэмюэл Уилберфорс, за свои реакционные взгляды снискавший репутацию наказания господнего, впрочем, в глазах других он был просто «угодник Сэм». В напряженно застывшей позе сидит он на фотографии Льюиса Кэрролла, по поводу которой Джоуит * заметил: «Сэмюэл из Оксфорда даже симпатичен, если добровольно не видеть того, на что просят закрыть глаза». Но самое непосредственное и самое сильное духовное влияние на жизнь и творчество Чарльза Доджсона связано с именем Генри Джорджа Лидделла, декана Крайст-Черч в 1855—1891 годах.

Но пока над головой молодого человека громы, сотрясавшие господствующую церковь, этот достойный сын сельского священника прибил к среднему, умеренному направлению в англиканстве. Тут было спокойно, ультиматумы не предъявлялись, тут знали цену джентльмену и потихоньку отдалялись от простолюдинов. Чарльз застал то время, когда это церковное крыло, упрочив свое положение, стало залогом национального благоприличия и конформизма, и он ему верно послужит, не отклоняясь ни вправо, ни влево.

Он еще не ведет подробных дневников, и из нескольких сохранившихся писем мы мало что знаем о его студенческих годах. «Не укладывается в голове. Это какая-то волшебная

страна» — таково его первое впечатление от Великой Выставки 1851 года в «Хрустальном дворце», специально выстроенном в Гайд-парке *. Любовь к хитроумным устройствам и прикладным наукам в нем сильно подогревал дядюшка, Скеффингтон Лютвидж. Барристер * и Уполномоченный по опеке над душевнобольными, этот обожаемый всеми холостяк предстает как живой в письме Чарлза к сестре (июнь 1852 года):

«Как всегда, у него множество новых занятных вещей, в том числе токарный станок, подзорная труба на штативе, гербовая печатка (смотри сверху страницы), прелестный карманный инструмент для измерения расстояний по карте, холодильная камера и прочее и прочее. Прошлой ночью мы наблюдали Луну и Юпитер, а потом в сильный микроскоп рассматривали всякую живность — это чрезвычайно интересное зрелище, поскольку существа почти совершенно прозрачны и видно, как их органы пульсируют, словно части сложного механизма, видна даже циркуляция крови. Жизнь суетится со скоростью паровоза, и я подумал, что это, верно, те букашки, которым назначено жить день-другой, и они торопятся все успеть».

Дядюшке Скеффингтону принадлежит важная роль в приобщении Чарлза к фотографии, одному из сильнейших увлечений в его жизни. Влияние дядюшки, видимо, сказалось и на любви Чарлза к техническим новинкам и усовершенствованиям, к тому, что облегчает существование. Для своей обширной переписки он частично использовал пишущую машинку — это еще одно свидетельство одобрения им технического прогресса, умения использовать его в жизни. Посетив в 1890 году выставку эдисоновского фонографа (поездка заняла два дня), он записал в дневнике: «Жаль, нам не дано забежать на пятьдесят лет вперед и узнать это удивительное изобретение в его *совершенной* форме. Сейчас оно еще в пеленках, это новоявленное чудо, как фотография, какой я ее помню в 1850 году».

Ко времени этой записи Королевские инженеры уже основали секцию воздухоплавания, и через какие-то четырнадцать лет состоится первый полет аэроплана, но, похоже, он не задумывался о полетах с помощью двигателей, хотя мысли о времени и пространстве занимали его и на досуге, и в творчестве *. В семнадцать лет он сформулировал «Проблему полусферы»: «Допустим, сегодня вторник, в Лондоне утро; через час утро вторника будет к западу от Англии; теперь вообразим, что мир — это земля и мы по суше идем вслед за «утром вторника», и утро вторника не кончится, когда через двадцать четыре часа мы опять будем в Лондоне. Но мы-то *знаем*, что после утра вторника через двадцать четыре часа в Лондоне уже утро среды. Где же в таком случае в нашем

Три фотопортрета
работы Кэрролла:
епископ Уилберфорс
(«угодник Сэм») в 1860 г.;
друг Кэрролла преподобный
Роберт Фоссетт;
младший брат писателя
Уилфред на ранней модели
велосипеда.

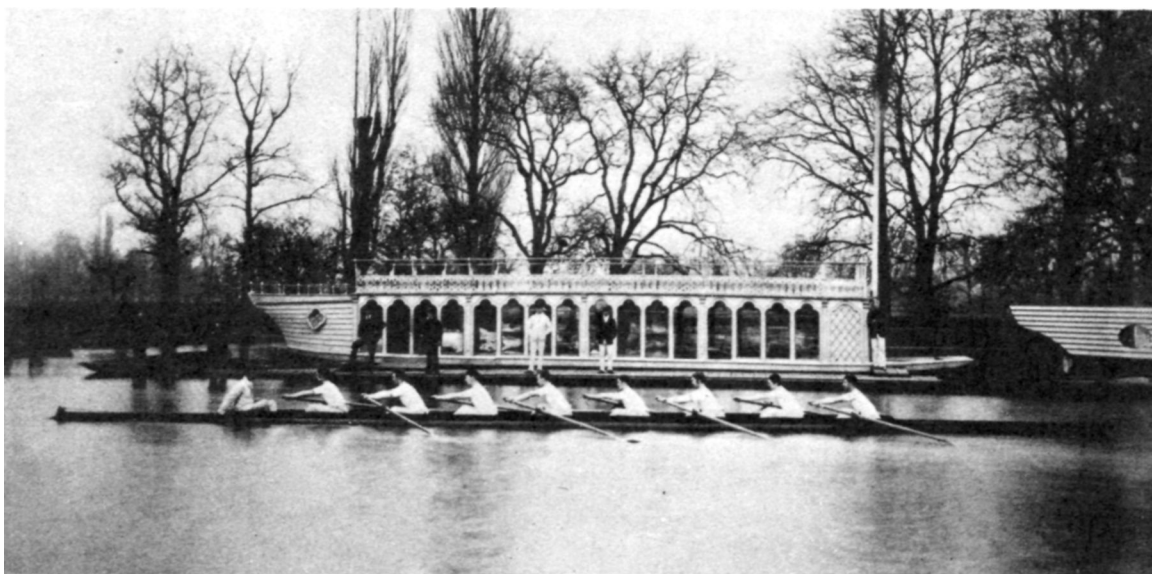
путешествии вокруг света день изменил свое название?» Эта мысль получила воплощение в беге Алисы и Черной Королевы, дающей такое объяснение: «...приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!»

В Оксфорде Чарлз усердно готовился к экзаменам и утолял жажду знаний, столь характерную для его поколения. Однако заключительные строки из его письма кузену Фрэнку показывают, что наш зубрила был не лишен интереса к событиям спортивной жизни: «Боюсь, ты уже не успеешь на гребные состязания, поскольку в будущую субботу все кончится. Мы еще не вышли в победители, но имеем все основания надеяться на это, пока есть время».

За все время своей жизни в Оксфорде Чарлз сохранял хорошую форму благодаря долгим пешим прогулкам. В двадцать два года он не без удовольствия совершил опасное «восхождение», из чего следует, что он не превратился в «книжного червя». На летние каникулы 1854 года, с намерением лучше подготовиться к экзаменам, он присоединился к компании, которая увлекла его с собой в Гоутленд. Об этом путешествии он писал сестре из Уитби:

«Дорога к водопаду была сплошь глина и вода, сушая трясына, и я весьма опрометчиво повел всех обратно не по дороге, а вверх по склону горы. Поначалу нашелся лишь один охотник, он полагал, что подъем будет нетруден; правда, говорил он, на голову сыплется земля, но он думал,

Тренировки перед «Гребной неделей» (на снимке «восьмерка» колледжа Магдалины; фотография XIX в.). Кэрролл не был спортсменом, но держался в курсе спортивной жизни университета.

Гавань в Уитби
(Йоркшир). Здесь Кэрролл
впервые вкусил очарование
приморских ландшафтов.
Фотография Ф. Сатклифа.

что я швыряю ее ради забавы. Когда же на него свалилась моя шапка и комья грязи залепили глаза, он сразу посерьезнел. Тогда же мои ноги потеряли опору, и, надломись корень, за который я ухватился, я бы сорвался и увлек его за собой... Всего труднее оказалось на вершине: пришлось ползти по грязи, подтягиваясь, держась обеими руками за корни, в них было единственное спасение. Через пять минут появился мой спутник, а за ним и четверо остальных, все в грязи с головы до ног».

Коллективная подготовка к экзаменам в Уитби с веселым девизом «двадцать пять часов *напряженной* работы в сутки» дала свои плоды: Чарлз получил первую степень на выпускных экзаменах по математике, в конце следующего года стал бакалавром — на том и кончилось его студенчество. В Уитби же его имя впервые появилось в печати. «Вестник Уитби» опубликовал его стихотворение «Повелительница Черпака»:

*Важная шишка, судачили люди,
Сколько достоинства, какая статья!
Конечно, он аристократ.
Видна порода без поправки.
...А пуп земли любил кухарку.*

В «Вестнике Уитби» он напечатал также рассказ «Вильгельм фон Шмитц», где наряду с многословием и местными аллюзиями есть вполне удачные строки: «...ветерок занес с моря запах, отдающий селедкой, в гавани горбятся волны,

над крышами капризно вьется легкий дымок — вот поэзия...» После смерти Чарлза в 1898 году его спутник по Уитби доктор Томас Фаулер произведет литературную сенсацию, заявив, что там-то и «зародились» книги об Алисе: «Доджсон, бывало, усаживался на какой-нибудь валун у моря и рассказывал историю жадно внимавшим девочкам и мальчикам». Это свидетельство не согласуется с речной идиллией, из которой сам Льюис Кэрролл выводил происхождение своей сказки. Но важно другое: похоже, он уже осознал себя рассказчиком, поэтом, разносчиком чудес — и не только ради услады домашнего круга. Замечательно, что и здесь начало всему — дети.

Следующий, 1855 год — первый, хотя и частично запротоколированный в дневниках — был знаменательным в жизни Чарлза Лютвиджа Доджсона. В этот год он стал преподавателем математики и до конца своих дней водворился в стенах Крайст-Черч. В дневнике дважды промелькнуло упоминание о Крымской войне. На его страницах изливался яркий поток университетских и культурных событий, и берег Черного моря был поистине далек. В марте он получил по почте переписанные от руки стихи об «атаке под Балаклавой», по поводу которых заметил: «Не верю, чтобы Теннисон мог написать такие строки: «Но пришел приказ, его Кто-то глупо отдал» или что сабли „саблят врага"».

Заменивший пять лет назад Вордсворта в звании поэта-лауреата, Теннисон недолго корпел над «Атакой легкой кавалерийской бригады», но в «Экзаминере» стихи появились лишь пару месяцев спустя после злосчастной операции под Балаклавой. Поэтому они распространялись в списках. В августе 1855 года Чарлз достал теннисоновскую «Мод», в одной книжке с которой была и «Атака», и записал: «Он значительно улучшил «Атаку»; уже нет слов «Кто-то глупо отдал» приказ, хотя сабли по-прежнему „саблят"». Вся книжка в целом, считал он, «ни поднимает, ни роняет его репутации». Эта прохладная оценка не помешала Чарлзу через два года домогаться Теннисона для своей фотогалереи знаменитостей*.

Чарлз увлекался поэзией, много читал, тренируя слух, который ему так понадобится, и чрезвычайно развил в себе способности пародиста и стилизатора. Почти все его достопамятные стихи обязаны своим происхождением творчеству других поэтов. В том же плодотворном 1855 году он пародировал Томаса Мура*.

Томас Мур:

*Я никогда не ласкал газель
И в глазах ее негу не пил.*

Вот первые две строфы кэрролловского варианта:

*Я не любил дорогую газель,
Мне дорогое не по карману,
Разве — перепродать, но ужель
Я подражать таким стану?*

*Я в глазах его негу не пил:
Мой сын — сорванец. Как повлиять?
Он кого-то за что-то поколотил.
Дуралей. Что с него взять?*

Имена поэтов, которых изучал и ценил двадцатилетний Чарлз, попали в дневник — и тут обнаруживаются удивительные пробелы. Шекспир возникает постоянно, но совсем не слышно голосов елизаветинцев, поэтов эпохи короля Якова I и первой половины XVIII века...

Ему хорошо работалось в то счастливое лето. В домашнем журнале «Миш-Мэш» сохранились стихи, озаглавленные «Строфа из англосаксонской поэзии»:

*Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.*

К стихам даются «ученые» примечания:

«Варкалось» (от слов «варка», «вариться») — время варения обеда, то есть послеполуденное время.

«Хливкие» (образовано от слов «хлипкий» и «гибкий») — то есть скользкие и подвижные.

«Шорьки» — разновидность барсука. Гладкая белая шерсть, длинные задние ноги, маленькие рожки, как у бычка. Питается в основном сыром *.

Это всплеск вдохновенной фантазии — пока еще в русле домашнего, даже детского употребления, но из дневника явствует, что книгочей Чарлз не уклоняется от взрослых интересов, таких, как спорт и развлечения. Запись от 16 февраля: «Вторая попытка встать на коньки. Самонадеянно засучил ногами по льду и со всего маху упал, до крови разбив лоб. На этом сегодняшний урок кончился».

Он записывает 21 июня: «...долго ходил по залам Королевской Академии, потом пошел на «Лордз» * и простоял весь первый тур бросков — бросал Кембридж (139), Оксфорд отбивался». Позже в Ковент-Гардене он слушал «Севильского цирюльника» («...это было тем более скучно, что я плохо помнил оперу») *.

В июне 1855 года произошли два события, всколыхнувшие его жизнь: встреча с театром и с маленькой девочкой по имени Алиса. В театре он смотрел Шекспира, которого по тогдашнему обыкновению часто ставили в отрывках. В тот раз он переварил настолько основательный вздор, что приходится

сомневаться, доводилось ли ему вообще видеть хорошие постановки. О посещении «Принсес Тиэтр» на Оксфорд-стрит, в ту пору возглавляемого Чарлзом Кином *, он восторженно отчитывается в дневнике 22 июня 1855 года. Истоки этой восторженности следует искать в увлечении кукольными и домашними спектаклями в Крофте, что, кстати сказать, удержало Чарлза от принятия духовного сана в полном объеме его обязанностей.

«Вечер открылся превосходным фарсом «Прочь, меланхолия!». Потом давали великую пьесу — «Генрих VIII», и более высокого наслаждения я не испытывал и не ожидал когда-либо испытать, я даже не мог вообще вообразить, что достижимо такое совершенство, как эти декорации и костюмы. Кин был великолепен в роли кардинала Уолзи, миссис Кин показала себя достойной наследницей миссис Сиддонс * в роли королевы Екатерины, и все второстепенные лица были без исключения хороши. А какой восхитительный сон видится королеве Екатерине! Я сидел, затаив дыхание; полное впечатление грезы, я просидел всю сцену словно в трансе. Это было какое-то наваждение, чистейшая поэзия. Вот истинная цель и назначение театральной игры: возвысить созна-

На острие зонта — одна из иллюстраций Кэрролла к «Трем голосам» (1856), пародии на поэму А. Теннисона «Два голоса». Состоявшееся позже знакомство с поэтом-лауреатом так и не переросло в дружбу.

Первое и незабвенное впечатление Кэрролла от театра — сон королевы Екатерины («Генрих VIII» Шекспира), искусно сотканный Чарлзом Кином в «Принсес Тиэтр» на Оксфорд-стрит. Рисунок из «Иллюстрированных лондонских новостей» (1855).

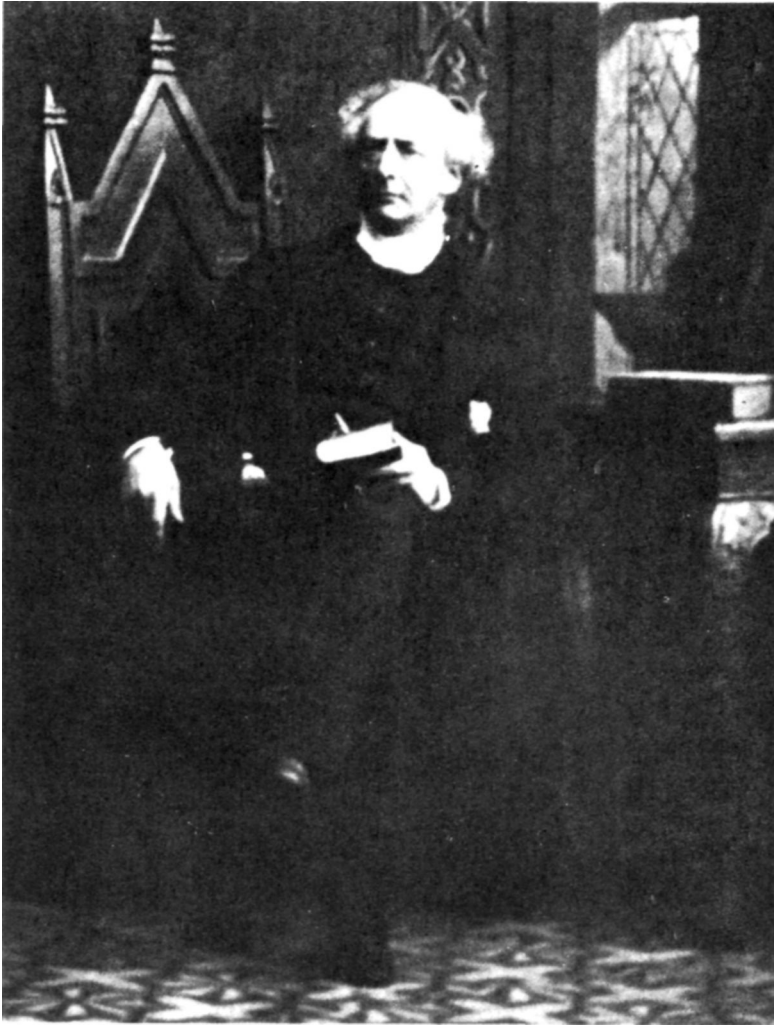
ние, изгнав из него мелкие повседневные заботы; я никогда не забуду этого изумительного вечера и восхитительного сна королевы; лучи солнца проникают сквозь крышу, на фоне резного деревянного потолка постепенно проступают две парящие ангельские фигуры, а солнце уже заливает спящую королеву, и в его лучах нисходят ангелоподобные призрачные фигуры с пальмовыми ветвями в руках, коими они торжественно и грустно помахивают над спящей королевой. Да не прозвучит это богохульством, но такими, думалось мне, могут предстать нашим смертным очам истинные ангелы».

В первой половине июня умер старый декан Крайст-Черч, и его место занял Генри Джордж Лидделл, совместно с Робертом Скоттом оставивший грядущим поколениям греко-английский словарь. Лидделл был домашним капелланом принца-консорта и директором Вестминстерской школы; в Крайст-Черч он воцарится на тридцать шесть лет. «У большинства людей, — писал современник, — декан вызывал благоговейный трепет... Он ненавидел обман. Порицал в других застенчивость, хотя более застенчивого человека свет не видел». Грозный и поразительно красивый церковник привез с собой столь же грозную и красивую супругу и четверых детей — Гарри, самого старшего, восьми лет, и трех девочек, из которых средней, Алисе, было три года, когда на ней остановил внимание двадцатитрехлетний Чарлз Доджсон. Этой девочке было суждено стать пробным камнем его гения.

В ознаменование приезда нового декана Чарлз Доджсон получил звание «мастера Колледжа Христовой церкви» — в Крайст-Черч это звание давало ему все привилегии магистра искусств. Подобно многим викторианцам, Чарлз любил в конце года подвести в дневнике итоги: «Последний вечер уходящего года я коротаю в одиночестве, близится полночь. Это был чрезвычайно богатый событиями год: я начал его бедным бакалавром без определенных планов и надежд, а кончаю «мастером» и преподавателем в Крайст-Черч, имея годовой доход свыше 300 фунтов и, благодарение Господу, еще на несколько лет обеспеченный преподаванием математики. Великие милости, большие поражения, потерянное время, талант без приложения — таков был уходящий год».

Не пройдет и года, как в дневнике зазвучат жалобы (себе или потомству — сказать трудно): «Я устал читать лекции, они надоели мне. Сегодня я принимал вступительные экзамены, и из шестерых или даже восьми человек едва ли один отвечал в соответствии с требованиями. Тяжелый и неблагоприятный это труд — навязывать знания неохочим людям в ущерб тем, у кого есть желание учиться».

Естественно, что он скоро устал от студентов. Он видел их в массе, как неизбежное зло, не выделяя личностей, не

Генри Лидделл, «выдающийся викторианец» *, декан колледжа Крайст-Черч, соавтор известного «Греко-английского лексикона». Когда он в 1855 г. прибыл в Оксфорд, Алисе было три года. Фотография Хиллза и Сондерса.

замечая даже лиц, достойных его фотообъектива. За исключением избранных, он ни к кому не питал интереса, даже к прислуге, которая обихаживала его без малого полстолетия. По натуре человек мягкий и добрый, он принимал услуги как должное — от существ низшего порядка, «знающих свое место».

В свою очередь студенты от него тоже устали. Сэр Герберт Максвелл в 1932 году вспоминал «на редкость сухую и небрежную манеру, с какой он нас поучал, не выказывая ни малейшей личной заинтересованности в предметах, глубоко волновавших нас». Его свидетельство поддерживает Ф. Хоуард: «Общаясь с нами, студентами, он никогда не улыбался

«Как я выгляжу, читая лекции». Автошарж Кэрролла. Застенчивость и заикание мешали ему сойтись с бедовой оксфордской молодежью; на рисунке С. П. Холла — студенты 1860-х гг.

и никоим образом не обнаруживал свое чувство юмора».

Не лучше складывались и его отношения с подростками. Чтобы проверить себя, он взял группу в школе Сент-Олдейтс. Вот что записал он в дневнике 29 января 1856 года: «Сегодня дал первый урок, в классе восемь мальчиков; против ожидания урок мне очень понравился».

Запись через десять дней: «В классе шумно, все невнимательно; чувство новизны притупляется, и я думаю, что не справлюсь с ними».

Спустя еще две недели с небольшим: «В классе шумно; все сидят с отсутствующим видом, у меня опускаются руки, и я близок к мысли отказаться от преподавания здесь».

И три дня спустя: «Объявил в школе, что в настоящий момент не смогу продолжать занятия. Сомневаюсь, что возобновлю их в следующем семестре...»

Со студентами занятия продолжались — это была его обязанность. Но с мальчишками он избегал деловых и просто человеческих контактов.

В разгаре досадного фиаско с подростками из Сент-Олдейтс родилось имя «Льюис Кэрролл». Двадцатичетырех-

«Ловкий Плут»* — художественный портрет (1858) К. Ф. Гуисса, одного из немногих студентов, кому Кэрролл симпатизировал.

летний Чарлз, уже не довольствуясь домашними журналами, предложил свои услуги талантливому пародиста, юмориста и стихотворца вниманию серьезных журналов. С «Панчем» у него ничего не вышло, зато повезло с недолговечным журнальчиком «Забавные времена» (название было ему не по душе). Когда журнал прекратил существование, редакция основала ежемесячник под названием «Поезд». Редактором остался Эдмунд Иейтс, известный журналист, подобно Троллопу сочетавший творчество со службой в Управлении почт и телеграфа. Когда Чарлз предложил в журнал поэму «Одиночество», подписанную инициалами «ББ» (до сих пор не выяснено, что это значит), Иейтс попросил найти настоящий *nom de plume*¹. Чарлз предложил «Дэрс» — по месту своего рождения, Иейтс забраковал: «Слишком отдает газетой». И 11 февраля 1856 года Чарлз Доджсон представил свое знаменитое *alter ego* в такой сомнительной компании:

«Написал мистеру Иейтсу, предложив на выбор имена:

- 1) Эдгар Катвеллис (получается перестановкой букв в Чарлзе Лютвидже).
- 2) Эдгар У. Ч. Вестхилл (тот же принцип).
- 3) Луис Кэрролл (Лютвидж-Людовик-Луис, а Кэрролл — это Чарлз).
- 4) Льюис Кэрролл (тот же принцип)».

Иейтс сделал выбор, избавив Алису и будущие поколения от Эдгара Катвеллиса, и в краткой записи от 1 марта Доджсон санкционировал псевдоним: «Выбрали Льюиса Кэрролла».

¹ Псевдоним (*франц.*).

«Гайавата с аппаратом» (1857) подробно живописует, сколь трудоемким было в ту пору фотографирование («Тайна, ужас чародейства...»). Рисунок А. Б. Фроста к изданию поэмы в книге «Стихи? Смысл?» (1883).

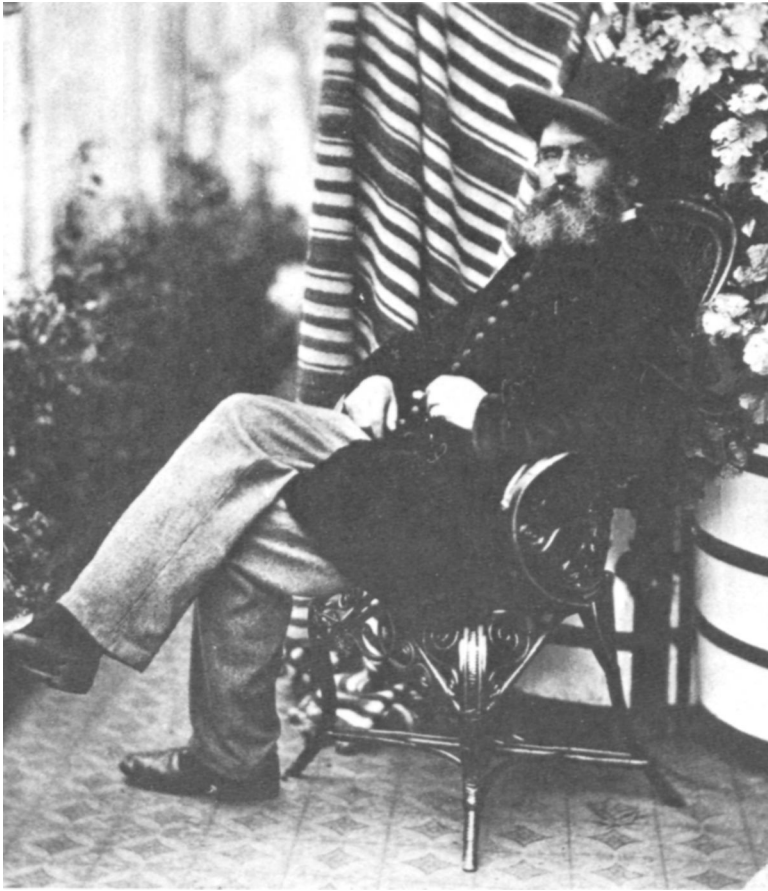
Одну из первых новое имя украсило «Дорогу роз», душе-раздирающую поэму, посвященную Флоренс Найтингейл *.

*Не от усталости клонится голова:
Потоки слез струятся по щекам;
Терзая грудь, надрывные рыдания
Безмолвье ночи вопрошают.*

Льюис Кэрролл (теперь можно с полным правом называть его этим именем) понемногу приходил к убеждению, что его собственные рисунки недостаточно хороши для печати — редакция уже несколько раз их отвергала. Не удовлетворившись согласием Иейтса напечатать в «Поезде» «Дорогу роз», он настоятельно рекомендует «сюжет для иллюстрации, навеянный заключительными строками поэмы. Женщина стоит у окна, в которое струятся лучи заходящего солнца; сбоку, в густеющем полумраке обстановка лазарета, свет уже настолько призрачен, что детали и прочее лишь смутно проступают». Иллюстратор Чарлз Беннетт на этот раз послушно исполнил волю автора.

Льюис Кэрролл продолжал рисовать, но истинное призвание он находит в фотографии, он признан лучшим фотографом XIX века, снимавшим детей. Пробуждение интереса к фотографии зафиксировано в дневниковой записи от 22 ян-

Портрет драматурга, критика и редактора «Панча» Тома Тейлора (1863). Благодаря Тейлору Кэрролл свел знакомство со многими людьми, в том числе с Эллиен Терри и ее семейством.

варя 1856 года: «Написал дяде Skeffingtonу, прося достать мне фотографический аппарат, поскольку хочу найти для себя занятие, помимо чтения и сочинительства». И 18 марта с коллегой по Крайст-Черч Реджиналдом Саути, уже пользующимся репутацией фотографа-любителя, он отправился в магазин Т. Оттивелла на Шарлотт-стрит (это недалеко от Кларендон-роуд) выбирать аппарат. «Камера с объективом и прочим будет стоить фунтов 15, не менее», — записал он тогда же, а более поздняя запись того же года содержит признание: «Это моя единственная забава, и, я полагаю, она заслуживает серьезного отношения». Сколь ни значительна указанная сумма, всех потребностей она никак не покрывала. Потребуется множество бутылок, ванночек, стеклянных пластин, мензурок и воронок, потребуется переносной темный тент, специальный чуланчик. Сам аппарат устанавливается на складном треножнике. Страшно подумать, сколько времени требовалось Льюису Кэрроллу на упаковку

Автопортрет с детьми Дж. Макдональда (1863). Усадив детей, Кэрролл подсел к группе, а объектив открыл помощник.

Фотостудия прошлого века. Гравюра на дереве А. Джейхендиза. *Взяв стеклянную пластину, Он покрыл ее коллодием И в корытце с адским камнем Погрузил.* («Гайавата с аппаратом»)

Оксфордский дом Кэрролла на протяжении тридцати лет. Том Квод (большой внутренний двор) в колледже Крайст-Черч, вторая половина XIX в. Роскошная квартира Кэрролла располагалась в правом углу двора (на снимке — его кабинет).

всех этих принадлежностей: известно, с какой обстоятельностью собирал он обычно свой багаж, заворачивая каждую вещь отдельно и не скупясь на бумагу.

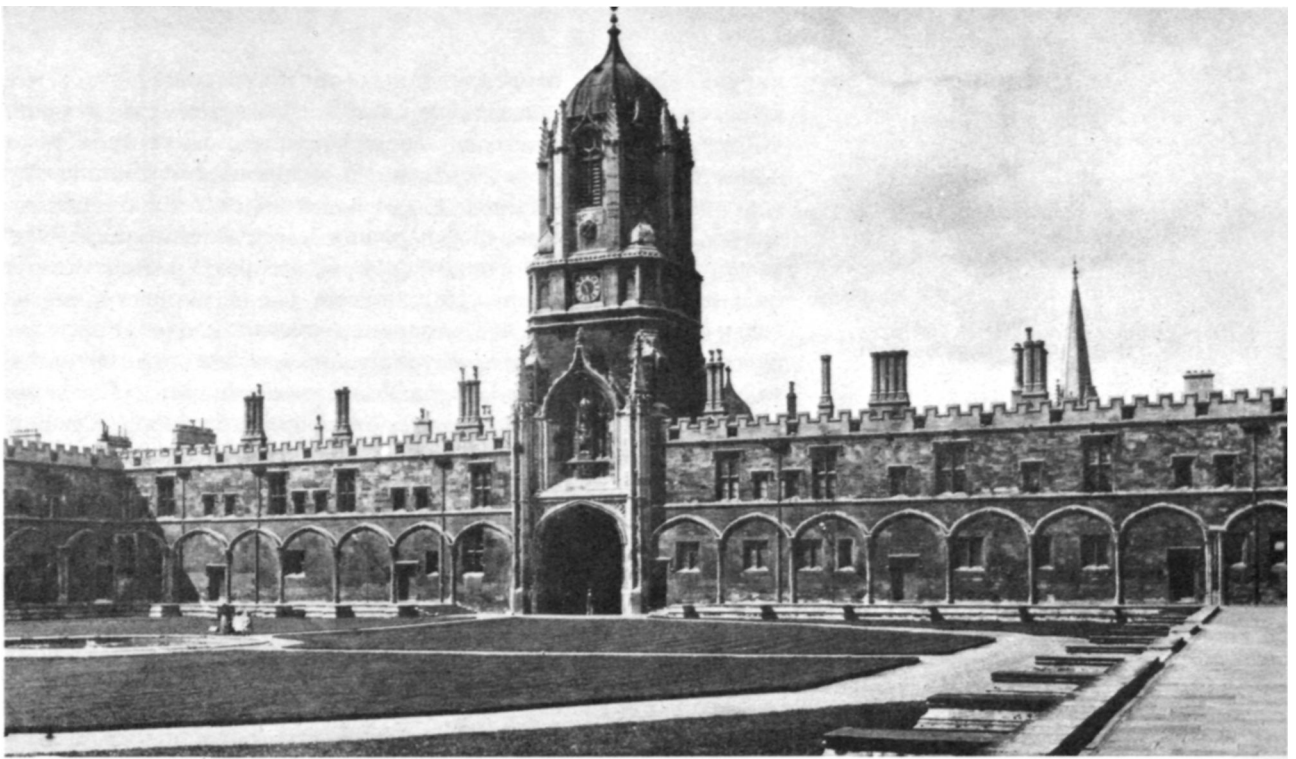
Путешествуя, Кэрролл заранее отправлял всю аппаратуру поездом. В Лондоне он обходился кебом, а временную студию устраивал везде, где позволяла обстановка и было удобно натурщикам. Благодаря знакомству с архиепископом перед ним открылись двери Ламбетского дворца. Ему очень понравился сад Д. Г. Россетти, и не мудрено, что он злоупотреблял гостеприимством хозяина. К Тому Тейлору, редактору «Панча», он заявился в половине девятого утра: «Я использовал подвал как темную комнату, в оранжерее устроил студию и смог сделать несколько очень хороших портретов».

С мая 1856 по июль 1880 года он с таким рвением отдавался фотографии, что трудно вообразить, когда он успевал прилежно исполнять преподавательские обязанности и писать книги об Алисе, не говоря уже о неиссякаемом потоке литературных и математических публикаций. Первые фотографии он делал в Крайст-Черч, в своей квартире или в квартире декана. Иногда снимал случайное помещение. Въехав в 1868 году в роскошные апартаменты в северо-западном углу Тома Квода (сейчас часть квартиры отведена под преподавательскую комнату), он добился разрешения построить на крыше фотостудию. Одна из его многочисленных юных натурщиц, Эвелин Хэтч, вспоминала: «...из Тома Квода по темной дубовой лестнице поднимались в студию на верхнем этаже его квартиры. Запах некоторых химических и сейчас приводит мне на память таинственный темный чулан, где он проявлял пластины, гардеробную с причудливыми костюмами и почти молитвенный ритуал выбора позы, чему уделялось огромное внимание...»

Алиса Лидделл, «главная» Алиса, на склоне лет рассказывала сыну: «Гораздо интереснее, чем фотографироваться, было получить допуск в темную комнату и смотреть, как он проявляет большие стеклянные пластины».

Цитируя здесь Алису Лидделл, мы предвосхищаем события. Очень может статься, что камера со всеми ее атрибутами была первой вехой (весьма громоздкой) на пути знакомства с Алисой, но в год, когда он ее приобрел, — в тот год он стал «мастером и преподавателем в Кр.-Ч.» (его обычное сокращение) — произошли еще два важных для него события.

Первым было потрясение, которое он пережил, подоспев на помощь студенту-эпилептику во время приступа. «Я благодарен судьбе, что в ту минуту проходил мимо, — писал он, — и получил возможность быть полезным в этих чрезвычайных обстоятельствах. Я понял, насколько беспомощными делает нас невежество, и дал себе слово прочитать какую-

нибудь книгу о непредвиденных обстоятельствах, что, мне кажется, следует сделать каждому». Для начала он заказал «Советы оказавшимся в непредвиденных обстоятельствах» и постепенно подобрал обширную медицинскую библиотеку, которой, пишет Коллингвуд, «не погнушался бы и настоящий врач». По завещанию она перешла к его племяннику Бертраму Коллингвуду, ставшему профессором физиологии в больнице «Сент-Мэри», Паддингтон, где в наши тридцатые годы открылось детское отделение имени Льюиса Кэрролла. Анатомия, физиология, патология — все эти предметы питали неутолимую тягу Чарлза Доджсона к знаниям. Проверять выдержку, он присутствовал на операции в больнице Св. Варфоломея: ампутировали ногу выше колена, операция продолжалась свыше часа. «Я давно хотел проделать этот эксперимент, дабы убедиться, могу ли я рассчитывать на себя в чрезвычайных обстоятельствах, и я был рад убедиться, что могу». Какие бы существа ни рождала его творческая фантазия, они все отмечены печатью его медицинских познаний. «Не нужно быть *доктором*, — писал он в «Сильвии и Бруно», — чтобы интересоваться книгами по медицине».

В том же году он прочел первый роман Чарлза Кингсли «Олтон Лок» — это второе знаменательное событие. «Он с чувством рассказывает горестную повесть о лишениях и муках бедняков, но я бы желал, чтобы он предложил более определенное лекарство, и прежде всего чтобы он поведал, чем он предполагает заменить «потогонную» систему в портняжном деле и других занятиях. Если бы в книге было больше определенности, она могла бы завоевать много сподвижников на благородной ниве общественных преобразований. О, когда бы Господь в своем благом Промысле назначил и мне быть таким работником! Но увы, какими средствами я располагаю?» *

Далее он продолжает: «Сколь немногие озабочены единственно важными проблемами в жизни! Кто есть я, если на то пошло? Глубокий философ? Великий гений? Полагаю, ни то, ни другое. Какие ни есть у меня таланты, я желаю посвятить их служению Господу, да облегчит он мою душу и да избавит от гордости и себялюбия. И да услышу я: Молодец, добрый и верный слуга!» А неделю спустя он был в театре и в более пространной записи отчитался в «пяти часах чистейшего наслаждения», дарованного Кином в роли Гамлета, «поистине восхитительными дрессированными собачками» и «детской пантомимой... ничего прелестнее я не видел на сцене».

Упаси нас боже выставлять Кэрролла существом легкомысленным, хотя он любил развлечения, или бесчувственным, ибо многие знавшие его вспоминали его доброту. Но, помимо возгласа «Какими средствами я располагаю?» и обета

служить Всемогущему, он не много сделал для того, чтобы допустить в свое творчество жизненные проблемы. Он родился и вырос в промышленных северных графствах, однако положение рабочих его не интересовало. Воссылая моления о причастности к борьбе против потогонной системы, при которой дети валились с ног от изнеможения, он в это самое время познакомился с первой из своих благовоспитанных маленьких приятельниц. Он весь отдался напряженной работе и хорошо организованному досугу в том удобном призрачном мире, откуда бедность, уродство и невзгоды были изгнаны так же сурово, как богохульные мысли.

Принятие духовного сана было обязательным в его должности; к тому же оно отвечало естественной потребности послушного сына пастора, унаследовавшего чувство долга перед англиканской церковью. Коллингвуду удалось познакомиться с дневниковыми записями соответствующего периода, впоследствии пропавшими. Он пишет, что Чарлз Доджсон «не был готов посвятить себя жизни, отмеченной почти пуританской строгостью и полагавшейся неперменной для духовного лица; кроме того, он считал, что дефект речи будет очень мешать ему должным образом отправлять пасторские обязанности». Было еще одно неудобство: оксфордский епископ доктор Уилберфорс указывал, что «стремление посещать театры и оперы есть свидетельство абсолютной непригодности к священному сану».

К счастью, суровое распоряжение епископа распространялось только на рукоположенных в священники — диаконов оно не касалось. Это обстоятельство, несомненно, и сыграло для него решающую роль, хотя он обошел его молчанием, когда много лет спустя писал крестнику:

«Когда я достиг возраста, необходимого для посвящения в диаконы, мне уже была предоставлена должность преподавателя математики, и я не был расположен ее оставлять и брать приход; я серьезно раздумывал над тем, что мой долг, может быть, состоит в том, чтобы *не принимать* сана. Я советовался по этому поводу (среди прочих и с епископом Уилберфорсом) и пришел к заключению, что, хотя педагогическая работа (даже преподавание математики) не приличествует сану священника, будет *благим делом*, если многие наши педагоги станут лицами духовного звания. Я сомневался и был совершенно не уверен в том, что пожелаю быть рукоположенным в священники. При таком образе мыслей я и принял сан диакона. А теперь, в силу разных причин, я вовсе отказался от мысли быть рукоположенным в священники и рассматриваю себя просто как мирянина, хотя время от времени отправляю маленькие службы — например, помогаю во время причастия».

Однако диаконство не освобождало Доджсона от обета безбрачия — другого неперменного условия для члена кол-

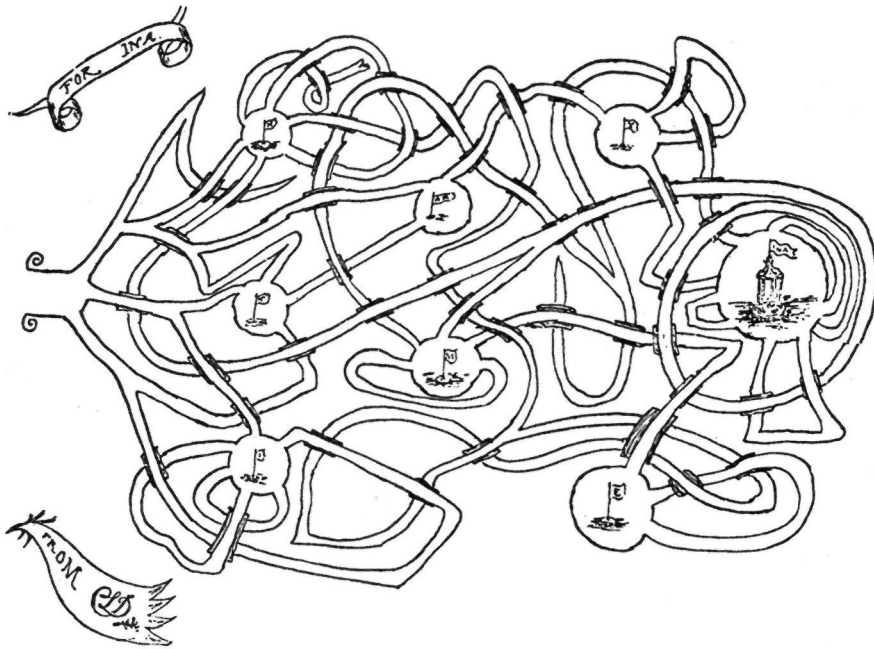
леджа Крайст-Черч. Если выпускник женился, он терял место в колледже, но обычно Крайст-Черч давал ему один из своих приходов. Семья Чарлза не исключала, что он по примеру отца женится и оседет где-нибудь в сельском приходе. Не исключал такой возможности для себя и Чарлз. Отвечая отцу, предлагавшему ему уже теперь начать откладывать деньги и застраховаться, Чарлз между прочим писал: «Если когда-нибудь я надумаю жениться (что пока маловероятно), у меня будет время выплатить страховку...»

В тридцать девять лет Доджсон записывал: «Жить в трудах — это счастье, но я бы желал, чтобы моя жизнь была лучше и ближе к богу». Дерек Хадсон проникательно комментирует это заявление: «Льюис Кэрролл предпочитал долю погрязшего в делах холостяка участи несчастного супруга».

Исчезновение дневников за 1858—1862 годы (Коллингвуд их видел) вызвало предположение, что в них могли выразиться его колебания в период принятия сана либо он мог проговориться о несчастной любви, и сестры сочли за лучшее уничтожить эти страницы. Ничто, правда, не подтверждает этого предположения.

Став в 1861 году диаконом, Чарлз мужественно боролся с заиканием. Нужно было исполнять какие-то духовные обязанности, время от времени читать проповеди; в этих случаях он говорил медленно и однажды отметил в дневнике, что «два слова рядом — распаленные разногласия — мне так и не дались».

Обосновавшись до конца жизни в безопасном, огражденном от тревог и забот микрокосме викторианской Крайст-Черч, Чарлз и впрямь вел жизнь погрязшего в делах холостяка. Преподавательские обязанности были обременительны, а ведь он еще регулярно писал прозу, стихи, выкраивал время для головоломок и загадок. Выходят его математические труды — их список открывает брошюра «Конспекты по плоской алгебраической геометрии» (1860). И все последующие сорок лет не ослабевала его любовь к печатному слову и бумаге. Не иссякал поток публикаций: стихи, математические труды, детские сказки, сочинения по логике, отклики на события университетской жизни — их перечень занимает 300 страниц в каталоге «Справочник по Льюису Кэрроллу». В тридцатые годы его составили Сидни Герберт Уильямс и Фокнер Мэдан, а в шестидесятые годы редактор «Дневников» Кэрролла Роджер Лэнслин Грин подготовил дополненное переиздание «Справочника». Сегодняшний читатель вряд ли взглянет во многие из его трудов, столь любовно подготовленных, да и современники не рвали их друг у друга из рук. Если бы не «Справочник» и не интерес к его произведениям узких специалистов, они давно бы затерялись в обильном

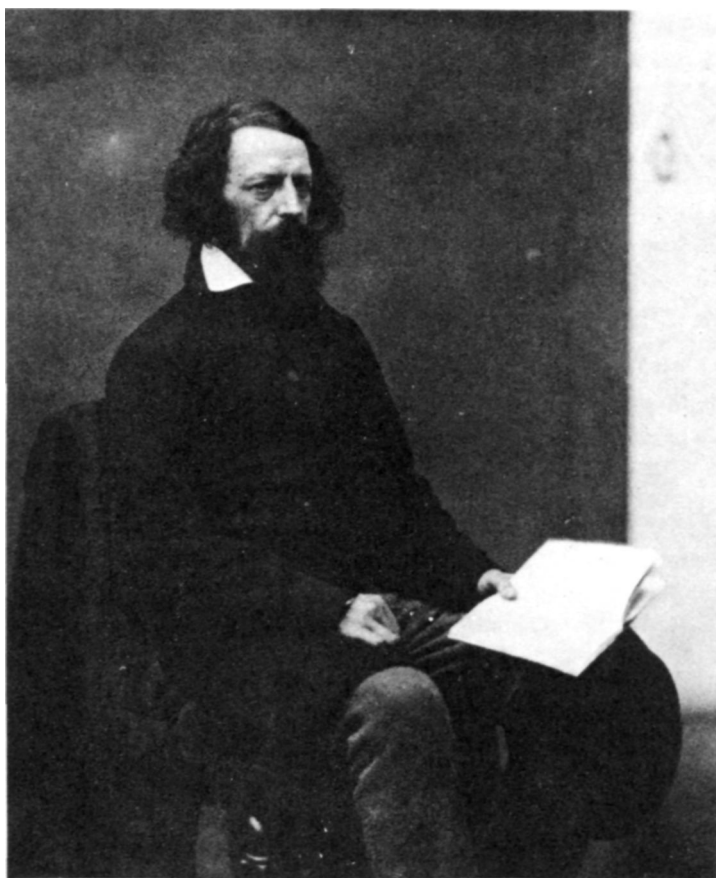

потоке викторианской литературной продукции — за исключением очень немногих, и прежде всего «Алисы» и «Снарка».

Далеко за полночь горел свет в окнах Доджсона, фиолетовыми и черными чернилами (а под конец жизни — на пишущей машинке) заполнявшего страницу за страницей, причем каждая страница была точно такого формата, какой требовался для изложения сути дела. Дневные же часы — и это продолжалось двадцать четыре года — в основном отдавались фотографии: работа с камерой, проявление и печатание снимков, поиски сюжетов и натурщиков. «Спокойнейший и самый застенчивый из взрослых людей после Дядюшки Римуса», каким он предстал перед Марком Твенем в их единственную встречу *, Льюис Кэрролл в качестве фотографа был невыносим, с ним не было сладу, он не отдавал себе отчета в том, какое светопреставление он устраивает в чужом доме. Он не останавливался ни перед чем, преследуя две цели: заполучить в натурщики либо знаменитость, либо прелестных детей. Сохранившиеся до наших дней фотоснимки, безусловно, оправдывают его рвение.

Он пытался через третьих лиц добиться позволения сфотографировать королеву Викторию, но безуспешно. К принцу Уэльскому он обратился лично, и рассказ об этом оставляет грустный осадок. Принц (будущий Эдуард VII) только что возвратился из Америки и наравне со всеми завершал образование в колледже Крайст-Черч. В декабре 1860 года кол-

Любимым развлечением Кэрролла и его маленьких друзей было составление головоломок. В этом лабиринте, нарисованном для Айны Уотсон, следует идти по буквам, составляющим имена ее сестер (Герты и Мэри), к ее собственному имени, написанному на флаге в конце.

Теннисон и его сын Хэллам на снимках, сделанных в 1857 году на озере Конистон. Кэрролл преодолевал свою застенчивость, чтобы добиться возможности фотографировать знаменитых людей.

ледж неожиданно посетила королева Виктория, и вечером у декана состоялся прием. Похоже, Кэрролл чувствовал себя на нем не в своей тарелке: «Я выбрал момент, чтобы напомнить генералу Брюсу о его обещании представить меня принцу, что он и сделал, как только образовалась пауза в беседе его королевского высочества с миссис Феллоуз. Тот милостиво протянул мне руку, и я начал с извинения за свою назойливость по поводу фотографирования. Он высказался о погоде, не благоприятствовавшей этому занятию, а я спросил, не докучали ли ему в Америке фотогафы; он ответил, что докучали, но он не очень им поддавался. Я рассказал о новом американском способе, при котором можно делать 12 тысяч снимков в час. В ту минуту мимо проходила Эдит Лидделл, и я заметил, что с детьми можно составлять прелестные композиции; он согласился со мной, сказал, что видел мои снимки детей и они ему очень понравились. Тогда я выразил желание получить его автограф на открытке с

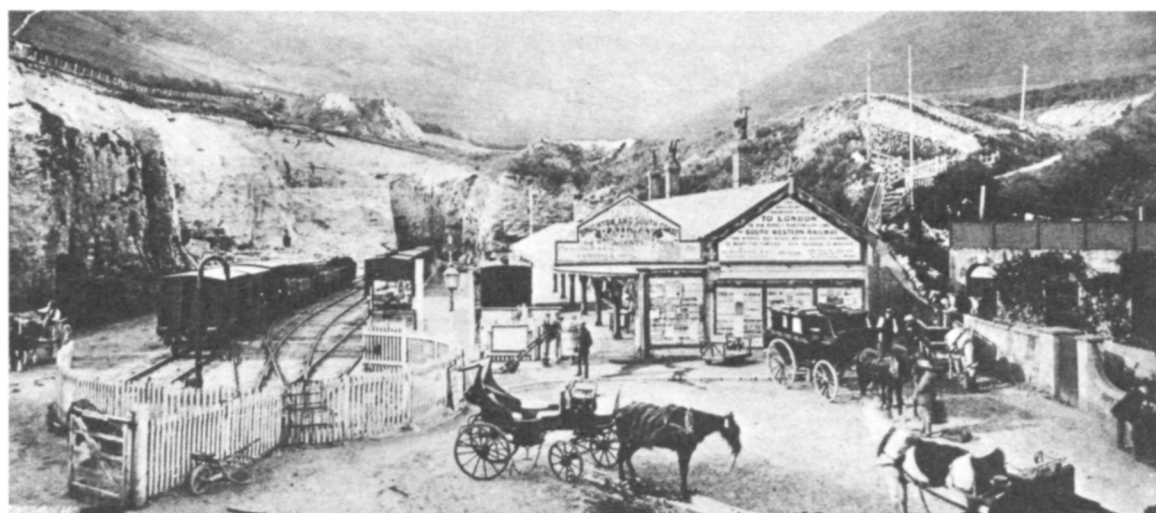
его портретом. Он обещал. Полагая, что пора завершить разговор, я заверил его, что он окажет мне честь, если пожелает получить копии любых моих снимков. Он поблагодарил, и я отошел, поскольку не заметил с его стороны желания продолжать беседу».

Принцу фотография успела изрядно надоесть, хотя она оставалась увлекательной и модной новинкой. Льюис Кэрролл, как и его известная современница, фотограф-портретист Джулия Маргарет Камерон, избежал профессионального обезличивания. Миссис Камерон видела в фотографии «божественное искусство», умела «раскрывать душу человека», по мнению Гернсхайма. Кэрролла же он считает по преимуществу «мастером композиции».

За пределами Оксфорда его особенно привлекала личность прославленного поэта Альфреда Теннисона, величайшей знаменитости своего времени*. Возвращаясь в 1857 году из своей единственной поездки по Шотландии, он «оказался» в Озерном крае, а еще точнее — в Конистоне, где остановились Теннисоны. Он «осмелился посетить их». Великого поэта не оказалось дома, зато Кэрролл сумел понравиться миссис Теннисон и двум ее сыновьям («я не встречал более красивых мальчиков в этом возрасте»), которых он договорился сфотографировать в ближайшее время.

Во время следующего визита «открылась дверь, и вошел диковатого вида взлохмаченный человек; его волосы, усы и борода росли, казалось, без всякого присмотра и почти скрывали выражение лица. Свободный сюртук, брюки и жилет из простой серой фланели, небрежно повязанный черный шелковый галстук. Волосы у него темные, глаза, кажется, тоже,

Станция Вентнор на острове Уайт. Попытки Кэрролла возобновить знакомство с Теннисонами послужили поводом для слухов, будто он «преследовал лауреата в его прибежище» в Фаррингфорде.

взгляд острый и беспокойный, нос орлиный, лоб высокий и широкий — и лицо, и вся голова прекрасны и мужественны. С самого начала его обхождение было приятным и дружественным, в манере говорить ощущался какой-то затаенный суховатый юмор».

Первая встреча прошла успешно. Кэрролл польстил Теннисону, вымогая толкование некоторых мест в поэме «Мод». Теннисон сказал, что хотел бы заняться фотографией, но боится, не хватит терпения. Позировать Кэрроллу он согласился и вскоре, несколько сумрачный с виду, был запечатлен для потомков.

На этом отношения не прекратились. Спустя два года Кэрролл появился на острове Уайт в то время, когда Теннисон был у себя в Фаррингфорде. В письме кузену Уильяму Кэрролл старательно объяснял: «Меня превратно поняли, толкуя, будто я выследил великого поэта в его прибежище». И добавлял: «Находясь там, я пользовался неотъемлемым правом всякого свободного британца нанести утренний визит». И вдруг — о, ужас! — его не узнали. «Какой-то человек красил изгородь, когда я подошел и спросил, дома ли мистер Теннисон, ожидая услышать: «Нет». Я был приятно удивлен, когда человек сказал: «Он здесь, сэр» — и показал рукой; и точно — он был всего в нескольких ярдах от нас, бодрый, в очках, и косил траву. Мне пришлось представиться, так как он настолько близорук, что никого не узнает...»

В тот же вечер он получил приглашение от Теннисонов. «Прелестный малыш Хэллам (его сын) узнал меня, и гораздо скорее, чем отец», — пишет он. Кэрролл отказался выкурить предложенную Теннисоном трубку, но неожиданно согласился с мыслью, высказанной великим поэтом, что «священнослужители как общественный институт не делают и половины того, что могли бы, отбрось они высокомерие и имей хоть чуть больше сострадания к народу».

Вскоре выяснилось: Теннисон видел в молодом преподавателе прежде всего фотографа. Заговорив о том, что ему «снятся» стихи, он повернулся к Кэрроллу и спросил: «А Вам, наверно, — фотографии?» Спустя шесть лет Кэрролл подарил поэту-лауреату книгу «Алиса в Стране Чудес» — теперь, казалось бы, Теннисон с большим интересом отнесется к человеку с фотоаппаратом. Но увы, их отношения приняли печальный и досадный характер. В 1870 году, когда его литературная репутация уже упрочилась, Кэрролл писал: «Дорогой мистер Теннисон!

Прошло столько лет с тех пор, как я бывал у Вас в доме, что, боюсь, Вы даже не вспомните мое имя. Пишу Вам по тому же поводу, что и оба раза прежде. Мое глубокое восхищение Вашими творениями (включая и Ваши ранние стихи) должно извинить мою назойливость.

Одно из Ваших стихотворений под названием «Окно» было, кажется, отпечатано для узкого круга лиц. Однако оно переписывалось и распространялось в списках. Один из моих друзей, став обладателем такого экземпляра, в свою очередь, преподнес его копию мне. Я пока не прочел стихотворение, но с тем большим удовольствием сделаю это, когда буду знать, что Вы не возражаете, если я сохраню его у себя. Прошу также Вашего позволения показать его моим друзьям. Не смею просить о разрешении дарить им копии с него, хотя я счел бы такое разрешение величайшей милостью.

Вы, может быть, помните, не так давно мне давали на время рукописный вариант Вашего стихотворения «Жизнь влюбленного», и одна молодая дама, моя двоюродная сестра, переписала его для себя. Я тогда писал вам об этом и в соответствии с вашим пожеланием убедил ее (с большой неохотой, что вполне понятно) уничтожить копию. Других списков того стихотворения мне не попадалось *. Что касается «Окна», то рукописные экземпляры уже очень распространены, и ничто не изменится от того, есть у меня, к моему удовольствию, такой список или нет.

В надежде, что Вы любезно разрешите мне, во-первых, прочесть, а во-вторых, сохранить экземпляр, подаренный мне, и с добрыми пожеланиями и поклонами миссис Теннисон и вашим сыновьям,

остаюсь преданно ваш

Ч. Л. Доджсон».

Теннисон не подготовил эти стихи к публикации, поэтому его жена ответила так:

«Сэр,

Не стоит тревожить мистера Теннисона просьбой, которая лишь воскресит в нем пережитую досаду, а теперь еще добавит новую.

Несомненно, «Окно» распространялось стараниями той же бесцеремонной особы, чье вероломство вложило в ваши руки и «Жизнь влюбленного».

Что бы ни предпринимали подобные люди, всякий джентльмен должен понимать, что автор, не предающий огласке свои сочинения, имеет на то основания.

Преданная вам

Эмили Теннисон».

Кэрролл, понаторевший в академических перепалках, не стал терпеть обиду. В его ответе, адресованном мистери, а не миссис Теннисон, достаточно выдержанном по тону, не была обойдена молчанием ее последняя фраза, которая давала понять, пусть ненамеренно, что он поступил неблагородно. «Позвольте напомнить Вам, что в обоих случаях моя роль была чисто пассивной и что каждый раз я сообразывался с Вашими желаниями и следовал им. Стихотворение находится

Естественность — вот черта, которую Кэрролл, в течение двадцати четырех лет (1856—1880) страстно увлекавшийся фотографией, внес в этот новый вид искусства. Портрет Фредерика, кронпринца Дании, сделанный в его бытность студентом Крайст-Черч, достаточно строг по стилю, но лишен натянутости. Снимки семьи Милле (с Эффи в центре) и двух тетушек Кэрролла сделаны в мягкой и свободной манере.

Редкий случай:
Кэрролл запечатлел
ребенка из простой среды —
дочь прислуги в Крофте
(1857). Снимок резко
отличается от вычурных
композиций большинства
современных ему
фотографов.

в обращении и оказалось в моих руках без всяких действий с моей стороны. При таких обстоятельствах я имею право просить Вас точно определить, в чем именно я нарушил самые строгие требования чести».

Теннисоны написали еще раз, но недоразумение осталось. Тогда Кэрролл послал письмо следующего содержания:

«Милостивый государь!

Итак, Вы, я вижу, сперва наносите человеку оскорбление, а затем прощаете его — то есть сначала наступаете ему на ногу, а затем просите не кричать!

Тем не менее я принимаю ваши слова по существу за то, чем они не являются по форме: как мое освобождение (правда, без тени извинений или сожаления) от всех оскорбительных обвинений и как признание того, что они были сделаны вами без достаточных оснований.

Искренне ваш

Ч. Л. Доджсон».

По этой переписке, впервые опубликованной Дерексом Хадсоном, можно в полной мере судить о щепетильности

Льюис Кэрролл в пожилом возрасте.

Кэрролла, а о Теннисоне сказать одно: «Страна Чудес» не вскружила ему голову, и ее автор так и остался для него Доджсоном, назойливым молодым преподавателем с фотографическим аппаратом.

Фотографический аппарат между тем не простаивал без дела. Дневник отчитывался: «1 октября 1863 года. Мистер Россетти * предложил пригласить Роберта Браунинга * сфотографироваться в среду. Знаменитости, подобно невгодам, в одиночку не ходят». Браунинг, правда, не пришел, зато 6 октября «отправился к мистеру Россетти, начал распаковывать камеру и прочее... Пока был этим занят, приехала мисс Кристина Россетти *, и мистер Россетти представил меня.

Поначалу она казалась немного застенчивой, а разговариваться не было времени, но она мне чрезвычайно понравилась. Я снял ее дважды и один раз мистера Россетти...»

В ноябре того же года он фотографировал кронпринца Дании и аттестовал его (не без некоторой уязвленности) как «бесспорно более яркого представителя монархии, нежели его родственник», принц Уэльский: должно быть, воспоминание об отказе еще терзало его. На следующий год до него дошла окольными путями похвала самой королевы: «Получил письмо от миссис Рид, в которое вложена записка от леди А. Стенли (жены настоятеля Вестминстерского аббатства) к леди А. М. Доусон, где та рассказывает, что показывала мои фотографии королеве и ей было поручено передать, что „Ее величество ими восхищается. Такие снимки во вкусе принца-консорта и доставили бы ему огромное удовольствие“». Но принцу-консORTу не довелось увидеть того, что стало достоянием потомков¹, — увлекательной галереи портретов друзей и родственников Кэрролла, оксфордских коллег, ученых мужей, прерафаэлитов*, разного рода знаменитостей, но прежде всего — детей, тех благополучных детей состоятельного круга, откуда вышла и всеми любимая Алиса.

Из окна библиотеки в колледже Крайст-Черч посетителям непременно покажут вид на лужайку и цветник перед домом декана, которым любовался и Чарлз Доджсон в бытность свою помощником библиотекаря. Апрельским днем 1856 года он сошел в сад вместе с другом, чтобы сделать снимок собора: «Три девочки почти все это время были в саду, и мы легко подружились; пробовали поставить их группой на переднем плане, но они оказались очень беспокойными. Этот день я отмечаю знаком камня».

Таким знаком, изредка встречающимся в его дневниках, Кэрролл отмечал лишь встречи с выдающимися людьми или события исключительной важности. И таким событием стало знакомство с Алисой Лидделл, хотя дело было не в снимках, они все равно не получились. Кэрролл влюбился. Алиса была первой и главной героиней его пожизненной привязанности к детям, в чьем обществе он переставал заикаться, снова вдыхал ветерок над пшеничным полем в Дэрсбери и открывал Страну Чудес. В этом было счастье его жизни. Он поклонялся образу, воплотившемуся сперва в Алисе Лидделл, потом в веренице других детей, а то и во многих сразу. Эта драгоценная суть жизни оставалась с ним до конца, когда в возрасте 66 лет он умирал одинокий и утомленный трудами.

В своем вступлении к «Полуночным задачам» (72 задачи, в основном по алгебре, планиметрии, тригонометрии) он пи-

¹ Принц Альберт умер в 1861 г.

сал о ночных «нечистых мыслях, терзающих своим ненавистным присутствием воображение, которое желало бы сохранить чистоту». Кроме этого туманного намека, нет ничего ни в его записях, ни в поведении, ни в воспоминаниях тех, кто знал его, — никакого указания на то, что его заботливо содержавшаяся, хоть и истощаемая иногда диетами плоть когда-либо испытывала вожделение. Впрочем, необычного тут ничего нет. Многие умирают девственными. Многие живут с мечтой о любви, не испытывая при этом чувственного влечения. Уникально в этом человеке то, что мечта пробудила в нем поэтическую фантазию, вызвала к жизни Алису и Снарка. При этом он не был сухарем и нежно любил детей. Это был необычайно счастливый и довольный жизнью человек, обладавший крепким здоровьем и немного ипохондрического склада. Одни утверждают, что он был эпилептиком, другие сомневаются в его душевном равновесии. И никому из них не удастся ни доказать своих теорий, ни прибавить что-либо к сокровищам Страны Чудес. Для очаровавшей его малютки сердце Кэрролла было всегда открыто, их общение было радостным и легким.

Для всех остальных он был человеком добрым, чудачковатым, педантичным, всегда чересчур внимательным — отчасти из-за своей глухоты, а к старости несколько ворчливым и замкнутым. Кэрролл никогда не скрывал своей привязанности к детям — напротив, он был предельно откровенен. Он был сосредоточен только на самом себе и только с собою считался. Дети вырастали — и уходила привязанность.

«Я думаю, наверное, в девяти случаях из десяти моя дружба с детьми терпела крушение в тот решающий момент, «когда ручеек вливается в реку», и мой недавно такой близкий друг превращался в ничем не примечательного знакомого, с которым не было никакого желания увидеться вновь».

Его нежное чувство к Алисе Лидделл круто пошло на убыль после публикации книги и совершенно иссякло, когда Алиса вышла замуж за Реджинальда Харгривса, землевладельца, одного из лучших в графстве игроков в крикет и отличного стрелка. Спустя двадцать три года после того «золотого полудня» он писал ей, даже не называя ее по имени:

«Дорогая миссис Харгривс!

Предчувствую, что после стольких лет молчания это письмо покажется вам голосом с того света, и все же я верю, что годы не стерли память о днях, когда мы с вами переписывались. Я начинаю убеждаться, что память старого человека с трудом удерживает недавние события и новых друзей (к примеру, всего пару недель назад я познакомился с премою девицей лет 12, совершил вместе с ней прогулку — а теперь не могу даже вспомнить ее имени!), но мысленный образ той, кто был моим идеальным маленьким другом, жив во мне, как

Взрослая Алиса.
Кэрролл потерял
связь с нею еще до того,
как она стала госпожой
Реджинальд Харгривс, и,
по его собственному
свидетельству, был изумлен,
когда в 1870 году ему
представилась возможность
сфотографировать ее.
Вверху — ее же портрет,
сделанный знаменитой
современницей Кэрролла
Джулией Маргарет Камерон
в 1872 году, ясно
показывающий разницу
в стиле обоих фотографов.
Камерон любила крупный
план, Кэрролл находил
более выразительными
портреты во весь рост.

и прежде. У меня было множество друзей после вас, но все это было совершенно иное.

Однако я взялся писать не для того, чтобы высказать вам это. Я бы хотел знать: не будете ли Вы возражать против факсимильного издания «Приключений Алисы под землей» (оригинал, я полагаю, по-прежнему у вас)?»

Так сердечная привязанность вырождается в утонченную академическую вежливость.

Меняясь с годами, он оставался верен себе, и трудно вообразить, чтобы застенчивая искренность его письма к миссис Обри Мур, написанного на пороге смерти, была напускной:

«Вы и Ваши дети так добры, считая меня своим другом (хотя и склонны видеть во мне «важную персону» — положение для меня ненавистное), что я хотел бы, если мне будет позволено, узнать их поближе. Маленькие друзья так быстро вырастают! Многие уже выросли, но для меня они так и остались «друзьями-детьми». Моя жизнь полна забот и приближается к концу, и у меня *очень* мало времени, которое я мог бы посвятить сладостному отдохновению в детском обществе. Поэтому мне приходится беречь себя и общаться с ними по очереди — а как иначе можно общаться.

Не будете ли Вы добры сообщить мне, могу ли я приглашать (а не вытаскивать клещами) *Ваших* девочек к чаю или на обед не всех сразу, а порознь? Я знаю, что иногда детей выдают только в полном комплекте, но в этом случае никакой дружбы не получится. Мне думается, вряд ли можно постичь детскую душу, если видеть детей только в присутствии мам или сестер».

К тому времени он уже больше сорока лет сражался с миссис Гранди* и всякого рода условностями оксфордской жизни. Хотя его должность в колледже предполагала безбрачие, он был видным из себя и вполне приемлемым в качестве жениха молодым преподавателем, когда началась его дружба с Алисой и ее семьей. В мае 1857 года, познакомившись за завтраком с Уильямом Теккереем и отметив в дневнике, что он держался «просто и естественно», Кэрролл раздраженно записывал:

«Взял Гарри Лидделла с собой в церковь и после вместе с детьми прошелся до дома декана. К большому моему удивлению, я обнаружил, что мое внимание к ним кое-кто истолковывает как ухаживание за их гувернанткой, мисс Прикетт... Что до меня, то я не придаю значения столь безосновательным слухам, но я поступил бы неблагородно по отношению к гувернантке, если бы предоставил новый повод для подобных замечаний. По этой причине я буду впредь избегать публичного проявления знаков внимания, за исключением лишь тех ситуаций, где подобное толкование невозможно».

Саму мисс Прикетт такая реклама, возможно, огорчила бы, а может, оказалась бы кстати — она была практичная особа и окончила свои дни владелицей гостиницы «Митра» в Оксфорде.

Несмотря на опасность в лице гувернантки, Кэрролл вскоре снова начал встречаться с детьми Лидделлов. То время было освещено «золотым полуднем» и не только пробудило поэтическое вдохновение, но и заложило основу его многолетней любви к детям. Пополнение отбиралось тщательно, однако случались ошибки. Например, неудача с «новым маленьким другом Лили Алисой Годфри из Нью-Йорка: восьми лет от роду, но рассуждает, как шестнадцатилетняя, не позволила на прощание поцеловать себя на том основании, что «никогда не целуется с мужчинами». Больно видеть, что милая детская непосредственность совершенно стерлась уже в столь раннем возрасте; боюсь, что это правда, будто в Америке нет детей».

А предполагал ли он эту «милую детскую непосредственность» в *промышленной Англии*, к северу от родных мест или в тех кварталах Лондона, куда он никогда не заглядывал, наезжая в столицу? Незадолго до выхода в свет «Алисы в Стране Чудес» несколько немых и не располагавших к поцелуям детей предстало перед тремя членами парламентской комиссии по изучению «Труда детей и подростков в отраслях производства, не охваченных действующим законодательством». Энн Элизабет Пауэлл, двенадцати лет, свидетельствовала:

«Моя работа — носить кирпичи, но сегодня меня поставили продувать печь. Получаю 6 пенсов в день. У меня час на обед, ем здесь.

На кирпичный завод пришла десяти лет... Рабочий день с шести до шести... Работа — носить кирпичи и нагружать глину. Носила глину — на голове и в руках. Обычно болела голова, спина не болела.

Немного ходила в дневную школу. Отец читает вслух Библию, но он приходит домой только раз в неделю. Ангелы очень красивые. Хорошо быть ангелом. Я надеюсь, что стану когда-нибудь ангелом и буду сидеть у Христа на коленях».

Один из членов комиссии пишет в отчете, что Энн «поражает той серьезностью, с которой она выполняет свою работу, несомненно слишком тяжелую для ребенка, как показывают простые подсчеты. Печь, вмещающую 17 тысяч кирпичей, каждый весом $7\frac{1}{4}$ фунтов в обожженном виде, разгружают десять человек в течение полутора дней; то есть эта девочка за один рабочий день должна поднять и передать соседке около 36 тонн, сделав при этом 11 333 поворота туловищем на пол-оборота вперед и назад и стоя на наклонной доске. Говорят, что доска используется не все время. Когда я подозвал ее, она тяжело дышала».

Этот альбом для марок, сделанный Кэрроллом в 1888 году, свидетельствует о его готовности оказать «Алисе» коммерческую поддержку.

Дети-работяги из Бирмингема 1860-х годов были очень далеки от богобоязненного, тянущегося к знаниям мира, в котором обретались Льюис Кэрролл и его маленькие друзья. В отчете приводятся слова одного из тех детей: «Слышал про Иисуса Христа, но так давно, что позабылось». Другой заявил: «Я сумею отличить первоцвет — он вроде красной розы»¹, а третий не знал, «что такое река и где живут рыбы...».

Кэрролл предпочитал не знать об этих других детях, хотя кое-что просачивалось и в его мир, и тот же Теннисон восклицал:

*Допустимо ль, что покуда, время Знаньем убыстряя,
веку славу мы поем,*

*Души детские чернятся, чувства гложут
в ликом иле городском?*

Даже в Оксфорде можно было ничего не слышать, лишь зажав себе уши. Современник Кэрролла Мэтью Арнольд *, в 1857—1867 годах профессор поэзии в Оксфорде, писал: «Наше неравенство насаждает цинизм в высших слоях общества, пошлость — в средних и дикость — в низших...» А Кэрролл дорожил своим местом в жизни: «В Маргейте свел знакомство со многими приятными людьми, в основном потому, что меня привлекли их дети: не многие из них оказались выше торгового сословия, что вообще составляет недостаток маргейтского общества».

Итак, его преподобие Чарлз Доджсон вкушал успех, однако он не испытывал удовольствия, разделяя славу Льюиса Кэрролла. Ему вообще удавалось так устроить свои дела, что и волки были сыты, и овцы целы. Сам неутомимый охотник за знаменитостями, он отказался позировать для шаржа художнику из «Вэнити Фэр»: «Для меня нет ничего более неприятного, чем выставлять свое лицо напоказ чужим людям».

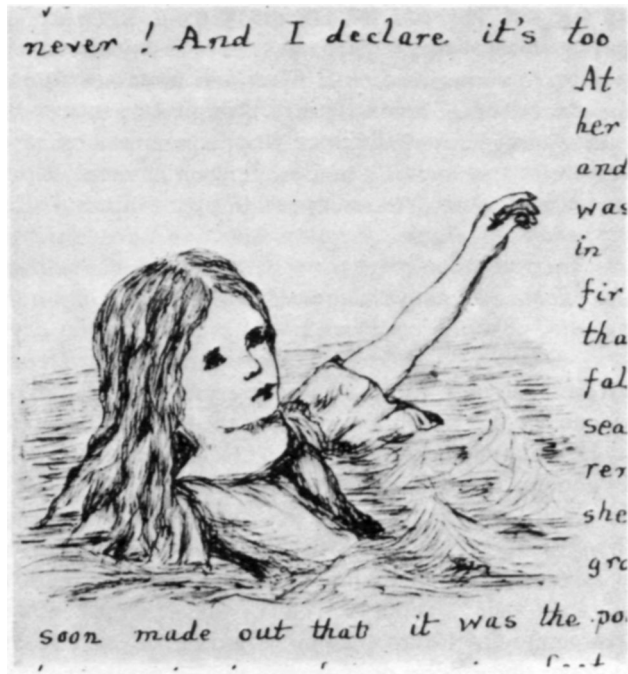
С какой-то одержимостью он наблюдал за иллюстрированием, печатанием и выпуском в свет «Алисы в Стране Чудес», которая еще при жизни писателя разошлась в ста десяти тысячах экземпляров. Он с энтузиазмом занимался распространением «Алисы» в дешевых, детских, факсимильных изданиях, через инсценировки на драматической и оперной сценах и даже в виде альбома для марок с картинками из «Алисы». В то же время он терпеть не мог, когда его отождествляли с Льюисом Кэрроллом. Одной из своих маленьких приятельниц, Эдит Рикс, он писал: «Передайте, пожалуйста, Вашей матушке, что я пришел в ужас, увидев адрес на ее письме, и что я предпочел бы «преп. Ч. Л. Доджсону, колледж Крайст-Черч, Оксфорд». Если письмо адресовано «Льюису Кэрроллу,

¹ Полевой цветок первоцвет незнаком ребенку, он по созвучию названия (англ. primrose) путает его с розой (rose).

колледж Крайст-Черч, Оксфорд», оно либо попадает в отдел неустановленных адресатов, либо послужит для почтальонов и всех прочих, через чьи руки оно проходит, подтверждением факта, который я более всего хотел бы от них скрыть». Корреспонденция на имя Льюиса Кэрролла приводила его в негодование; тем не менее в письме другой девочке, Кэтлин Эшвидж, он подписался: «Ваш искренний друг Чарлз Л. Доджсон (иначе говоря — Льюис Кэрролл)».

Такое донкихотство не мешало ему вести свои литературные дела с пунктуальностью математика, проявляя при этом рвение, которое сослужило бы ему хорошую службу и в наш век, с его техническими возможностями. Первую рукопись «Приключения Алисы под землей», примерно восемнадцать тысяч слов, Кэрролл не только переписал для девочки от руки, но и украсил тридцатью семью собственными рисунками. Рукопись он закончил переписывать в феврале 1863 года, а отправил ее Алисе, в дом ректора, только в ноябре 1864 года. В промежутке между этими датами Кэрролл, вначале «не помышлявший об издании рукописи», но в конце концов переубежденный друзьями, начал переговоры с издательством Кларендон в Оксфорде об издании ее за собственный счет. Однако прежде он подготовил новый вариант рукописи, увеличив количество слов до тридцати пяти тысяч, и передал его Джону Теннилу, с которым познакомился через Тома Тэйлора, драматурга и в будущем редактора «Панча». Теннил к тому времени получил признание благодаря своим иллюстрациям к «Басням» Эзопа (1848), остроумная интерпретация которых положила начало его долговому, продолжавшемуся всю жизнь, сотрудничеству с «Панчем».

Сэр Джон Теннил умер в 1914 году в возрасте девяноста трех лет, создав две тысячи карикатур для «Панча», в их числе и рисунки, обличающие фабричную потогонную систему, и знаменитый «Списанный на берег лоцман» — по случаю отставки Бисмарка в 1890 году *. Но самый большой его дар грядущим поколениям — это бессмертные иллюстрации к двум книгам об Алисе. Такого единства слова с рисунком, как в творческом дуэте Кэрролл — Теннил, мир еще не видел. Для Теннила работа над «Алисой» оказалась самой неприятной за всю его долгую жизнь. Он согласился иллюстрировать первую книгу, поскольку в ней много зверушек, а Теннил любил рисовать зверей. И хотя успех «Алисы в Стране Чудес» значительно поднял его собственную репутацию, он долго не хотел браться за «Зазеркалье». Только самые настойчивые уговоры ее «деспота»-автора вынудили художника согласиться. Несмотря на это, Кэрролл признавался другому своему иллюстратору, художнику Гарри Ферниссе *, что из девяноста двух рисунков к «Алисе в Стране Чудес» ему нравился только один. Теннил же, по свидетельству Фернисса, говорил: «Доджсон не-

Собственные иллюстрации Кэрролла в рукописи оригинала дают нам более мягкий, мечтательный облик героини, чем образ, созданный Теннилом.

возможен! Этого зазнайку-ментора больше недели нельзя вытерпеть!»

Вот образчики его указаний Теннилу: «Убавьте кринолин у Алисы» — или: «У Белого Рыцаря не должно быть усов: не нужно, чтобы он выглядел стариком». Теннил наносил ответные удары и иногда не без успеха: «Шмель в парике — это за пределами искусства... Не сочтите за грубость, но, признаться, «шмелиная» глава меня несколько не привлекает, и я не вижу возможности ее иллюстрировать». Кэрролл убрал эту главу.

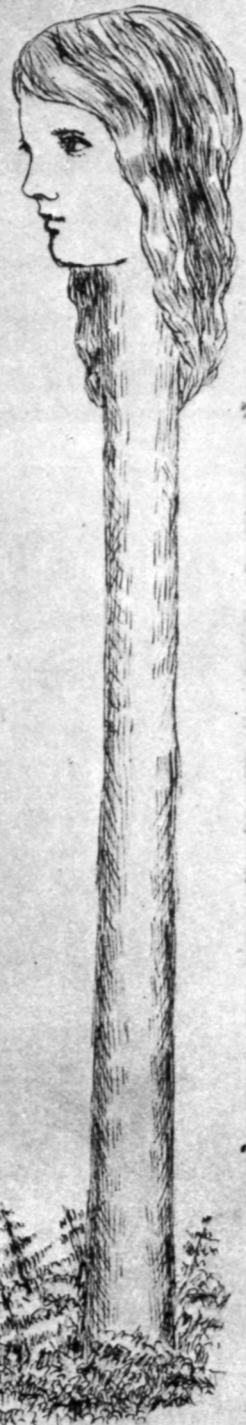
В мае 1864 года Кэрролл отправил Теннилу первую корректуру, и к тому времени, когда Макмиллан дал согласие выпустить книжку на комиссионных условиях, Теннил уже приступил к работе. Так было положено начало их взаимоотношениям, вежливо-непримиримым и взаимовыгодным. Чарлз Морган, историк издательской фирмы «Макмиллан», писал: «Свет не видел автора более дотошного в издательских вопросах, способного бесконечно испытывать терпение издателя». Кэрролл из своего кармана оплачивал собственную щепетильность и стремление к совершенству и потому вникал во все стороны издательского дела. Он «никогда не давал себя надолго забыть ни редактору, ни наборщику, ни переплетчику... Из него так и сыпались рукописи, хитроумные приспособления и новые заботы».

Даже упаковщики не избежали его внимания. Он прислал им схему: как перевязывать бечевкой стопки книг и какими

She was a good deal frightened by this very sudden change, but as she did not shrink any further, and had not dropped the top of the mushroom, she did not give up hope yet. There was hardly room to open her mouth, with her chin pressing against her foot, but she did it at last, and managed to bite off a little bit of the top of the mushroom.

* * * * *

"Come! my head's free at last!" said Alice in a tone of delight, which changed into alarm in another moment, when she found that her shoulders were nowhere to be seen: she looked down upon an immense length of neck, which seemed to rise like a stalk out of a sea of green leaves that lay far below her.

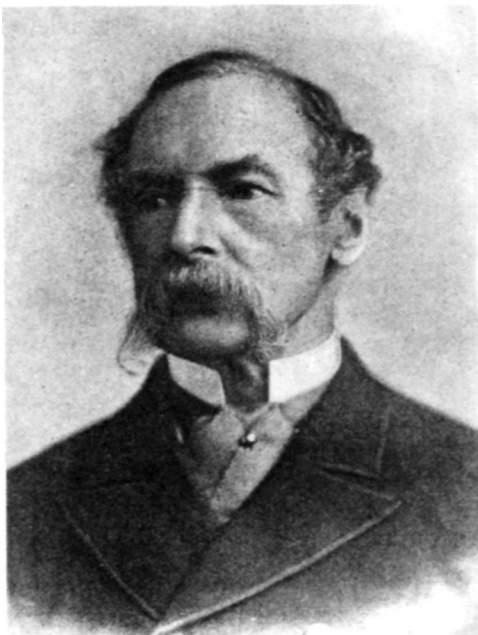

Герцогиня Теннила была, несомненно, подсказана ему портретом «Уродливая герцогиня» кисти фламандского художника Квинтена Массейса (1465—1530), находящимся в Национальной галерее в Лондоне.

узлами завязывать. Эта схема много лет висела в экспедиции у Макмилланов. Вскоре он стал относиться к своим издателям как к доверенным слугам. То и дело наезжая в Лондон, он поручал им доставать билеты в театр и при этом позаботиться, чтобы места были непременно справа от сцены, поскольку был глух на правое ухо. Они же должны были отряжать «надежного и решительного посыльного» за его часами, находящимися в починке.

В декабре 1864 года, вскоре после того, как он подарил Алисе Лидделл рукописный экземпляр (проданный в 1928 году за 15 тысяч 400 фунтов стерлингов)*, Кэрролл отправил Макмиллану корректуру своей книги. «Это единственный полный экземпляр, имеющийся у меня... Надеюсь, вы не сочтете его недостойным вашего внимания». Сотрудники Макмиллана, полагавшие, что имеют дело с недотепой-математиком в рясе, очень скоро поняли свою ошибку. В мае 1865 года они послали Кэрроллу сигнальный экземпляр, он его одобрил и выразил пожелание немедленно издать 2000 экземпляров для его юных друзей, которые «растут с непостижимой быстротой». 15 июля он явился в контору издателя, чтобы подписать десятка два дарственных экземпляров, и, казалось, ничто не предвещало грозы. Но спустя пять дней он явился снова, на этот раз с «письмом от Теннила по поводу сказки — его совершенно не удовлетворяло качество напечатанных иллюстраций, нужно, по-видимому, все переделать заново».

Джон Теннил (1820—1914), которого Кэрролл избрал в качестве иллюстратора книжек об Алисе, был хорошо известен еще до того, как они принесли ему славу. Маленькая Мэри Бэдкок стала моделью для Алисы по желанию Кэрролла, но в облике Белого Рыцаря нетрудно увидеть черты самого иллюстратора.

Разъезд публики после спектакля «Маленький король Пиппин» в лондонском музыкальном театре Друри-Лейн; картинка взята из номера «Иллюстрированных Лондонских новостей» от 6 января 1866 года. Кэрролл побывал здесь несколькими днями позднее, 17 января, в обществе троих детей из семейства Терри. «„Маленький король Пиппин“, — писал он, — прекраснейшее зрелище, какое мне доводилось видеть в пантомиме».

И переделали. В дневнике Кэрролл сообщает, что 2000 экземпляров, за которые он уплатил 135 фунтов, «будут проданы как макулатура». Он написал друзьям с просьбой вернуть экземпляры, которые уже успел подарить. Все они были безвозмездно переданы в больницы, и те, что уцелели, идут теперь по 5000 фунтов. Остальные 1952 несброшюрованных комплекта отправили в Соединенные Штаты. Их закупила фирма Эплтона в Нью-Йорке, переплела и пустила в продажу. А Кэрролл еще раз продемонстрировал, что американскую культуру он ни во что не ставит. В Англии новое издание, также подготовленное Макмилланом, было отпечатано в типографии Ричарда Клея. По правде сказать, жалобы Теннила на качество первых оттисков не имели достаточных оснований, да и Кэрролл проявил излишнюю привередливость, согласившись с ним, в чем можно убедиться, сравнив оба издания, хранящиеся в Британском музее.

Книгу приняли хорошо, но без особого шума. «Пэлл-Мэлл газетт» назвала ее «праздником для детей и торжеством бессмыслицы». «Атенеум» писал: «Это книга-сновидение, но разве можно хладнокровно сочинить сон?.. Нам представляется, что любой ребенок будет скорее озадачен, нежели очарован, этой надуманной, вычурной книгой». Напротив, Кристина

Россетти, из стана признательных друзей, благодарила его за «милую, веселую книжку».

Слава о книге распространялась из уст в уста, и имя Льюиса Кэрролла, впрочем не отождествляемое с преподавателем Доджсоном, скоро стало достопримечательностью викторианского быта. С 1865 по 1868 год «Алиса» ежегодно переиздавалась. За два года она принесла автору доход в 250 фунтов, помимо тех 350 фунтов, что покрыли расходы на издание, включая и расчеты с Теннилом. С 1869 по 1889 год книга издавалась 26 раз.

Королева Виктория, овдовевшая за четыре года до появления книги, несомненно, была в числе ее читателей. Уолтер де ла Мар * в 1932 году пишет со слов некой старой дамы, вспоминая, как в возрасте трех с половиной лет, еще не умея читать, та сидела у королевы и рассматривала картинки Теннила: «Увидев девочку, склонившуюся над книжкой и ничего не замечавшую вокруг, королева поинтересовалась, что это за книга. Девочка поднялась, принесла книгу и раскрыла на той странице, где уменьшившаяся в размерах Алиса купается в море собственных слез... Указывая на рисунок, малютка подняла глаза на королеву и спросила: „А Вы смогли бы столько заплакать?“» Старушка не помнила в точности ответа королевы, но в нем выражалась похвала автору. На следующий день специальный гонец из Виндзора доставил ему в дар медальон.

Ходил слух, что королеве очень понравилась «Алиса в Стране Чудес», она затребовала другие книги этого автора и получила не то «Сведения из теории детерминантов», не то «Элементарное руководство по теории детерминантов».

Слух укоренился настолько, что Кэрроллу пришлось уже в конце жизни опубликовать опровержение: «Пользуюсь случаем, чтобы публично выступить против сообщений в газетах о том, будто я преподнес некоторые свои книги в дар Ее величеству. Считаю необходимым заявить раз и навсегда, что они ложны от начала до конца, что ничего похожего никогда не было».

И все-таки легенда держалась даже среди исследователей жизни и творчества Кэрролла. В 1939 году Александр Уолкот утверждал: «И вот, когда «Алиса» вышла в свет и покорила ее (королевы) сердце, она милостиво предложила мистеру Доджсону посвятить ей свою следующую книгу...» Далее следовал уже известный анекдот о детерминантах.

«У меня возникла идея написать своего рода продолжение», — сообщал Кэрролл Макмиллану спустя несколько месяцев после выхода «Алисы в Стране Чудес», в то самое время, когда преподобный Ч. Л. Доджсон трудился над детерминантами. Он снова мечтал о книге с иллюстрациями.

Он не начинал писать, пока не переговорил с несколькими художниками и в конце концов не усадил за работу Теннила.

У «Зазеркалья» была уже другая Алиса. И точно так же, как с «золотым полуднем», сопутствующие ей обстоятельства впоследствии предстали в романтическом ореоле. Возможно, по ассоциации с зеркальным письмом в Крофте возникшая «идея» приняла форму визита в «дом за зеркалом», о чем он писал в декабре 1867 года. Как раз тогда в Лондоне, навещая дядюшку Скеффингтона, он познакомился с Алисой Теодорой Рейкс. Алиса жила по соседству и была дочерью друга семьи, депутата парламента Генри Сесила Рейкса, ставшего потом министром почт. Ей было в ту пору лет восемь, и она обычно играла в их общем саду, где и Кэрролл любил «вышагивать взад-вперед, заложив руки за спину». Сама впоследствии писательница, она вспоминала шестьдесят с лишним лет спустя:

«Однажды, услышав мое имя, он подозвал меня и сказал: «Значит, ты тоже Алиса. Это очень хорошо. Пойдем ко мне, я покажу тебе кое-что весьма загадочное». Мы пошли с ним в дом с такой же, как у нас, дверью в сад и попали в комнату, заставленную мебелью, с высоким зеркалом в углу. «Ну-ка, — сказал он, подавая мне апельсин, — в какой руке ты его держишь?» «В правой», — ответила я. «Теперь, — продолжал он, — походи к тому зеркалу и скажи, в какой руке держит апельсин девочка, которую ты там видишь». После некоторого размышления я ответила: «В левой». «Верно, — сказал он, — а как ты это объяснишь?» Объяснить я не могла, но что-то сказать надо было, и я решилась: «Если бы я была с той стороны зеркала, то, наверно, апельсин был бы у меня снова в правой руке, да?» Помню, он рассмеялся: „Молодец, Алиса. Твой ответ пока лучший“».

В январе 1871 года, получив от Клея корректуру «Зазеркалья», Кэрролл замечает: «Пожалуй, эта книжка стоила мне даже больших мучений, чем первая, и, стало быть, ни в чем не должна ей уступать».

Как водится, Кэрролл мучился не один. Еще за год до окончания работы над книгой он начал торопить Теннила с иллюстрациями. Тот со своей стороны небезуспешно придирался к тексту. Немало помучились и издатели. Один из первых вариантов титульного листа вызвал у Кэрролла такую реакцию: «Мой титульный лист пока не получил должного внимания — в типографии не слушаются моих указаний. Я хочу, чтобы заглавные буквы были ниже строки *почти на половину*. В исправленном экземпляре, который я вам выслал, А и F съехали еще ниже; остальные более или менее на месте.

Во-вторых, союз «и» должен быть посередине между строками, а не ближе к верхней (как у них).

В-третьих, все три строки названия должны быть расположены ниже на странице и ближе друг к другу.

В-четвертых, запятую и точку следует сдвинуть несколько вниз».

«Бармаглот», впервые заявивший о себе еще в 1855 году, теперь вымахал и потребовал к себе особого подхода: «Я хочу, чтобы две страницы были напечатаны «наоборот»... чтобы их читать с зеркалом». Он вознамерился набрать всего «Бармаглота» зеркально отраженным — сам Кэрролл владел этим искусством прекрасно, как свидетельствует факсимильное воспроизведение его письма к Эдит Болл. В итоге, как мы знаем, обратным шрифтом набрали только заголовки и первую строфу. Когда этот вопрос был решен, начались мучения с жутковатой иллюстрацией Теннила к «Бармаглоту». Во что это вылилось можно судить по следующему письму, которое было отпечатано в типографии и разослано (цитирую Коллингвуда) «примерно тридцати замужним приятельницам»:

«Посылаю вам с этим письмом оттиск предполагаемого фронтисписа к «Алисе в Зазеркалье». Мне дали понять, что чудовище слишком страшное и может напугать нервных и впечатлительных детей и что в любом случае следовало бы начать книгу более привлекательным образом.

Посему я предлагаю решить этот вопрос моим друзьям, для чего заказал оттиски фронтисписа.

Перед нами три пути:

- 1) Оставить эту иллюстрацию в качестве фронтисписа.
- 2) Перенести ее в соответствующее место в книге (где напечатана баллада, которую она иллюстрирует), а фронтиспис дать другой.
- 3) Вовсе отказаться от нее.

Выбрать последнее решение значит пожертвовать огромным трудом, затраченным на иллюстрацию, и делать этого без достаточной необходимости не хотелось бы.

Я буду благодарен, если вы выскажете свое мнение (его можно проверить, показав картинку детям, по вашему усмотрению), какой путь следует избрать».

Женщины и дети высказались за то, чтобы убрать Бармаглота с фронтисписа, но в книжке оставить; этот единственный в своем роде случай читательского соучастия в творчестве раскрывает нам еще одну особенность личности Кэрролла — его стремление к совершенству и доверие к читателю.

В декабре 1871 года издательство Макмиллана выпустило 9 тысяч экземпляров книги и вынуждено было сразу же заказать второй завод — еще 6 тысяч. 8 декабря Кэрролл разослал друзьям сто дарственных экземпляров в коленкором переплете. Теннисон удостоился сафьянового.

Автору удалось достичь почти невозможного: вторая книга об Алисе заняла место рядом с первой, закрепив его высокую

Nov. 2, 1933

My dear Edith,
 I am very glad to hear
 from you and I hope I
 have not been too long
 without writing to you.
 I have been very busy
 since you left for the
 school. I am glad to hear
 that you are well and
 hope you will have a
 very successful year.
 I am sure you will
 find the work very
 interesting and I hope
 you will have a very
 good time.

Кэрролл опасался, что жутковатая фантастичность «Зазеркалья» может напугать его маленьких читателей. В «зеркальном письме» одному из маленьких друзей Кэрролл обещает новую книжку, «но не прямо сейчас»; тогда же, после устроенного Кэрроллом опроса мнений читателей, иллюстрация Бармаглота была снята с фронтисписа.

репутацию. Успех пришел незамедлительно и «кому-нибудь другому вскружил бы голову», замечает Коллингвуд. Генри Кингсли * писал: «С чистой совестью и в здравом уме утверждаю, что ваша новая книга — лучшее, что у нас было со времен «Мартина Чезлвита». «Атенеум», замаливая старый грех, назвал новую книгу «...источником радости для детворы всех возрастов».

Для Теннила эта книга оказалась прощальной. «Странное дело, — писал он позднее, — после «Зазеркалья» я совершенно утратил способность рисовать книжные иллюстрации и, несмотря на самые соблазнительные предложения, ничего с тех пор не делал в этом жанре».

А фантазия творца Бармаглота не оскудевала — вариацией на эту тему стала «Охота на Снарка»: место действия «Снарка», по словам Кэрролла, — «остров, который часто посещали Джубджуб и Брандашмыг, несомненно, тот самый, где был убит Бармаглот».

Должно быть, ни одну поэму не разбирали столь часто, как эту. Но столь велики ее достоинства, что никакой анализ не в силах ей повредить — она не утрачивает ни увлекательности, ни очарования цельности и толкует решительно обо всем на свете. В свое время он рассказал о «золотом полудне», подарившем миру первую книгу об Алисе, — теперь восхищенной публике сообщались обстоятельства появления на свет «Снарка»:

«Как-то летним солнечным днем я бродил в одиночестве по холмам, и вдруг мне в голову залетела одна-единственная стихотворная строка: «Потому что Буджумом был Снарк». Я не понимал ее смысла — да и теперь не понимаю, — но я записал ее. А спустя некоторое время возникла строфа, в которой та строчка оказалась последней. И постепенно, в самые неожиданные моменты, в течение года или двух, по отдельным строчкам сложилась вся поэма, в которой та строфа стала последней». Достопамятная прогулка состоялась июльским днем 1874 года в Гилдфорде. С тех пор по его предполагаемому маршруту совершаются паломничества. Он превратил в литературную легенду один из тех моментов вдохновения, что у каждого поэта предшествуют рождению нового стихотворения — но не каждый столь подробно в них отчитывается.

Покуда поэма «складывалась по отдельным строкам», Кэрролл уже задумывался об иллюстрациях, которые он неизменно считал *sine qua non*¹. На этот раз он выбрал Генри Холидея, известного живописца, скульптора, автора церковных витражей (его репродукции к «Данте и Беатриче» пользовались громадным успехом). Познакомились они четыре года назад в Оксфорде, где Холидей расписывал церковный фриз, а в январе того года, когда писался «Снарк», Кэрролл навестил художника дома, в Хэмпстеде. Холидей «показал рисунки, которые делает для меня (наброски композиций с двумя обнаженными детьми — для моих фотографий с натуры), они оказались превосходными».

Запись на следующий день: «Поделился с Холидеем мыслью, подсказанной его рисунками: что он мог бы проиллюстрировать мою детскую книгу. Если бы еще его манере был присущ гротеск — о лучшем не пришлось бы и мечтать: изящество и красота его рисунков вполне могут, по-моему, соперничать с искусством Теннила».

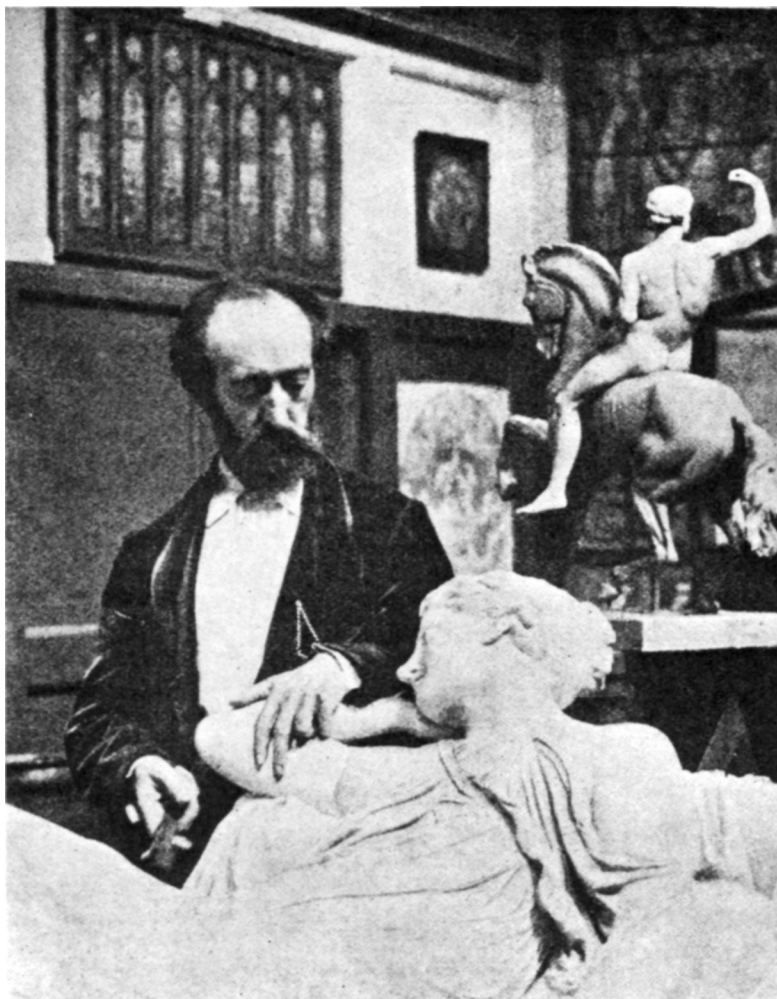
Написав три «приступа» «Снарка», рассказывает Холидей,

В иллюстрациях к «Снарку» точно схвачен дух произведения. Способность Кэрролла подбирать себе иллюстраторов была почти равна его собственному таланту.

¹ *Sine qua non* (лат.) — здесь: необходимым условием.

Генри Холидей, которого Кэрролл пригласил иллюстрировать «Снарка», был хорошо известен своей росписью и скульптурой для церквей. Его Буджум был отвергнут писателем на том основании, что, будучи невообразимым, Буджум не может быть изображен.

Кэрролл «предложил мне нарисовать к ним иллюстрации, объяснив, что со временем их можно будет дать в книге, которую он задумал, но, поскольку последняя выйдет не скоро, он предполагает для начала напечатать часть поэмы для узкого круга друзей. Пока я возился с этими иллюстрациями, он прислал четвертый «приступ», прося сделать и к нему рисунок; вскоре последовал пятый с той же просьбой, за ним шестой, седьмой и восьмой. Он не был тогда занят никакой другой работой и поэтому его воображение не знало удержу; наконец «мучение» намного превзошло первоначальный замысел, и мистер Доджсон решил поставить точку и напечатать поэму как есть...».

Холидей «ничтоже сумняшеся сотворил собственного

Буджума» и, гордясь собой, рискнул показать его автору. Однако Кэрролл в принципе отклонил всякую попытку изобразить Буджума. Он объяснил Холидею, что Буджум невообразим и таковым должен остаться. Творение Холидея он назвал «восхитительным чудищем», но забраковал без колебаний. Холидей сохранил рисунок и позднее продал Фокнеру Мэдану, соредактору «Справочника по Льюису Кэрроллу». Читавшему поэму достаточно взглянуть на рисунок, чтобы убедиться в правоте Кэрролла. Это лишнее свидетельство тому, что как истинный поэт Кэрролл нуждался в иллюстраторе, а не в истолкователе. Он вообще избегал каких бы то ни было толкований своей поэмы — философских, социологических, религиозных, политических. Интеллектуал, математик, сочинитель ребусов, он мог бы и сам предложить ее толкование, однако он утверждал: эта поэма — «бессмыслица», нонсенс. Все его знания, убеждения и сомнения воплотились в этой «бессмыслице», в художественной реальности, созданной в минуту вдохновения, и прежде не баловавшего его своими посещениями, а тогда явившегося, пожалуй, в последний раз.

И эта поэма, как водится, была вдохновлена дружбой с «маленькой босоногой девчонкой в матросской фуфайке, прибежавшей ко мне в дом прямо с моря». Ее звали Гертруда Чаттэвей.

Кэрролл жил в местечке Сэндаун на острове Уайт, когда восьмилетняя Гертруда, отдохавшая там же с родителями, обратила на него внимание: «По соседству жил пожилой господин — мне он, по крайней мере, казался пожилым, — и он чрезвычайно заинтересовал меня. Бывало, он выходил на балкон, примыкавший к нашему, и, откинув голову, принимался к морскому воздуху, потом сходил по ступенькам к пляжу, все так же задрав подбородок и вдыхая свежий ветерок, словно не мог насытиться. Не знаю, почему это возбуждало во мне такое острое любопытство, но прекрасно помню, что стоило мне услышать его шаги, как я неслась вон, чтобы увидеть его, а когда он однажды заговорил со мной, моему счастью не было предела.

Так мы подружились, и скоро я знала его дом не хуже своего.

Как все дети, я любила сказки и чудеса, и его дар рассказчика, естественно, завораживал меня. Мы часами просиживали на деревянных ступеньках, ведущих от нашего сада к пляжу, и он рассказывал мне прелестнейшие сказки, попутно рисуя карандашом картинки к самым интересным местам».

В то лето — еще одно золотое лето — Гертруда произвела на Кэрролла столь сильное впечатление, что он посвятил ей «Охоту на Снарка» и к концу первого месяца их знакомства сочинил акростих.

*Милой Девочке: на память о золотых летних часах
и о тихих разговорах за чаепитьем.*

*Глядит, как мальчуган, готовая бежать
Еще резвей. Но миг — и, замирая,
Рассказ мой слушает; мне сладко продолжать,
Такому другу угождая.*

*Раздора скорбный дух, смятенье и тщета,
Уместны ли вы здесь? Волшебное мгновенье
Для ваших грубых глаз — безумье, пустота,
А не живое наслажденье.*

*Чудесной болтовней займи меня, дитя.
Ах, что разумнее, чем лепет немудреный!
Тот счастлив, на кого, болтая и шутя,
Ты взгляд уронишь благосклонный.*

*Эй, легкие мечты! Ступайте прочь: со мной
Вам делать нечего. Но и в ночи унылой
Еще в глазах моих стоит, как рай земной,
И летний день, и облик милый.*

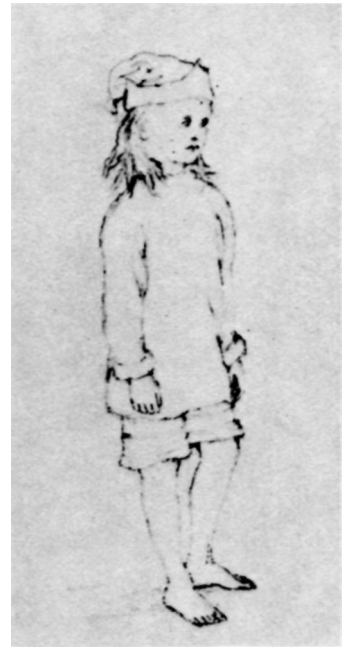
Перевод О. Седаковой

Экземпляр этого стихотворения Кэрролл послал матери Гертруды, прося разрешения опубликовать его. Та ответила согласием, даже не разобравшись, что это акrostих. Он раскрыл секрет, надеясь, что она не передумает, и добавил: «Я никому не скажу, что это акrostих, но кто-нибудь наверняка догадается».

До выхода книги оставались считанные месяцы, а страданиям Холидея не видно было конца. Его эскиз обложки был отвергнут. «В ней прекрасно смотрелся бы томик стихов для взрослых эстетов, — писал Кэрролл издателю. — Но *моя* книга предназначена для детей».

А через три дня Кэрролл внес неоценимый вклад в книгоиздательское дело. Книга в то время выходила из типографии в обертке из простой бумаги. Кэрролл распорядился, чтобы на корешке и на лицевой стороне обертки были напечатаны ее название и имя автора. «Их нужно напечатать на обертке, — наставлял он издателей, — тогда книгу не надо будет вынимать из чехла и она не будет пачкаться, сохранит свежий вид». Иными словами, Кэрролл «изобрел» современную суперобложку.

Выпуск в свет «Охоты на Снарка» он хотел подгадать к 1 апреля 1876 года — «самому подходящему дню для ее появления, правда»? Книга вышла несколькими днями раньше,

Гертруда Чаттэвей, приятельница Кэрролла в Сэндауне в то лето, когда писался «Снарк» (1875). Рисунок Л. Кэрролла.

оставив критику равнодушной, хотя общий тираж «Алисы в Стране Чудес» насчитывал к тому времени 49 тысяч экземпляров, а тираж «Алисы в Зазеркалье» подбирался к 38 тысячам. В день ее выхода Кэрролл просидел шесть часов в конторе издательства, надписывая восемьдесят дарственных экземпляров. Он трудился не разгибая спины, потому что некоторые надписи сделаны акростихами. «Когда ты прочтешь «Снарка», — писал он одной девочке, — то, надеюсь, напишешь мне, как он тебе понравился и все ли было понятно. Некоторые дети в нем так и не разобрались. Ты, конечно, знаешь, кто такой Снарк? Если знаешь, то скажи *мне*, потому что я не имею о нем никакого представления. И напиши, какие картинки тебе больше всего понравились».

У Кэрролла было отличное коммерческое чутье. В начале следующего года он писал издателям: «Как расходился «Снарк» на рождество? Мне кажется, это более верный показатель, чем продажа книги сразу по выходе. Не знаю, что и думать: успех это или провал? Некоторые утверждают, что детям книга нравится...» В течение последующих шести лет книга разошлась в 18 тысячах экземплярах, а к 1908 году выдержала 17 изданий.

Год публикации «Снарка» был отдан не одной лишь деловой переписке с издателями: Кэрролл «написал изрядное количество страниц» о символической логике, потратив слишком много дорогого времени на эту малозначительную работу, ибо, увы, он не был великим математиком. Зато в письмах Гертруде его перо выкидывало озорные колена:

«Ты расстроишься, удивишься и не поверишь, узнав, какой странный недуг сразил меня после твоего отъезда. Я позвал врача и сказал ему: «Я устал, дайте мне какое-нибудь лекарство». Он ответил: «Чепуха и чушь! Вам не нужно никакого лекарства, ступайте спать!» Я говорю: «Нет, это не такая усталость, что можно отоспаться. Я устал лицом». Он помрачнел и сказал: «Значит, у вас устал *нос*. Это бывает, когда слишком *носятся* со своими идеями». Я говорю: «Нет, дело не в носе. Может быть, уши?» Тут он еще больше помрачнел и сказал: «Теперь все ясно: как же вы без слуха садитесь за фортепьяно?» Я говорю: «Я никуда не садился, и в общем-то это не уши, это ближе к носу и подбородку». Он опять очень помрачнел и сказал: «Может, вы просто перегуляли свой подбородок?» Я говорю: «Нет!» — «Да, — говорит он, — очень странно. А вы не думаете, что это губы?» — «Ну конечно! — отвечаю я. — Конечно, это губы!» Он стал совсем мрачным и сказал: «Боюсь, вы не скупались на поцелуи». Я говорю: «Вообще-то я поцеловал *один* раз девочку, мою маленькую приятельницу». — «Напрягите память, — сказал он, — вы уверены, что только *один* раз?» Я напряг память и ответил: «Может быть, *одиннадцать*». Тогда врач сказал: «Вам следует сделать перерыв, пока ваши губы

Постановка «Алисы»
в театре принца Уэльского
в декабре 1886 года.
Главную роль исполняла
Феба Карло, юная актриса,
с успехом выступавшая на
сцене, маленькая
приятельница Кэрролла.

не отдохнут». Я говорю: «Как же быть? Ведь я задолжал ей 182 поцелуя». Врач стал мрачный, как туча, слезы потекли у него по щекам, и он сказал: «Можно послать их почтой, в коробке». Тут я вспомнил про коробочку, которую в один прекрасный день купил в Дувре и собирался подарить какой-нибудь маленькой девочке. Туда я их очень аккуратно и сложил. Сообщи, все ли дошли до тебя, не потерялись ли по дороге?»

Гертруда принадлежала к числу тех немногих маленьких друзей Кэрролла, которые и в зрелом возрасте сохранили его привязанность, чего не скажешь, например, об Алисе Лидделл. В декабре 1891 года пятидесятидевятилетний Кэрролл пишет в дневнике: «Поскольку миссис Харгривс, первая «Али-

са», гостит сейчас у отца, я пригласил ее к себе на чай. Она не смогла прийти, но оказала мне честь, ненадолго заглянув днем вместе с Родой». И совершенно иной тон в письме Гертруде, несколько дней спустя:

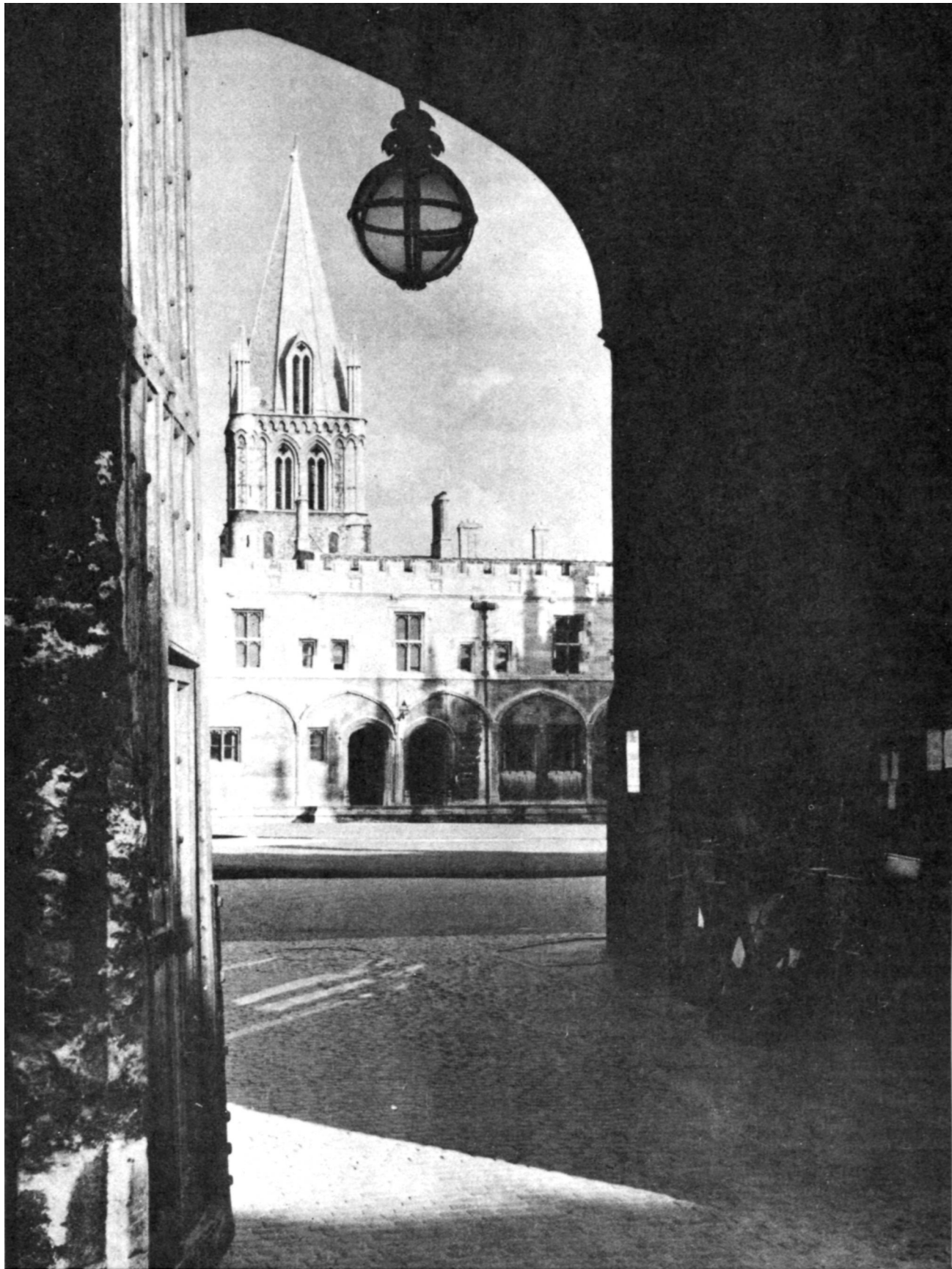
«Мой дорогой старый друг! (Стара дружба, но не стареет дитя.) Желаю счастливого Нового года и много-много счастья в будущем тебе и твоим близким. Однако прежде всего — тебе: тебя я знаю лучше и больше люблю. Я молюсь о твоём счастье, милое дитя, в этот радостный Новый год и на многие грядущие годы».

Итак, ни многочисленные новые маленькие друзья, ни горы исписанной бумаги не заслонили очаровательной Гертруды. После «Охоты на Снарка» он почти не сочинял стихов, да и вообще не написал ничего значительного. «Снарк» и обе книги об Алисе выявили истинную природу его гения. Вместе со славой, которую он и вкушал-то своеобразно, пришло тревожное предчувствие, знакомое многим поэтам: что он не сможет более переступить ту волшебную черту, за которой истина не связана здравым смыслом.

Трижды переступал он эту черту, и при этом ничто не обещало, что этот человек ступает на дорогу гения. Автор книг, прославивших его на весь мир, вел очень организованную жизнь, где всему было свое место — работе, досугу, дружбе с детьми. Его интересовало решительно все на свете, но он неизменно оставался в тех сословных и профессиональных рамках, которыми добровольно себя ограничил. Он был счастлив — если дела складывались ему на руку. «Кажется, он никогда не смеялся, — писала его бывшая приятельница Этель Рауэл, — хотя свойственная ему чуть кривоватая улыбка, загадочная, нежная и ироничная, то и дело мелькала на его лице». Он никогда сам не нуждался в деньгах, а литературные гонорары позволяли ему щедро помогать сестрам.

Все сорок семь лет, прожитых в Оксфорде под опекой заботливой прислуги, Кэрролл не испытывал бытовых неудобств. Меню каждого обеда с друзьями записывалось и хранилось, чтобы не попотчевать гостя дважды одним и тем же блюдом, хотя сам Кэрролл был скромн в еде. Где бы ему ни случалось быть, на второй завтрак он ограничивался бисквитом и рюмкой вина, У себя же он был хлебосольный хозяин. Вот, например, запись от 12 марта 1874 года: «Обедали ввосемьмером. Вечер, по-моему, прошел удачно. Сначала посидели в маленькой комнате, обедали в большой, потом вернулись в маленькую для десерта, а большую тем временем слуги превращали в гостиную. Видимо, в таком порядке всего удобнее принимать гостей в моей квартире». После одного из таких обедов в мае 1871 года Кэрролл сообщил Макмиллану, что изобрел специальную табличку, которая указывала каждому гостю

Надежный покой
оксфордской жизни: вид
через главные ворота на
колледж Крайст-Черч.

Декан Лидделл и профессор Бенджамин Джоуит — два самых крепких орешка¹ в университете. Шарж «Душа и плоть» (ок. 1865 г.) художника С. Холла посвящен разногласиям из-за жалованья, получаемого Джоуитом в качестве профессора греческого языка. Отношения декана и Кэрролла, и без того часто натянутые, окончательно испортились в 1870-х годах, когда писатель иронически отнесся к планам «архитектурных усовершенствований» в колледже, которые вынашивал декан.

его место за столом и кому какую даму сопровождать в столовую.

Принимая жизнь со всеми ее мелочами, Кэрролл вместе с тем был законченный эгоцентрист. Это вовсе не исключало ни его доброты, ни щедрости по отношению к другим, но он не проявлял рвения в делах, которые были ему безразличны либо диктовались чувством долга. Он жил заботами колледжа, иногда даже роптал: осенний семестр 1864 года, отмечает он в дневнике, был «напряженным, как никогда». Он вежливо пикировался с властным деканом Лидделлом. В 1870-е годы открыто выступил против декана, высмеяв затеянные перестройки и новации в колледже. Кэрролл написал против Лидделла три сатирических памфлета, вызвавших злорадное веселье в кругу профессуры.

Кэрролл всегда сохранял связи с коллегами и оставался в центре университетских событий, но преподавание оставил, как только успех «Алисы» обеспечил ему необходимый достаток. В 1880 году ему на 100 фунтов уменьшили жалованье по

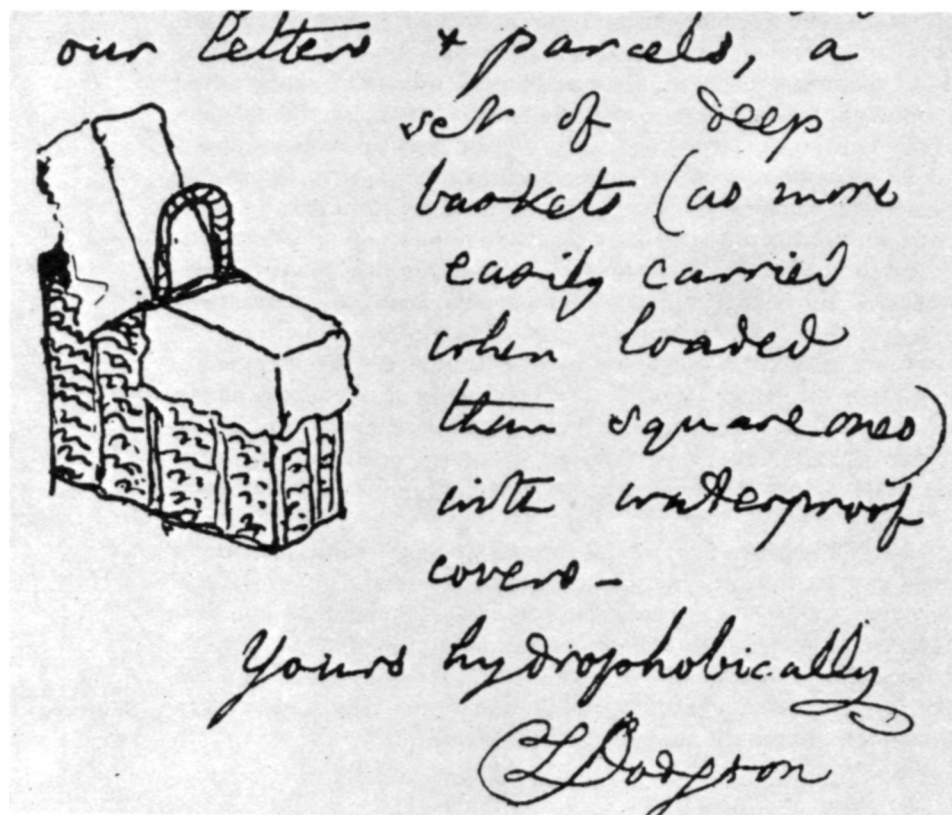
его желанию, а на следующий год он прекратил чтение лекций, оставив потомкам такую благочестивую запись: «Отныне я буду располагать всем своим временем, и если Господу будет угодно продлить мои дни, послать здоровье и силы, то, надеюсь, смогу совершить нечто полезное с помощью моего пера — отчасти на поприще обучения математике, отчасти придумывая невинные развлечения для детей, отчасти же (хоть я и не достоин того, чтоб мне было позволено взяться за такую работу) на поприще религиозной мысли. Да благословит Господь эту новую жизнь, что лежит передо мной, и да поможет употребить ее во исполнение его святой воли!»

Свою работу он, в сущности, не любил, да и студентов тоже. В печати он часто отзывался о них нелестно. Современники Кэрролла нередко осуждали и его славу писателя-сказочника, и его дружбу с детьми. Он неустанно трудился, но так и не смог добиться успехов на поприще обучения математике.

Не прошло и года, как Кэрролл оставил преподавание, а он уже занимал новую должность, несхожую с его прежней, но довольно обременительную, — должность куратора профессорской комнаты. Он взялся за эту работу не из каких-либо моральных побуждений: «Она заставит меня вылезать из моей скорлупы, а это только к лучшему. Не то я начинаю жить как затворник, занятый только самим собой».

Оксфорд: центральная Хай-стрит, какой ее видел Кэрролл.

Нарисованная Кэрролом корзина улучшенной конструкции для почтовых рассыльных в колледже. В качестве смотрителя профессорской комнаты отдыха Кэрролл нередко своей дотошностью доставлял мучения окружающим.

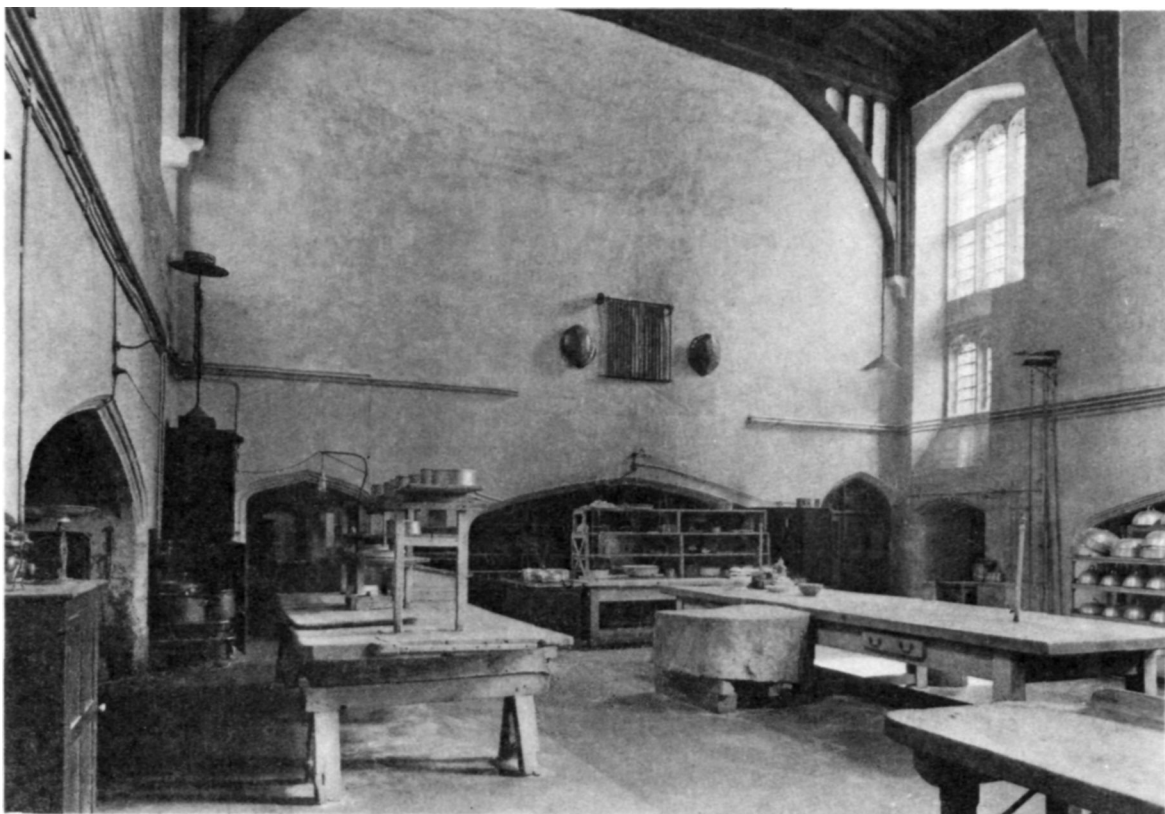
И целых десять лет он командовал винным погребом, слугами, отвечал за продовольственные припасы и запасы топлива и не в последнюю очередь следил за настроениями и времяпрепровождением членов «этого большого и богатого клуба», как он однажды выразился. Он не давал спуска коллегам, а прислуге и повару устраивал разносы, корректно и не без юмора: «Цветную капусту присылают всякий раз недоваренной, только верхки достаточно мягки. Повар, однако, как будто уверен, что никто не ест капусту целиком, и объясняет: если варить капусту до тех пор, пока она вся не станет мягкой, то верхки совсем разварятся. Я знаю одно: везде, кроме нашего заведения, эти прекрасные овощи подаются в таком виде, что они полностью съедобны, здесь же в них съедобны только 5%, и те совершенно безвкусны».

Холостяцкий образ жизни позволял Кэрроллу устраивать жизнь по своему вкусу, не страдая ни от общества, ни от одиночества. «Раздеваясь, придумал способ (который на другой же день сформулировал) находить углы по различным синусам и косинусам», — записал он в ноябре 1875 года, рисуя типичную картину ничем не нарушаемого ночного покоя.

А в 1891 году грянула беда. Его одиночество нарушили, и эконо­му было направлено следующее послание: «В субботу утром, едва я проснулся, к окну моей спальни приставили лестницу и по ней взобрался рабочий с намерением вымыть окно. Не желая совершать туалет при посторонних, я приказал ему спуститься, сказав: «*Сейчас* это окно мыть не надо», — я, разумеется, имел в виду, что он подождет мыть *это* окно, пока я оденусь. И вместо того чтобы передвинуть лестницу к другим окнам (в моей маленькой гостиной), мойщики ушли совсем. Таким образом, окно в спальне, два окна в гостиной и окно в кладовой до сих пор остаются невымытыми. Их можно мыть в любое время, в моем присутствии или без меня, но только не тогда, когда я одеваюсь».

Своему коллеге, профессору Йорку Пауэллу, Кэрролл жаловался: слишком коротки дни! Пауэлл, как и многие другие, отмечал огромную работоспособность Кэрролла и с теплым чувством вспоминал его «отзывчивость, строгость жизни, самоотверженную любовь к малышам, чью волю он всегда послушно исполнял, ответственное отношение к любой обязан-

Кухня в Крайст-Черч.
Будучи равнодушным к еде, Кэрролл тем не менее беспощадно тиранил поваров ради того, чтобы на должном уровне держать кулинарное дело в колледже.

Генри Лиддон (1829—1890), спутник Кэрролла во время его единственной поездки за границу, в Россию (1867).

Взморье, куда Кэрролл ездил ежегодно на протяжении большей части жизни, предоставляло ему многочисленные случаи рисовать и развлекать маленьких девочек. В последние двадцать лет жизни он предпочитал Истборн. «Когда люди устают от жизни, — писал Кэрролл, — они бросаются к морю, желая испытать на себе действие купальных кабинок».

ности, возложенной на него, снисходительность к младшим коллегам, не знавшим, либо не желавшим знать правил, учрежденных для профессорской комнаты, редкую скромность и природную доброту, уберегавшую его от малейшего налета высокомерия и делавшую его необычайно обходительным со всеми, независимо от их положения, с кем его сводила размеренная университетская жизнь. С этой стороны его мало знали, и таким его помнят только коллеги и товарищи. Доджсон и Лиддон превратили профессорскую в приют, где усталые труженики науки находили безобидное веселье и острую, но добрую шутку».

Генри Лиддона, коллегу Кэрролла, впоследствии каноника собора Св. Павла в Лондоне, связывала с ним дружба, длившаяся всю жизнь. Только по одному вопросу у них не было взаимопонимания: «Я ни разу не был в театре с тех пор, как принял сан, — заявлял Лиддон, — и не намерен появляться там до конца дней своих». С этим достойным человеком Кэрролл в возрасте тридцати пяти лет отправился в свою единственную заграничную поездку, «...мы выбрали Москву! Отчаянная мысль для человека, ни разу не покидавшего Англии», — писал он в июле 1867 года.

Путешествие длилось два месяца. Кэрролл прослезился перед красотой Кёльнского собора, детские игровые площадки в Дрездене нашел «соблазнительными для фотографического аппарата». В России он помогал Лиддону в его неофициальной посреднической миссии между англиканской церковью и русской православной. Оба путешественника вели дневники. Наиболее сильные чувства Кэрролл испытал уже на обратном пути, на палубе парохода, пересекавшего пролив, когда его взору предстал Дувр «и милая отчизна словно раскрывала объятия, принимая своих спешащих домой детей». Само путешествие, по-видимому, не оставило особенного впечатления, в последующие годы он почти не вспоминал о нем.

Кэрролл часто совершал непродолжительные поездки — не в ущерб своим привычкам и университетским занятиям. В дорогу он неизменно брал с собой справочник Брэдшо. Имя его тем временем гуляло по всему свету.

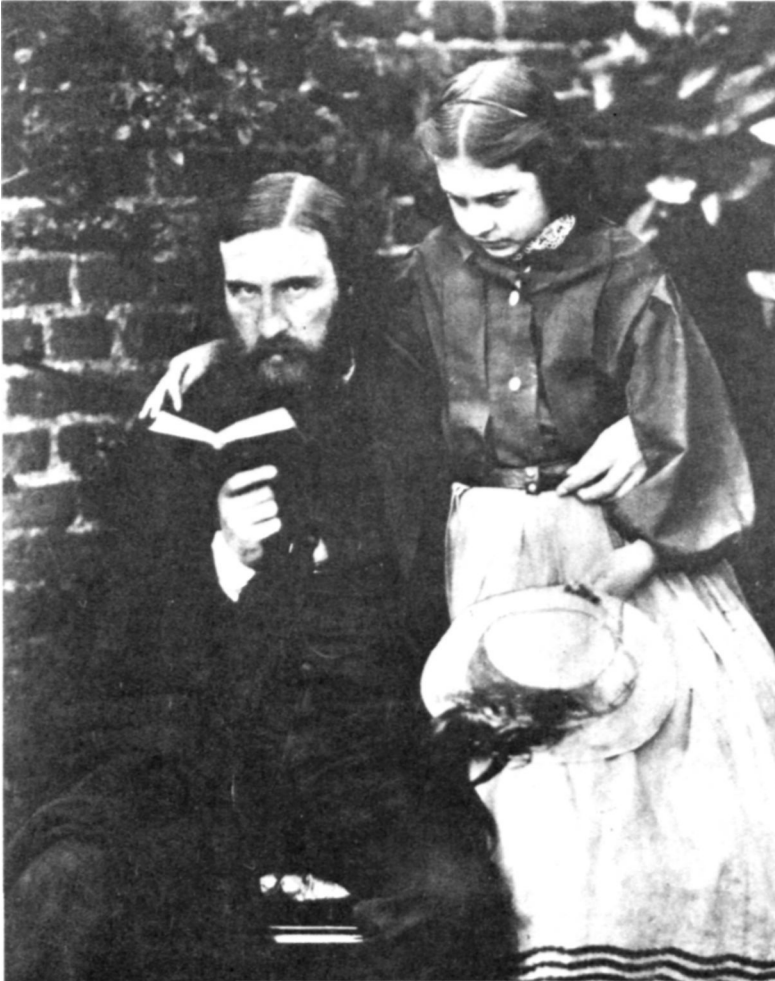
В 1868 году он в последний раз проезжал Крофт по Большой северной железной дороге. Годом раньше скоропостижно скончался его отец, и семья покинула ректорский дом, где было прожито 25 лет. Чарлз взял на себя обязанности главы семьи и перевез своих шестерых незамужних сестер в Гилдфорд, в просторный краснокирпичный дом под названием «Каштаны». С тех пор он неизменно останавливался здесь во время своих поездок. До конца жизни Кэрролл считал этот дом своим семейным гнездом, здесь он проводил рождество с сестрами и здесь же на их руках умер.

Знаменитости и дети — эти две темы Кэрролла-фотографа сочетаются в портретах художника Артура Хьюза с дочерью Агнесой и писателя Джорджа Макдональда с Лили Макдональд.

На летние каникулы Кэрролл уезжал к морю. Он никогда не купался, он сочинял, совершал далекие прогулки, заводил дружбу с малышами. В 1873—1876 годах он ездил в Сэндаун на острове Уайт. Более длительной была привязанность к Истборну — он наезжал туда с 1877 года до самой смерти. Он писал 31 июля 1877 года: «Поселился на новой квартире в доме 7 по Лашингтон-роуд, где в моем распоряжении небольшая гостиная на втором этаже, с балконом, и примыкающая к ней спальня. Хозяева — мистер и миссис Дайер. Он служит на здешней почте». В течение 20 лет Кэрролл приезжал сюда летом и за два года до смерти сменил адрес вместе с Дайерами, когда те переехали в другой дом, дальше от моря. О его пребывании здесь напоминают мемориальная доска на доме по Лашингтон-роуд и любопытная конторка для работы

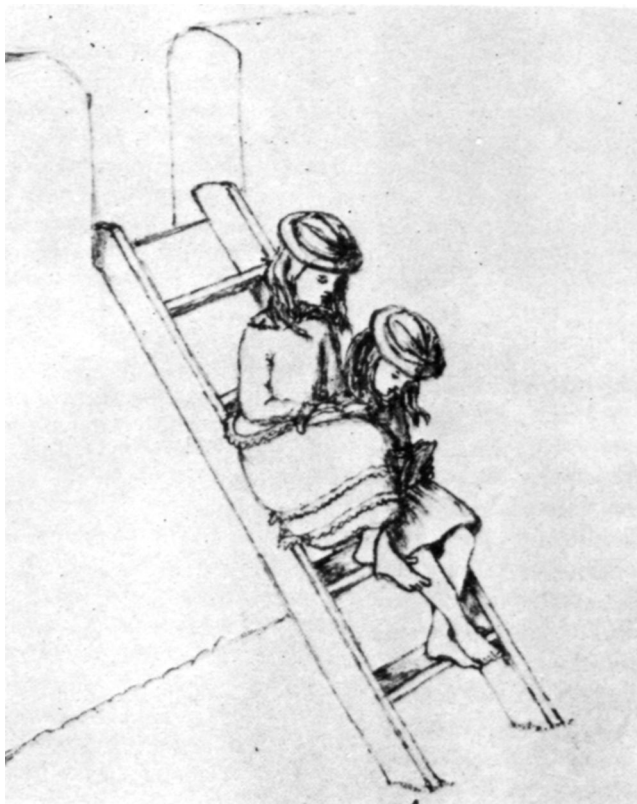
лежа, сделанная специально для Кэрролла кем-то из Дайеров и теперь находящаяся в собственности одного из их потомков.

В купе или на прогулке Кэрролл всегда имел под рукой игры-головоломки для развлечения своих маленьких приятельниц, а на пляж прихватывал булавки, чтобы малышки могли подколоть юбочки, иногда весьма пышные, когда им захочется пошлепать босиком по воде. Предварительно он по всей форме знакомился с родителями или воспитателями. Вскоре после своего приезда к Дайерам он пишет: «Кажется, я мог бы, если бы захотел, каждый день заводить дружбу сразу с несколькими прелестными детьми. Сегодня утром к списку прибавился мистер Гулл (он служит в Темпле) с женой и детьми (4 девочки: Алиса, Агнеса, Эвелина и Джесси)...»

«Список» — это сказано не ради красного словца. Сорокапятилетний священник, работавший над брошюрой об Евклиде, самым серьезным образом записывает в дневник 27 сентября 1877 года: «В этот приезд на море я, как никогда прежде, подружился со столькими детьми! Вот список: Минни, Луи, Эдит, Энни и Люси Уодди; Марджи, Рут, Дора, Элен, Мод Даймс; Эдит Блэкмор; Виолетта Вудеруф; Мейбл Бертон; Эмили, Виолетта Гордон; Роза Уичер; Алиса, Агнеса, Эвелина, Джесси Гулл; Грейс, Мод, Нелли Белл; Агнеса, Грацилия Смит. И это еще не все...»

Хотя этот обаятельный, чудаковатый, знаменитый человек доставлял множеству детишек радость, баловал их и забавлял, отбирал он своих друзей весьма тщательно: живых, с привлекательной внешностью и обязательно своего круга. Он в первую очередь стремился угодить самому себе. Он не видел ничего зазорного в том, чтобы на время забирать детей у родителей.

Только законченный эгоцентрист, при всем его благочестии, мог в такой степени домогаться детского общества. По

На пляже босиком:
две маленькие приятельницы
Кэрролла, нарисованные
им в Сэндауне летом
1874 года.

масштабам (в границах своего, разумеется, круга) и неиссякаемости чувства (до самой смерти) Кэрролл может сравниться разве только с Дон Жуаном. Детские годы в Дэрсбери, годы возмужания в Крофте, чистейшая суть детства и юности — все это было живо в нем и на седьмом десятке, это был чудесный и невинный мир, которому он не давал в себе заглохнуть.

Он вел себя крайне осторожно, величал себя «старым холостяком», но время от времени увлечения грозили перерасти в более глубокое чувство. Агнеса Гулл, которую он встретил в Истборне и внес в свой список, стала «дорогой Агги» и начала получать письма вроде этого: «Увы, я прекрасно понимаю, что ты сейчас подумаешь: «Отчего он не поймет *намек*? Разве не понятно из моего последнего письма, что я чувствую к нему охлаждение?» Конечно, понятно. Но разве от этого должна охладеть *моя* привязанность? Обращаюсь к тебе, как к рассудительной молодой особе, которая начинает день, препираясь с Алисой (сестра Агги), и потому прекрасно владеет логикой: имею я право питать привязанность, если мне этого хочется? Несомненно, имею, как и ты имеешь право не питать привязанности, если таково твое желание. И конечно, не надо в письмах обещать чуть больше, чем чувствуешь на самом деле: истина превыше всего! (Твое здоровье! Маленький

«Кси» Кичин, дочь одного из старейших его друзей. Чтобы достичь совершенства в фотографии, достаточно было, по словам Кэрролла, «взять аппарат и посадить перед ним Кси».

Эллен Терри, знаменитая актриса и на протяжении долгих лет чуткий друг Кэрролла, писала: «Он любил меня настолько, насколько вообще мог любить кого бы то ни было взрослого». Во время ее дебюта, в возрасте восьми лет, в 1856 году, когда Кэрролл впервые увидел Эллен. Портрет Эллен, написанный ее первым мужем, Дж. Ф. Уотсом (1864). Эллен была «превосходной» Офелией в 1879 году.

перерыв.) В понедельник ездил в столицу с мистером Сэмпсоном (кто-нибудь из ваших помнит его по Истборну) посмотреть «Чашу» и «Хитрость красавицы» *; во вторник, до отъезда в Гилдфорд, сделал несколько визитов, проезжал и по Главной улице в Кенсингтоне. Я было чуть не решился зайти в дом 55. Но Здравый Смысл сказал мне: «Ни в коем случае. Агги станет дразнить тебя, и вы уже не останетесь с ней добрыми знакомыми». «Ты прав, Здравый Смысл, — сказал я, — пойду навещу кого-нибудь еще...»

Претенденткой на роль героини его несостоявшегося романа — словно Кэрролл никак не мог без него обойтись — чаще других называют Эллен Терри *, блистательную актрису викторианской эпохи. Кэрроллу было двадцать четыре года, ей — восемь, когда он впервые увидел на сцене это «преlestное существо». Семь лет спустя он надеялся через Тома Тэйлора познакомиться с Эллен и ее сестрой Кэт («Я обязан сфотографировать их»). В своем восхищении он не был одинок. Художник Дж. Ф. Уотс * не только написал с них свою знаменитую картину «Сестры», но и сумел жениться на Эллен. Ей было пятнадцать, Уотсу — сорок пять, когда в 1864 году

Актерская семья Терри.
Фотография 1865 года.

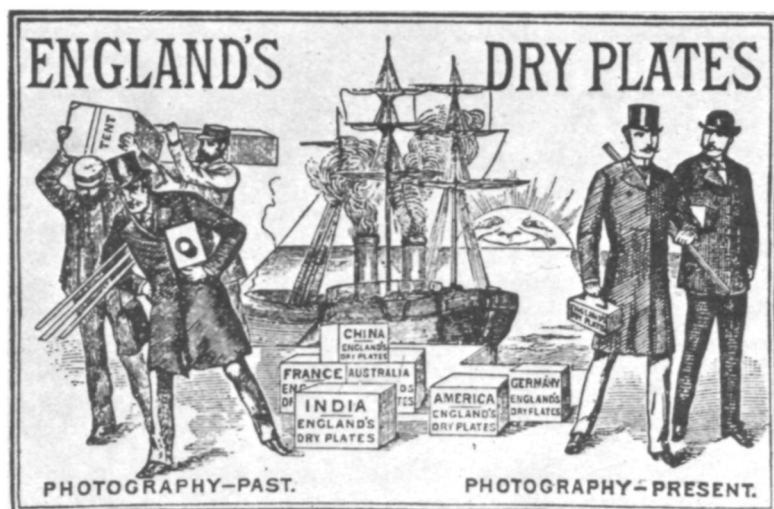
они поженились. Однако их брак скоро распался, хотя развод последовал только в 1877 году.

Кэрролл восхищался «прелестной головкой, написанной Уотсом с миссис Уотс», в 1868 году выставленной в Королевской академии. «В конце года, — пишет он, — я, к своей радости, познакомился с той, которую больше всех жаждал узнать в этой семье, — с миссис Уотс». В надежде сфотографировать сестер Терри он уже успел сделаться своим человеком в их доме на Стэнхоуп-стрит. Он записывал первое впечатление от миссис Уотс: «Жива и обходительна, почти по-детски непосредственна, но вообще совершенная леди». Пожалуй, не будь она «совершенной леди», роман на этом бы и кончился. В течение последующих трех лет Кэрролл часто видел Эллен на сцене и вне ее, однажды уговорил ее сыграть с ним партию в крокет собственного изобретения, прочел ей свою пьесу «Утренние облака», которая, к счастью, не увидела света рампы.

Эти знаки внимания ее, однако, не тронули, и в 1868 году она бежала с Э. У. Годвином *, архитектором и театральным художником. Шесть лет она не показывалась в Лондоне, родила сына — знаменитого в будущем Гордона Крэга *.

Несмотря на ее безупречное поведение, Кэрролл не скрывал восхищения Эллен-актрисой. Однако личное знакомство он возобновил лишь в 1879 году, после ее «превосходной» Офелии. Он нашел ее «по-прежнему очаровательной», она уже была в законном браке и растила двоих детей. В последний раз он видел Эллен Терри в Уинчелси, за два года до смерти. Она прислала за ним и его маленькой спутницей

Распространение сухого способа в фотографии, почти вытеснившего к 1880 году более капризный коллодионный способ, которым пользовался Кэрролл, совпало с его полным отказом от фотографии, но не объясняет его.

Этюды с обнаженными детьми фотографа Сатклиффа и Роберта Фолкнера были признанной темой многих викторианских фотографов.

Долли Ривингтон экипаж. «Миссис Терри и Долли качались в гамаке». Эллен всегда тепло относилась к нему и в автобиографии высказала пронизательное суждение: «Он любил меня настолько, насколько вообще мог любить кого бы то ни было взрослого».

Если взрослые страсти его минули, то, к счастью, он умел вызвать и удержать детскую привязанность. А дети вдохновляли его на творчество, как литературное, так и в фотографии. Однако в июле 1880 года Кэрролл решительно и навсегда оставил фотографию.

Причины его решения до сих пор не ясны. Предполагали, что ему не нравилась новая «сухая техника» фотографирования. Но вряд ли это, как и бремя писательского труда, может объяснить, почему он вдруг оставил увлечение, которому отдал чуть ли не половину жизни.

Несколько случайных фактов вынуждают предположить причину психологического характера. Как раз в начале того года случился конфуз с дочерью его сослуживца, Сидни Джеймса Оуэна. Не разобравшись в ее возрасте (ей было семнадцать лет), Кэрролл на прощание поцеловал «Этти» Оуэн, что произвело неприятное впечатление на ее матушку. Кэрроллу было тогда сорок восемь лет. Поднявшаяся волна сплетен и толков встревожила его не на шутку. «Возможно, он и сам усомнился в естественности своего порыва, — предполагает редактор его «Дневников», Роджер Грин, — и во избежание новых неприятностей и кривотолков он решил бросить фотографию. Но досужие измышления глубоко оскорбили его, современница тех событий говорила мне, что он порвал со многими оксфордскими друзьями и домами — например, с ее семьей он не знался почти десять лет». И он перестал фото-

графировать вовсе. После его смерти все сохранившиеся снимки детей были, согласно его воле, возвращены родителям.

В выборе своих маленьких друзей Кэрролл проявлял привередливость. В 1894 году Кэрролл встретил в Оксфорде свою старинную знакомую Беатрис Хэтч, бывшую там по каким-то благотворительным делам, а с нею несколько девочек, ее подопечных. Думается, благотворительные дела мало интересовали Кэрролла. Из его письма Беатрис видно, что его занимают исключительно свои заботы и — да простится ему эта слабость! — поддержание своего общественного статуса.

«Я хотел бы знать ради любопытства, кто была та миловидная девочка лет двенадцати, в красной шапочке. Кажется, с ней была и ее младшая сестренка, тоже в красной шапочке. Вы разговаривали с ней, когда я подошел попрощаться. Боюсь, мне придется удовлетвориться ее *именем*: в словесном отношении нас разделяет целая пропасть, и едва ли разумно думать о *дружбе*. Некоторые мои маленькие приятельницы-актрисы стоят достаточно низко на общественной лестнице. Однако есть определенный предел, и такой девочке вряд ли можно дружить с джентльменом, хотя бы и 62-летним!

Остаюсь всегда расположенный к Вам
Ч. Л. Д.»

Двадцать четыре года прилежных занятий фотографией помогли застенчивому, страдавшему заиканием человеку войти в весьма высокие сферы. Особенно крупным трофеем его фотоаппарата стал портрет маркиза Солсбери, в будущем премьер-министра Англии, а пока, в июне 1870 года, сменившего лорда Дерби на посту канцлера Оксфордского университета. Во время церемонии его назначения спутник Кэрролла по путешествию в Россию Лиддон был сделан доктором гражданского права, и через него Кэрролл обратился к леди Солсбери с просьбой позволить сфотографировать ее детей. Ему ответили согласием, очевидно, благодаря «Алисе». «Подозреваю, что основной причиной столь любезного приема была «Страна Чудес» — иронизировал он в дневнике.

На следующий день после их знакомства семейство Солсбери навещало Кэрролла. Сначала Солсбери, в прошлом сам выпускник колледжа Крайст-Черч, сфотографировался один, в мантии, потом с сыновьями. После обеда приехала леди Солсбери с дочерьми, все стали рассматривать новые рисунки Теннила к «Зазеркалью». Когда леди Солсбери «удалилась делать визиты и оставила детей», Кэрролл фотографировал девочек, леди Мод и леди Гвендолин, и всех четверых детей вместе. Так началось знакомство, которое длилось более четверти

Мод и Гвендолин
Сесиль, сфотографированные
в 1870 году, и их отец,
маркиз Солсбери.
Автошарж Кэрролла
показывает,
как ему вскружило голову
новое блестящее знакомство.

века, претерпевая спады и подъемы. Отношения Кэрролла с этим семейством никогда не были особенно близкими. Леди Солсбери нравилось общество прославленного автора «Алисы». Лорда Солсбери связывала с Кэрроллом близость интересов. В свободное от политики время он занимался математикой и теологией и много писал для «Квотерли-ревью». Дети тоже любили Кэрролла. Через месяц после их первой встречи, когда он был в Лондоне, «все четверо отпрысков нагрянули и провели у меня полчаса, — пишет Кэрролл, — под предлогом вернуть ребус, который я давал Гвендолин».

Следующей зимой Кэрролла дважды приглашали погостить в Хатфилд-Хаус, но поехать он не смог и переписывался с обеими девочками. Летом 1871 года леди Солсбери позволила ему сводить детей в Королевскую академию. А 1 июля двенадцатичасовым ночным поездом он отбыл с вокзала Кингз-Кросс. «В Хатфилде меня ожидала коляска, и через несколько

минут я был на месте; хозяева спали». Он отважился на это ночное путешествие, видимо, потому, что накануне, в субботу вечером, присутствовал на спектакле «Подснежник», в котором играли дети. Семейство Солсбери охотно пользовалось железной дорогой, и от станции к дому было проложено хорошее шоссе.

Это был первый из семи визитов, которые летом иногда приходились на день рождения «Гвенни», а зимой обычно подгадывались к новогодним торжествам. В июне 1889 года он описывал этот уютный аристократический мирок в письме своей обожаемой и обожавшей его приятельнице Изе Боуман, которая год назад сыграла роль Алисы на сцене:

«... здесь находится герцогиня Олбэни с двумя замечательными детьми. Она вдова принца Леопольда (младший сын королевы), так что ее дети — принц и принцесса: девочку зовут Алиса, а имени мальчика я не знаю, поскольку он герцог Олбэни и его так и зовут — «Олбэни». Раз уж я познакомился с настоящей живой принцессой, то мне теперь не пристало *разговаривать* с нетитулованными детьми. По правде говоря, я очень горжусь этим знакомством и так высоко задираю теперь нос, что при встрече могу и не заметить тебя. Только не верь этому, дружок. Если бы я подружился и с дюжиной принцесс, ты была бы мне дороже их всех, даже если сделать из них этакий большой пудинг».

Почти в каждый свой приезд Кэрролл рассказывал детям истории о Сильви и Бруно. Но роль рассказчика по обязанности его не устраивала. Однажды на Новый год он «отказался быть вечным утренним сказочником и таким образом, надеюсь, сломал заведенный обычай...». Истории о Сильви и Бруно он рассказывал по-прежнему, но теперь уже только когда сам этого хотел. Переписка и знакомство с детьми не прекратились и после того, как Мод вышла замуж и стала графиней Селборн. Лорд Солсбери был легкой добычей для всякого рода прожектеров, искателей покровительства, памфлетистов. Тот же Кэрролл донимал его памфлетами против вивисекции, проектом школы драматического искусства, статьями об избирательной реформе, предложением устроить в Лондоне пожарные посты на крышах высоких зданий, включая и собор Св. Павла, рекомендацией правительству дебатировать законопроекты в одной палате парламента, а придавать им силу закона — в другой *.

Решение проблемы ирландского самоуправления * Кэрролл изложил на шести страницах: лорду Солсбери следовало послать в Ирландию королеву Викторию, та покажется народу — и проблема решится сама собой. Солсбери, даже став премьер-министром, вежливо отвечал на все предложения Кэрролла, включая самые фантастические. Он нашел время выслушать

«Мечь Бруно»: собственный набросок Кэрролла, напечатанный в «Журнале тетушки Джуди» в декабре 1867 года. Этот рассказ вошел в книжку «Сильви и Бруно», вышедшую в конце 1889 года.

Кэрролла и тогда, когда тот затеял кампанию по переселению обитателей острова Тристан да Кунья. Заинтересовал Кэрролла этим вопросом его младший брат, преподобный Эдвин Херон Доджсон, служивший на острове священником. «Не представляю, чтобы он нашел там дело, которому стоило бы посвятить часть своей жизни, когда столько тысяч людей в Англии так же нуждаются в помощи», — сетовал Кэрролл в 1881 году, когда брат уехал на остров. Идея переселить

Шарж на Кэрролла,
сделанный Гарри Ферниссом,
иллюстратором «Сильви и
Бруно».

жителей острова, насчитывавших тогда около ста человек, возникла, когда в этом районе иссяк китобойный промысел и островитяне оказались на грани голодной смерти. В 1885—1887 годах Кэрролл написал Солсбери по этому поводу несколько писем, а в 1885 году даже имел встречу с премьер-министром («боюсь, не очень плодотворную»). Кампания окончилась неудачей, но островитяне получили помощь, выжили, и к нашему времени население острова удвоилось.

В жизни Сесилей Кэрролл оставил приятный, но не очень глубокий след, зато атмосфера Хатфилд-Хауса в сильнейшей степени пронизывает его последние произведения — «Сильви и Бруно» (1889) и «Заключение «Сильви и Бруно» (1893), причем каждая из этих книг, отмечал Кэрролл в рек-

Всем иллюстраторам Кэрролла стоило больших трудов ладить с ним. Здесь Фернисс изобразил эпизод, когда ему пришлось ломать комедию, чтобы поладить с Кэрроллом. Из книги Г. Фернисса «Признания карикатуриста».

ламном проспекте, «по объему немногим меньше обеих «Алис».

Для Гарри Фернисса, сделавшего по сорок шесть иллюстраций к каждому тому, сотрудничество с Кэрроллом было расчитанным риском, продуманной авантюрой: «Я, наверное, самый трезвый и деловой художник, однако для Кэрролла я был не Г. Ф., а нечто совсем иное, как и в нем, во мне уживались два человека. Капризничал и срывался, доходил до безумия. И мы прекрасно сработались». Он не колеблясь заявлял, что текст «его горько разочаровал. Я никогда не хотел иллюстрировать книгу с «моралью», если это не была мораль «Алисы» — развлекать и радовать».

Теннис его предупреждал, что будут придирки к мелочам. И действительно, Кэрролл не заставил себя ждать: «Что касается Вашей Сильви, я в восторге от Вашей мысли одеть ее в белое; это точно совпадает с моим представлением о ней; я хочу, чтобы она была своего рода воплощением Чистоты. Поэтому, мне кажется, в обществе она должна появляться вся в белом — в белом платье («облегающем», конечно, я ненавижу кринолины); а в сказочных сценах платью можно сделать прозрачным. Как вы полагаете, можем мы бросить *такой* вызов миссис Гранди? Думаю, она вполне удовлетворится тем, что героиня *одета*, и не станет придираться к материалу — шелк это, муслин или даже кисея. И еще: *умоляю* — не надо

Сильви высоких каблуков! Они вызывают у меня отвращение».

Фернисс увлеченно разыгрывал свою клоунаду. Он пускался в чудачества под стать самому Кэрроллу, но у того они не были наигранными, чего, например, стоила его маниакальная скрытность. Никто не должен заранее видеть текст. И Кэрролл нарезал его полосками по 4—5 строк, перетряхивал их в мешке и затем наклеивал в том порядке, в каком доставал их оттуда. Затем они сложно шифровались. От всего этого, пишет Фернисс, «мое валяние дурака грозило перейти в самое настоящее умопомешательство». Он отослал рукопись обратно, забастовал — и выиграл этот раунд.

Однажды рисунки не были готовы к сроку, и Фернисс превзошел самого себя:

«Льюис Кэрролл пришел к обеду, чтобы потом посмотреть часть работы. Он мало ел, мало пил, хотя с удовольствием отведал своего любимого хереса. «Теперь, — сказал он, — в мастерскую!» Я встал и пошел впереди него. Моя жена сидела, оцепенев: она-то знала, что показать мне нечего. Мы проследовали через гостиную, спустились по лестнице в оранжерею и подошли к мастерской. Берусь за ручку двери. От волнения Льюис Кэрролл заикается сильнее обычного. Еще бы! — увидеть рисунки к своей великой книге! Помедлив, я поворачиваюсь спиной к двери и говорю озадаченному профессору: «Мистер Доджсон, я человек со странностями и не всегда владею собой. Хочу заранее предупредить вас, эти странности проявляются иногда в необузданной форме. Если, показывая вам работу, я увижу на вашем лице хоть малейший признак того, что вы не удовлетворены *полностью* чем бы то ни было в моей незаконченной работе, то она *вся* отправится в огонь! Пойдете вы на этот риск или дождетесь, когда я *полностью* закончу рисунки и вышлю их вам в Оксфорд?»

«Я-я-я п-п-онимаю ваши чувства, я-я-я бы на вашем месте чувствовал то же самое. Еду в Оксфорд!» — И ушел».

Наконец и работа Фернисса была закончена, и оба тома «Сильви и Бруно» вышли, разочаровав поклонников «Алисы»; да и последующие поколения, отдавая им должное, не читают их. Конечно, и в этом романе есть отличные места: «Какое утешение, что на свете есть словари» или «Это наследственное, вроде любви к пирожным». Заражает своим легким безумием песенка Садовника:

Фронтиспис для
«Сильви и Бруно». Объем
книги (почти как обе
«Алисы» вместе)
лишь подчеркивал
отсутствие в ней присущего
«Алисе» очарования.

*Он думал: Некий Секретарь
Явился по делам.
Но пригляделся — и увь! —
То был Гиппопотам.*

— Уж если он зайдет на чай,
Несладко будет нам!

Перевод О. Седаковой

А вот как Кэрролл объяснял своим читателям непривычное употребление апострофов в последней строке: «...критики возражали против некоторых усовершенствований орфографии, как, например, „sa'n't" или „wo'n't". В ответ я могу только выразить свое твердое убеждение, что их обычное употребление *неправильно*. Что касается sa'n't, то никто не станет спорить, что во всех словах, оканчивающихся на „n't", эти буквы служат сокращением от „not", и, конечно же, было бы нелепо предполагать, что в этом единственном случае „not" представлено одной лишь буквой „t"! По сути „can't" является правильным сокращением от „can it", подобно „is't" от „is it". В слове же „wo'n't" первый апостроф необходим, так как слово „would" сокращено здесь до „wo".

Это разбирательство с апострофами ведется во втором из двух объяснительных предисловий, которые Кэрролл счел необходимым написать. Интереснее предложенная им теория человеческого сознания:

«Я предположил наличие у человека способности к разному физическому состоянию в зависимости от степени осознания, а именно:

а) обычное состояние, когда присутствие фей не осознается;

б) состояние «жути», когда, осознавая все происходящее, человек одновременно осознает присутствие фей;

в) состояние своего рода транса, когда человек, вернее, его нематериальная сущность, не осознавая окружающего и будучи погружена в сон, перемещается в действительном мире или в Волшебной стране и осознает присутствие фей».

В «Сильви и Бруно» эта теория ровным счетом ничего не объяснит, но как истолкование духовного мира поэта — и не в последнюю очередь его собственного — она относится к числу наиболее пронизательных наблюдений Кэрролла.

Теория эта также наводит на грустные мысли, потому что поясняет причину провала «Сильви и Бруно». Великий энтузиаст знания, его накопитель и растратчик, Кэрролл в данном случае знал слишком много. Он нашел путь в Волшебную страну. И хотя нам полезен его опыт, все-таки писатель не должен этого знать. Кэрролл знал слишком много, но он переоценил себя. Даже самые счастливые минуты общения с маленькими друзьями не могли подвести его к порогу творческой реальности, за которым — Волшебная страна. Он пережил то, что переживают многие поэты — кто на время, кто

навсегда, кто сознательно, а кто не ведая того: утрату созидательной силы. «Сильви и Бруно» осталась мертворожденной, хотя Кэрролл вложил в нее столько сокровенного, столько надежд. Он наставлял, проповедовал, шутил, пел песни, пророчествовал о вселенной, учил научному подходу к охоте на лис, исследовал социализм, трезвенность. Он сдобрил рассказ изрядной долей снобизма и режущего слух лепета сказочного мальчика Бруно: «Фланцузы никогда не могут говорить так чем нас!»

«Я убежден, — заявлял Кэрролл, — что писателю лучше вообще не читать отзывы на свои книги: неблагоприятные, скорее всего, рассердят его, а благоприятные — только увеличат самомнение». Возможно, по этой причине Кэрролл довольно поздно понял, что обе книги «Сильви и Бруно» не имели и коммерческого успеха, в то время как «Алиса» процветала. В 1894 году он написал Макмиллану: «Не надо больше никакой рекламы, это выброшенные деньги. Я не знал, что рецензии неблагоприятны».

В 1880-е годы жизнь не баловала Кэрролла. Он стал прибалывать и ушел в невеселое чтение своей медицинской биб-

Мыс Бичи Хед — пейзаж, хорошо знакомый Кэрроллу. До конца жизни он сохранил привычку к далеким загородным прогулкам пешком.

лиотеки. Он бросил фотографию, прекратил читать лекции, весь отдался заботам о профессорской. Существует мнение, что замужество Алисы Лидделл в 1880 году также добавило горечи в его жизнь, хотя это маловероятно — любимых друзей у него и тогда было множество.

В последние же семь лет жизни, в 1890-е годы, здоровье его поправилось. Он по-прежнему много работал, часто выступал с проповедями. В августе 1894 года Кэрролл пишет в одном письме: «Быть в добром здравии в моем случае «само собой разумеется». Моя жизнь удивительным образом свободна от всяческих испытаний и невзгод, это счастливое состояние я рассматриваю как один из талантов, дарованных мне на время моего пребывания здесь, до возвращения Хозяина, дабы я мог делать счастливыми других».

Кэрролл не только предпринимал «для здоровья» утомительно долгие прогулки, но даже приобрел сборник физических упражнений Уайтли и довел себя до чрезвычайной худобы. Он отошел от общества (хотя отнюдь не чурался его), однако продолжал вкушать удовольствия, которые — каждый на свой лад — доставляли ему Оксфорд, Лондон и Истборн. Он исправно посещал семейное гнездо в Гилдфорде. Уединившись в просторных комнатах своего оксфордского жилья, Кэрролл не отставал от времени, он пользовался автоматической ручкой, из которой, по воспоминаниям его маленького друга, «чернила текли, как черные сливки».

Неутолимая жажда знаний, работы в области математики требовали жесточайшей интеллектуальной организованности, и в искусстве Кэрролл искал лишь развлечения. Вы не найдете у него, например, упоминаний о живописи Ренессанса, ни даже о Констебле или Тернере, зато его могли чрезвычайно увлечь сюжетные картины в Королевской академии — «Детство сэра Уолтера Рейли» кисти Д. Э. Милле * («самая умная картина из выставленных там»).

Свою любовь к легкой музыке он объяснял так: «Она не принуждает нас к глубоким переживаниям, ее слушаешь по настроению». Классическую музыку он вообще поминал редко, но вдруг в 1870-х годах в Оксфорде стали исполнять Баха: «Играли «Страсти по Матфею» в соборе в присутствии более тысячи человек. Я не пошел. Мне кажется прискорбным, что церкви используются таким образом».

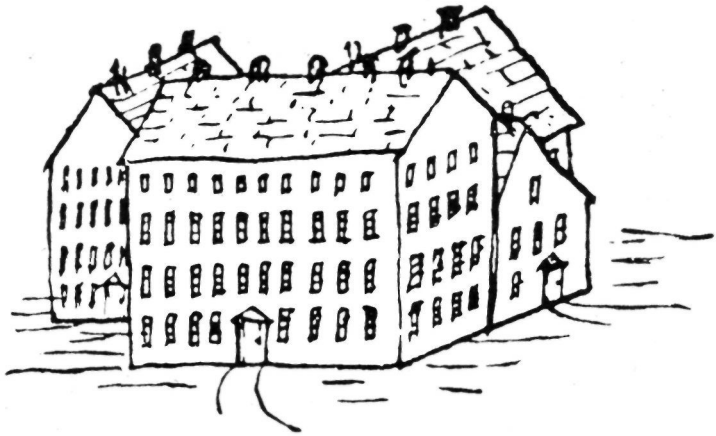
Зато увлечение театром, особенно приобщение к нему детей, сохранилось у него до конца жизни. В свое последнее посещение лондонского Хеймаркета (за полтора месяца до смерти) он смотрел «Маленького священника» — «пьесу, которую хотелось бы видеть еще и еще».

В январе 1898 года он заболел в Гилфорде бронхитом и, когда была ясная голова, занимался исключительно второй частью своей «Символической логики». Поначалу он еще тре-

Конни Гилкрис, девочка-актриса и друг Кэрролла, впоследствии графиня Оркней, на картине Лейтона «Урок музыки» (1877). «Самый восхитительный ребенок, какого я когда-либо видел». Кэрролл водил ее в Королевскую академию в 1877 году, «где ей, по-видимому, понравилось, особенно когда она увидела себя на картине мистера Лейтона».

Ректорский дом в Крофте.
Рисунок Л. Кэрролла для
«Песен скорби».

вожился о работе, задумывал исправления, но потом дышать стало все труднее и он просил кого-нибудь из сестер почитать вслух духовные гимны. Может, его мысль бродила среди полей Дэрсбери, овеянных ветрами его детства, а может, витала в пасторском доме в Крофте у слухового окна, видного из его спальни, — у того окна, где мастера оставили свои имена и где впервые забрезжило слово «варкалось». А потом, в половине третьего 14 января, Льюис Кэрролл умер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кэрролл умер, немного не дожив до нашего столетия, и цепочка живых свидетелей начала прерываться в середине 70-х годов, когда писалась эта книга. Поэтому автор счел исключительной удачей сообщение Эрика Норриса, книготорговца из Вулиджа, о том, что совсем недавно в одном пансионате ему довелось пить чай с дамой, которая лично встречалась с Льюисом Кэрроллом в Оксфорде. Нашелся, по крайней мере, один живой свидетель! Миссис Биг было уже далеко за девяносто, но она написала мне ответ твердым почерком, сообщив дни, удобные для встречи.

Пансионат был погружен в послеобеденный сон. Подобавшим образом понизив голос, я справился у открывшей мне женщины, нельзя ли повидать миссис Биг. «Я и есть миссис Биг!» — воскликнула бодрая старушка. Она высчитала, что ей, носившей в те далекие дни имя Эдит Дей, было восемь лет, когда она в последний раз ходила в Крайст-Черч на чай с автором «Алисы» (которую она в отличие от многих детей уже в том возрасте прочла с огромным удовольствием). Она робела перед знаменитым, высоким и сухощавым, но бодрым священником, уже приближавшимся тогда к закату жизни. Однако вскоре девочка развлеклась фонографом, который он завел, прикрыв крышку, чтобы не мешать студентам в соседних комнатах. Беседа за чаем занимала восьмилетнюю девочку и очень льстила ей. Даже в последние годы Кэрролл сумел сохранить контакт с детьми, поддерживая его при помощи различного рода забав, игрушек и занимательных головоломок, специально приберегаемых для такого случая — уж в предусмотрительности ему нельзя было отказать.

Миссис Биг я благодарен за рассказ о Кэрролле, за несколько его писем, за остроумное воспроизведение его походки — он словно брел по траве против порывистого ветра.

Гринвич, 1975 год

Джон Падни

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 14

Паддингтон — вокзал в Западном районе Лондона.

Это первый рукописный вариант сказки (названной «Приключения Алисы под землей»), уничтоженный в 1864 г., когда Кэрролл подготовил второй, с тридцатью семью рисунками в тексте, который и подарил Алисе Лидделл. В 1865 г. для издания Кэрролл предложил третий, окончательно переработанный вариант сказки — под названием «Приключения Алисы в Стране Чудес».

К стр. 15

Из статьи Кэрролла «Алиса на сцене» (журнал «Тизтр», апрель 1887 г.).

Все переводы из книг об Алисе приводятся по изданию: Льюис Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране Чудес». «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье». Издание подготовила Н. М. Демурова. Москва, «Наука», 1978.

К стр. 18

Мультипликационный фильм Уолта Диснея вышел на экраны в 1951 г.

К стр. 20

Автобиографический материал лежит и в основе второй книги Т. Хьюза «Том Браун в Оксфорде» (1861).

К стр. 23

В 1979 г. под редакцией М. Н. Коэна и при участии Р. Л. Грина вышел двухтомник писем Кэрролла («The letters of Lewis Carroll», ed. by Morton N. Cohen, with the assistance of Roger Lancelyn Green, vol. 1, 2, London, 1979). Здесь опубликовано 1305 писем (всего составители собрали свыше 4000). Предположительная цифра всех написанных Кэрроллом писем — 100 000. Число, конечно, астрономическое. В глазах его старшего современника Диккенса огромной была переписка Х. Уолпола, автора «Замка Отранто», чье посмертное издание «Писем» включало 2700 образцов эпистолярной прозы. Писем же самого Диккенса (недавно завершившееся четырнадцатитомное издание) — свыше 8000. В письме к Мэрион Терри (14 февраля 1887 г.) Кэрролл в шуточной форме предлагал определять «человека» как «животное, которое пишет письма».

К стр. 25

Впервые изданный в 1931 г. «Справочник по Льюису Кэрроллу» С. Х. Уильямса и Ф. Мэдана («The Lewis Carroll Handbook», by S. H. Williams and F. Madan) был затем переработан Р. Л. Грином и вышел в 1962 г. и — вновь пересмотренное издание — в 1970 г. В 1979 г. эта классическая библиография кэрроллианы была дополнена и переиздана Д. Кратчем. Сейчас в ее корпусе 326 публикаций Кэрролла (из них 286 прижизненных), обширный мемуарный раздел.

К стр. 25

В 1872 г. в Англии проходил шумный судебный процесс, получивший название «дело Тичборна». Некий Артур Ортон объявил себя Роджером Тичборном, погибшим в море в 1854 г., и соответственно законным наследником Дж. Ф. Тичборна, умершего в 1862 г. Только в 1874 г. Ортон был окончательно разоблачен и осужден 14 лет тюрьмы за лжесвидетельство.

К стр. 27

Книги американского популяризатора науки М. Гарднера «Аннотированная Алиса» ("The Annotated Alice", New York—London, 1960) и «Аннотированный Снарк» ("The Annotated Snark", New York, 1962) неоднократно переиздавались в общедоступных сериях. Обширный материал из книги «Аннотированная Алиса» приводится в русском издании книг об Алисе (см. прим. к стр. 15). На русский язык переведены и другие книги Гарднера.

К стр. 28

Кэрролл умер 14 января 1898 г.; «Жизнь и переписка Льюиса Кэрролла» ("The Life and Letters of Lewis Carroll") С. Д. Коллингвуда вышла в декабре того же года. Это основной источник биографических сведений о писателе. Некоторые материалы с тех пор утрачены и известны только в передаче Коллингвуда.

К стр. 36

Для церковной жизни Англии был характерен так называемый «плюрализм», когда священник занимал по совместительству несколько должностей — например, у него было два-три прихода. Понятно, что постоянно проживать он мог только в одном из них, где и отправлял службы, а в другие свои приходы подряжал менее удачливых коллег. Вызванное общественно-экономическими процессами укрупнение приходов постепенно положило конец этой практике парламентскими актами 1837 г. и 1885 г.

К стр. 37

Автор имеет в виду кухарку из «Приключений Алисы в Стране Чудес» (глава VI, «Поросенок и перец»).

К стр. 38

Командующий союзными армиями при Ватерлоо герцог Веллингтон (1769—1852) в 1828—1830 гг. был премьер-министром кабинета тори (консерваторов). Опасливое отношение герцога к железным дорогам имело и личные причины: во время открытия линии Ливерпуль — Манчестер (1828), спеша к вагону, под колесами локомотива погиб министр его правительства.

К стр. 40

В 1814 г. английский изобретатель Дж. Стефенсон (1781—1848) построил свой первый паровоз. Им сооружены Стоктон-Дарлингтонская рельсовая линия (56 км; открыта в 1825 г.) и Ливерпуль-Манчестерская дорога (50 км). Особенно широко строительство железных дорог развернулось в 30-е гг.: к 1850 г. длина железнодорожной сети

достигала 10 тыс. км. Открытие в 1846 г. линии Карлайл — Ланкастер — Престон повлекло за собой разоблачение множества дутых акционерных предприятий. В 1850-е гг. в Англии прошел ряд процессов, материалы которых составили том документов «Факты, провалы, мошенничества» (издан в 1859 г.).

Это первая строфа «Приступа V» поэмы «Охота на Снарка». В поэме она повторяется шесть раз.

Первый указатель железных дорог был составлен и в 1839 г. выпущен издателем Дж. Брэдшо (1801—1853). В Англии его фамилия употребляется как название железнодорожных справочников, подобно «бедкеру» в значении «путеводитель».

К стр. 44

Бимиш (г. Стэнли, графство Дарем) — туристский центр, музей народного быта и средств транспорта первой половины XIX в.

Т. Л. Щепкина-Куперник (1874—1952) слово «beamish» (в пер. Д. Орловской — «светозарный») переводит — «блестячником» («Верлиока», пер. 1924 г.). Традиционно слово считается неологизмом Кэрролла, хотя есть свидетельства, что оно употреблялось уже в XVIII в. В тексте баллады «Бармаглот» первая строфа печатается зеркально отраженной (так писал иногда Кэрролл письма своим юным корреспондентам).

К стр. 47

Статья С. Гудэйкра опубликована в августовском номере журнала «Врач» («The Practitioner») за 1972 г. Причиной частичной глухоты Кэрролла Гудэйкр предположительно считает свинку.

К стр. 49

Первая встреча Кэрролла с Джоном Рескином (1819—1900) состоялась в октябре 1857 г. Эскизы Г. Холидея к «Охоте на Снарка» Рескин смотрел в конце 1873 г. (поэма опубликована в 1876 г.). До конца жизни Кэрролл поддерживал дружеские отношения с выдающимся искусствоведом и публицистом. Естественно, он сделал его фотопортрет (июнь 1875 г.).

К стр. 50

Высокая церковь — наиболее консервативное, строго придерживающееся догматов и ритуалов течение в англиканской церкви. Терпимее к обрядности — Низкая церковь.

К стр. 51

Оксфордское движение (иначе: трактарианство, по названию «Трактаты нашего времени») организовано в 1833 г. оксфордскими священниками и преподавателями Дж. Ньюменом и Дж. Кибом. Это направление в англиканской церкви выступало за возвращение к католицизму, но без слияния с римско-католической церковью.

Бенджамин Джоуит (1817—1893) — «мастер» колледжа Бейллиол (Оксфорд), профессор королевской (то есть учрежденной Генрихом VIII в 1546 г.) кафедры греческого языка.

К стр. 52

Полное название: Всемирная Выставка промышленного прогресса. Открылась 1 мая 1851 г. в Гайд-парке (Лондон). «Хрустальный дворец» — выставочный павильон из чугуна и стекла (арх. Дж. Пэкстон). Впоследствии инженерное решение Дворца высоко оценил Корбузе. После Выставки демонтирован, вновь собран в Сайденхемском парке (южный Лондон). В 1936 г. сгорел.

Как известно, служба правопорядка в Англии включает в себя сложную совокупность юридических институтов. Ее вопиющий архаизм особенно осознан в эпоху Кэрролла и Диккенса. На непредвзятый трезвый взгляд судопроизводство, например, заключало в себе много абсурдного — достаточно вспомнить знаменитую сцену суда в «Приключениях Алисы в Стране Чудес» и практически любой роман Диккенса. Так, барристер — это адвокат, имеющий право выступать в суде, но не могущий непосредственно общаться с клиентом. Вторая должность дядюшки Кэрролла оказалась для него роковой: он умер от травмы, нанесенной ему пациентом лечебницы, которую он инспектировал.

«Общество аэронавтов Великобритании» основано в январе 1866 г. Полет американских авиаконструкторов братьев Уилбера и Оривела Райтов состоялся 17 декабря 1903 г.

К стр. 56

По приказу бездарного главнокомандующего лорда Реглана бригада легкой кавалерии была 25 октября 1854 г. брошена на хорошо укрепленные позиции русских под Балаклавой и почти вся погибла в этой атаке. Поражение под Балаклавой, наряду с другими военными и политическими просчетами, вынудило английский парламент весной 1855 г. начать судебное разбирательство злоупотреблений, связанных с Крымской кампанией. Написанная в угаре шовинистических настроений верноподданническая «Атака легкой кавалерийской бригады» А. Теннисона (1809—1892) действительно не делает чести репутации поэта, в лирике которого получили развитие лучшие традиции «озерной школы».

Поэма «Лалла Рук» (1817) написана Т. Муром (1779—1852), другом и биографом Байрона, в подражание его «восточным поэмам». Пародия Кэрролла отвечает общему духу переоценки романтического наследия в «средневикторианскую» эпоху. По поводу этих же строк из поэмы Мура читаем у Диккенса: «таков удел ваш с детских лет и что-то там про свирель и газель».

К стр. 57

Первая строфа знаменитого «Бармаглота». «Ученые примечания» в тексте сказки отданы Шалтаю-Болтаю.

«Лордз» — крикетный стадион в Лондоне. «Ковент-Гарден» — Королевский оперный театр.

К стр. 59

Сын знаменитого трагика Эдмунда Кина, сам незаурядный актер, *Чарлз Кин* (1811—1868) возглавил с 1850 г. «Принсес Тиэтр». Поста-

вил 20 шекспировских спектаклей: «Двенадцатая ночь», «Гамлет», «Макбет», «Ричард III» и др. В своих спектаклях добивался исторической достоверности, стремился к яркой зрелищности и постановочным эффектам.

Sara Siddons (1755—1831) — английская актриса, прославилась исполнением ролей в шекспировских трагедиях.

К стр. 61

Для характеристики декана автор пользуется названием известной книги документально-биографических эссе английского литературоведа Дж. Л. Стрэчи (1880—1932).

К стр. 63

Прозвище воришки Джека Доукинса из романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

К стр. 64

Флоренс Найтингейл (1820—1910) — английская медсестра. Во время Крымской войны организовала отряд санитарок. Ей посвящена поэма Г. Лонгфелло «Святая Филомена».

К стр. 68

Представитель «христианского социализма», пытавшегося придать христианской религии социалистическую окраску, Ч. Кингсли (1819—1857); в периодике выступал под псевдонимом «Пастор Лот». Оставил заметный след в литературе «голодных сороковых». Его роман «Олтон Лок» (1850) объективно прозвучал оправданием чартизма, признанием его закономерности.

К стр. 71

Кэрролл встретил Марка Твена на обеде у Макдональдов в июле 1879 г. Они почти не общались. Марк Твен вспоминал этот вечер в своей «Автобиографии». Много лет спустя после их встречи, в 1935 г, некие Партриджи из Нью-Йорка опубликовали ограниченным тиражом книжку «Самое замечательное эхо в мире», где «доказывалось», что подлинным автором книг об Алисе был Марк Твен. Его же Партриджи объявляли автором всех (!) произведений Э. По и Н. Готорна. Замечательно, что это курьезное сочинение имело резонанс и еще в 1947 г. всерьез обсуждалось Дж. Ланнингом в нью-йоркской «Карусели для библиофилов». Впоследствии статья Ланнинга даже вошла в представительную антологию «Аспекты Алисы» («Aspects of Alice», London, 1972).

К стр. 73

Альфред Теннисон (1809—1892) — известный английский поэт, автор лирических стихотворений, поэм «Мод» и «Королевские идиллии» на сюжеты Артуровских легенд, драм «Королева Мария» (1875), «Бекет» (1879) и других. В 1850 г. стал поэтом-лауреатом. Специально для него королева Виктория учредила баронство Фрешуотера и Олдворта. В Олдворте (это также на острове Уайт) он жил с начала 1870-х годов, там и умер. Похоронен в Вестминстерском аббатстве.

К стр. 75

Поэму «Жизнь влюбленного» Теннисон опубликовал в 1879 г. с предисловием, в котором так объясняет историю этого инцидента: «...она была сочинена мною на девятнадцатом году. Лишь две части из трех написанных были напечатаны, когда, поняв несовершенство поэмы, я приостановил ее публикацию. Один из моих друзей, однако, без моего ведома, распространил среди наших друзей определенное количество экземпляров тех двух частей, причем без сокращений и исправлений, которые я собирался сделать...»

К стр. 78

Данте Габриел Россетти (1828—1882) — сын итальянского республиканца, бежавшего в Англию, живописец, поэт, переводчик, основатель «братства прерафаэлитов».

Роберт Браунинг (1812—1889) — крупнейший представитель интеллектуальной поэзии, отмеченной сложностью поэтического языка и глубиной философского содержания (сб. «Действующие лица», 1864).

Кристина Россетти (1830—1894) — сестра Д. Г. Россетти, поэтесса, член «братства прерафаэлитов».

К стр. 79

Группа английских художников и поэтов-прерафаэлитов (XIX в.), избравших своим идеалом «наивное» искусство средних веков и Раннего Возрождения.

К стр. 82

Миссис Гранди — персонаж пьесы Томаса Мортон (1764?—1838) «Бог в помощь» («Speed the Plough»), олицетворение ханжеской добропорядочности.

К стр. 84

Мэтью Арнольд (1822—1888) — английский поэт и критик, коллега Кэрролла по Оксфордскому университету, занимался вопросами социологии, политики, образования. В течение 35 лет был инспектором школ. Разоблачая миф о «викторианском процветании», он видел нравственную задачу поэзии в том, чтобы «критиковать жизнь».

К стр. 85

Отто Бисмарк (1815—1898) — рейхсканцлер германской империи в 1871—1890 гг., несмотря на большие заслуги перед империей (объединение Германии на прусско-милитаристской основе, организация Тройственного союза против Франции и России в 1882 г. и т. д.), впал в немилость молодого императора Вильгельма II и вынужден был уйти в отставку.

Гарри Фернисс (1854—1925) — английский карикатурист, один из иллюстраторов Кэрролла. Родился в Ирландии, девятнадцатилетним юношей приехал в Лондон, где сотрудничал в «Иллюстрированных лондонских новостях», сатирическом журнале «Панч». В 80—90-е годы прославился карикатурами на политических деятелей и художников. Известна его книга «Признания карикатуриста» (1901).

К стр. 88

Рукописный экземпляр «Приключений Алисы» был в 1929 г. продан на знаменитом книжном аукционе Сатби в Лондоне одному американцу и увезен в Америку. Там он часто экспонируется в публичных библиотеках. До этого рукопись постоянно находилась у своей владелицы, и только однажды, в 1886 г., она была отправлена Кэрроллу для факсимильного издания. Он писал миссис Харгривс: «Все фотографии делаются в моей собственной студии, так что к рукописи никто, кроме меня, не прикоснется».

К стр. 91

Уолтер де ла Мар (1873—1956) — английский поэт и прозаик, часто создавал в своих стихах вымышленный, сказочный мир, увиденный как бы глазами ребенка. Написал к 100-летию юбилею Кэрролла (1932) книгу-исследование «Льюис Кэрролл».

К стр. 94

Генри Кингсли (1830—1876) — английский романист и журналист, редактор «Ежедневного обозрения», выходившего в Эдинбурге.

К стр. 117

«Чаша» — драма Альфреда Теннисона на греко-римский сюжет. «Хитрость красавицы» — комедия Ханна Каули (1743—1809), впервые поставленная в 1780 г.

Эллен Терри (1848—1928) — английская актриса, известная исполнительница шекспировских ролей. Впервые выступила на сцене в роли мальчика Мамиллия в «Зимней сказке» Шекспира в 1856 г. Ее роли: Порция в «Венецианском купце» (1879), Джульетта в «Ромео и Джульетте» (1882), Виола в «Двенадцатой ночи» (1884) и др. Последнее выступление — в роли кормилицы в «Ромео и Джульетте» (1919). В 1913 г. Эллен Терри выпустила книгу «Русский балет».

Джордж Фредерик Уотс (1817—1904) — английский художник-портретист и скульптор.

К стр. 118

Эдвард Уильям Годвин (1835—1886) — английский архитектор и театральный художник. Создал эскизы костюмов и декораций для многих постановок Шекспира.

Гордон Крэг (1872—1966) — английский актер и режиссер. С 1900 г. осуществляет оперные и драматические постановки, новаторские по духу. В 1913 г. основал драматическую школу во Флоренции. Много писал о театре.

К стр. 122

Согласно британской законодательной процедуре, законопроект вносится на обсуждение в палату общин — выборную палату парламента. Палата лордов либо утверждает законопроект, либо налагает на него вето.

Ирландия — первая английская колония, с XVII века боровшаяся за свою независимость. Освободительная борьба, возглавлявшаяся различными патриотическими организациями («Объединенными ирландцами» в 1798 г.; «Ирландской конфедерацией» в 1848 г.; «Организацией фениев» в 1867 г.), хотя и закончилась поражением, заставила Англию принять в 1914 г. закон о самоуправлении Ирландии.

К стр. 131

Джон Эверетт Милле (1829—1896) — английский художник. С семнадцати лет завоевал репутацию лучшего живописца на исторические темы. В 1856 г. стал членом Королевской академии, а в 1896 г. — ее президентом.

Герой его картины, сэр Уолтер Рейли (1552—1618), — поэт, военный деятель, путешественник, мореплаватель, участник многих экспедиций. Неоднократно находился в опале, был приговорен к смертной казни.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass and What Alice Found There. London, 1976.

L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland. Moscow, 1967 (предисл. Д. М. Урнова — «Непременность судьбы»).

L. Carroll. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. Moscow, 1966 (предисл. Д. М. Урнова — «В Зазеркалье»).

L. Carroll. The story of Sylvie and Bruno. London, 1980.

L. Carroll. The Dieries, vol. 1—2. London, 1953.

L. Carroll. The Letters, vol. 1—2. London, 1979.

Lewis Carroll: Victorian photographer. London, 1980.

Topsy-Turvy World. Сост., предисл. и коммент. Н. Демуровой. Москва, 1978.

Л. Карроль. Аня в стране чудес. Пер. В. Сирина. Берлин, 1923.

Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Пер. А. Оленича-Гнененко. Предисл. В. Важаева. Москва, 1958.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес. Сказка, рассказанная Борисом Заходером. Москва, 1975.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Издание подготовила Н. М. Демурова (серия «Литературные памятники»). Москва, 1978.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес. Зазеркалье (про то, что увидела там Алиса). Пер. А. Щербакова под ред. М. Лорие. Предисл. Ю. Кагарлицкого. Москва, 1979.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Пер. и предисл. Вл. Орла. Москва, 1980.

Л. Кэрролл. История с узелками. Пер. Ю. Данилова под ред. Я. А. Смородинского. Предисл. Ю. Данилова и Я. Смородинского. Москва, 1973.

ЛИТЕРАТУРА О ПИСАТЕЛЕ.

S. D. Collingwood. The life and letters of Lewis Carroll. London, 1898.

F. B. Lennon. The life of Lewis Carroll. New York, 1972.

A. Clarke. Lewis Carroll. A biography. London, 1979.

R. Phillips (ed.) Aspects of Alice. London, 1972.

H. S. Williams, F. Madan. The Lewis Carroll handbook. London, 1979.

Д. М. Урнов. Как возникла «страна чудес». Москва, 1969.

Н. М. Демурова. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. Москва, 1979.

Дж. Винтерих. Приключения знаменитых книг. Москва, 1979.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПОСЕЩЕНИЕ СТРАННОГО МИРА. <i>Д. Урнов</i>	5
ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ И ЕГО МИР	13
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>В. Харитонов</i> и <i>Е. Сувейра</i>	134
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. <i>Составил В. Харитонов</i> . . .	142

ДЖОН ПАДНИ
Льюис Кэрролл и его мир

ИБ № 11155

Редактор
З. В. Федотова
Художник
В. В. Еремин
Художественный редактор
В. А. Пузанков

Технические редакторы
А. П. Агафошина, Е. Р. Черепова

Сдано в набор 28.01.82. Подписано в печать 16.09.82.
Формат 80X100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,33. Уч.-изд. л. 10,71.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 1024. Цена 1 р. 40 к. Изд. № 32599.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский
полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.